

16+

Елена Кузнецова

Сквозняки закулисья

Елена Кузнецова

Сквозняки закулисья

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Кузнецова Е. Ю.

Сквозняки закулисья / Е. Ю. Кузнецова — «ЛитРес: Самиздат»,
2002

ISBN 978-5-532-06163-7

Герои романа вынуждены приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам жизни, в которых перемешиваются быт, мистика, политика и реальность. Провинциальной актрисе снится сон, действие которого происходит в ее спальне. Тот же самый сон снится и телевизионному режиссеру. Со временем сон трансформируется и начинает менять жизнь персонажей. Постепенно ночные видения из разряда "действительность" переходят в разряд "судьба". И желание отыскать ночного партнера становится для героев единственной реальностью в зыбком мире меняющейся страны.

ISBN 978-5-532-06163-7

© Кузнецова Е. Ю., 2002
© ЛитРес: Самиздат, 2002

Содержание

1 глава. Сон	6
2 глава. Ищите женщину	12
3 глава. День проклятья	22
4 глава. Жена	27
5 глава. Не подарок	38
6 глава. Зима	41
7 глава. Вечность	46
8 глава. Круг творения	50
9 глава. Укрощение желаний	54
10 глава. Когда наступает вечер, или очередь за счастьем	58
11 глава. Внутри себя, или история истории	65
12 глава. Благолепие	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Милой мамочке посвящается

*Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.
Давид Самойлов.*

*– Любите вы театр?
– Да!
– Но у вас нет данных.
– У меня талант!?
– Простите, не заметил.
Из разговора.*

1 глава. Сон

Замок резко щелкнул разболтанными шурупами. В проеме перед зеркалом возник высокий силуэт. «Это же не я?» – Даша силилась рассмотреть непрошеного гостя в узкой полоске света. Человек закрыл за собой дверь и затаился в прихожей. Тут только стало понятно, что забрался чужак. Вор, бандит... кто еще шастает ночами по квартирам без приглашения? Чтобы не завизжать от страха она зажала рот руками и...

... и проснулась. В квартире горел свет, и в прихожей никого не было.
– Господи, приснится же такое!

Сонный взгляд упал на луну за окном, и тотчас по спине побежали противные мурашки. Даша передернула плечам. Надо было встать и задернуть шторы, чтобы избавиться от непрошеного соглядатая.

Луна нагло пялилась в окно. На самом деле ничего особенно интересного внутри не происходило. Обычной ночью обычные люди обычно спят. Спят для поддержания хорошей формы, от усталости, оттого, что надо рано вставать на службу, по привычке... Просто спят, потому что еще никто не придумал, как без этого обходиться. За окном сцепились собаки, и с верхних этажей полилась отборная брань. Терпение дома к собачникам давно иссякло – их ненавидели и днем, и ночью, а они – в отместку – выгуливали своих зверей на детских площадках и отпускали резвиться без намордников. Даша грустно улыбнулась – и собак жалко, и людей жалко, всех жалко...

Она вяло силилась принять решение – размять затекшие от неудобной позы ноги, онемевшую спину или принять. Душ, конечно, в таком состоянии был противопоказан. Телевизор безостановочно мерцал экраном. Он давно уже рассказал про солнце в Париже, наводнение в Мексике, очередных перестановках в правительстве и последних сплетнях шоу-бизнеса. Даша сжалась и поднялась с дивана – отдыхай, трудяга. Чтобы сохранить дремотное состояние, она, сощурившись, проверила дочку в соседней комнате – та мирно посапывала, сбросив одеяло на пол. Собственная постель оказалась разобранной. Лениво подумалось, как такое могло получиться, – то ли она это успела сделать, придя вечером домой, то ли утром так торопилась, что не заправила?

Долгими печальными вечерами позволительно забыть о дневной суматохе и заботах. Притихнув в полутьме неяркого света, можно неспешно перебирать события недавнего отдыха или суету уходящего дня. Каждый день, если только к нему отнестись, как к чему-то неповторимому, всегда обретение и потеря. Впрочем, это сейчас было совершенно не важно. Важно было то, что сон ее ждал. Он никуда не торопился и дал ей возможность удобно лечь на кровать, выключить лампу и закрыть глаза. Через минуту она уже спала...

... на своей уютной старомодной кровати с металлическими ишечками на спинках. Лунный свет бесцеремонно протиснулся через неплотные занавески и облил ее серебром. Даша всхлинула во сне, как ребенок, и свернулась калачиком. Тотчас же открылась дверь, и в спальню вошел мужчина. Тот самый – из прихожей. Она ему улыбнулась. Ободренный улыбкой, он подошел к кровати, присел на краешек и провел рукой по ее волосам. Даша удивленно подняла брови, но не успела ничего сказать, так как он наклонился и поцеловал сначала руку, а потом и шею. Было немного щекотно, но это так понравилось, что тело само непроизвольно потянулось навстречу мужчине. Ощущение поцелуя на губах было настолько реальным, что она проснулась и открыла глаза.

На месте было все – комната, луна, занавески, дверь, кровать, она сама, – но мужчина... Мужчина отсутствовал. Она оглянулась и привстала. Было как-то странно, и Даша внимательно осмотрела комнату при неярком свете, потом принялась изучать руку, шею, волосы... Ничего необычного. Она хотела рассердиться на себя – попробуй теперь заснуть? – но почему-то рассердиться не получилось. Получилось улыбнуться – разве на такие поцелуи можно сердиться? Жаль только, что во сне. Снова погасла лампа, и Даша закрыла глаза.

Без всякого вступления мужчина снова ее поцеловал и стал распускать галстук.

Даша в панике вскочила на кровати. Она совершенно точно знала, что сейчас не спит. И что не спала и мгновение назад, когда мужчина поцеловал ее во второй раз. А этот второй поцелуй был так же реален, как и первый. Даша провела по губам – влажные. Но в комнате никого нет. И никого не было? «Нужно заканчивать с монашеским образом жизни, давно пора заняться здоровьем – мало ли какие еще могут быть галлюцинации», – неприязненно подумала она и устроилась поудобнее на подушке.

Мужчина начал расстегивать рубашку.

Молниеносно открылись глаза. Ничего! И, еще не успев сообразить, что делает, она чуть прикрыла глаза. Обзор четко разделился на две части: внизу, там, где глаз был открыт, она видела туалетный столик, вверху, где веко прикрывало зрачок, – мужчина уже снял рубашку и улыбнулся ей.

Даше показалось, что сейчас тело состоит из одних только глаз, но в комнате кроме нее не было никого. Она долго лежала неподвижно и смотрела в одну точку. Сама мысль о сне теперь казалась страшной. Она сбросила одеяло и опустила ноги на холодный пол. Всегда, когда обстоятельства выбивали из привычного состояния, она начинала потирать подбородок. Этот жест – прием старого киногероя – она присвоила еще в детстве, он означал полную растерянность. Но сейчас она была не просто растеряна – напугана. Рука нервно пошарила на тумбочке, и сигарета задрожала в пальцах.

Этот день должен был закончиться чем-то подобным. Еще утром на репетиции у нее ничего не получалось, и режиссер прочитал ей обидную лекцию на тему «отпуск закончился – пора поработать на общество». С себя бы лучше начал, а то: «Пойди туда, пойдя сюда, нет, лучше вернись и снова пойдя туда». А сам знает только одно место, и то такое, куда царь пешком ходит. Творец тупых овец! Как же надоело ей зависеть от самодовольных людей, которые знают про сомнения и муки творчества из популярных лекций. От едкого дыма неприятно запершило в горле, и она раздраженно подвинула пепельницу. Спать решительно расхотелось. Не найдя левого тапочка, босая на одну ногу, она поплелась на кухню. Из холодильника достала банку с самогоном от харьковской тетки, наполнила стакан, а потом пошла с ним в ванную.

Из зеркала на нее смотрела испуганная и растрепанная Даша. И обе держали по стакану. Приступ смеха заставил поставить стакан на раковину, пьяницей Даша не была, но первач уважала, и в минуты трудные принимала его, а не валерьянку. Глядя на свое отражение, она никак не могла понять, что же ее так напугало – реальность сна или нереальность происходящего?

В конце концов, что она теряет? Вот в этом и была загвоздка. Она теряла или сон, или мужчину. Даша осознавала, что для любого нормального человека она... то есть, в ее поведении вполне можно было усмотреть, как бы помягче выразиться – отступление от нормы. Но велика ли важность этой нормы в третьем часу ночи в квартире матери-одиночки? Она хрипло рассмеялась и, подняв стакан, решительно направилась в спальню. Ей потребовалось некоторое время, чтобы расслабиться. Легкое невесомое выражение ожидания остановилось на лице, когда закрылись глаза.

Мужчина тотчас бросил рубашку на пол. В напряженной тишине было слышно его сдерживаемое дыхание и звук покотившейся оторванной пуговицы.

....

Утром Даша ощутила, что по телу разливается приятная истома – давно забытое чувство блаженной телесной усталости. Тут же обнаружилось, что стакан на тумбочке пуст, а чужая пуговица валяется у ножки кровати. Даша вяло терла глаза и пыталась понять, что же произошло ночью, – сон ли это был или...

– Было?! – Даша вскрикнула то ли от восторга, то ли от ужаса. И что теперь? Как проверить все... Еще она с содроганием подумала о последствиях... – А если это дьявол... Господи, спаси! – ее подбросило на кровати, как ошпаренную. – Да где же он! – Руки лихорадочно перебирали ящик тумбочки. – Всегда был здесь, – она громко разрыдалась. – Пожалуйста, найдись, мне страшно! – На пол полетели заколки, бусы, записки от поклонников, коробочка с младенческой пряжей волос и пузырек с дочкиным первым выпавшим зубом. – Господи! – Даша прижала к груди пакетик с молитвой и иконкой и, сбиваясь, зашептала «Отче наш».

Целый день она ходила, как чумовая. Сон не шел из головы. Она никак не могла решить – надо ли забыть странное ночное приключение? Конечно, стоило бы поделиться со знающим человеком. Ну, хорошо, и что ему рассказать? Как в спальне побывал незнакомый мужчина, да еще и... Краска мгновенно залила лицо и шею, даже показалось, что и все тело приобрело цвет южного помидора.

– От него должны быть красивые дети, – непроизвольно подумала она, и быстро зажала рот, словно произнесла это вслух. – Нет, такими вещами делиться не стоит.

Даша прислонилась к окну и закрыла глаза. Память услужливо возвратила самые пикантные подробности ночной авантюры, а вместе с ними и ощущение паники. Ведь не случайный же мужик ворвался в ее сон? В случайности она вообще не верила. В такие – тем более. Ясно, что это не болезнь, хотя, кто знает, может, и самая что ни на есть болезнь. Надо бы съездить куда-нибудь недельки на две.

Надо бы, надо бы, кто же спорит, только сначала она Катьку в поликлинику сводит. В последнее время с ней творится что-то непонятное – то кашель какой-то странный, то одышка. Да и сапоги зимние купить нужно – морозы скоро ударят, а денег... Как же она устала от всех этих «надо». Они возникали на каждом шагу и обязательно требовали открыть кошелек. И его несостоятельность их не волновала. Да и про какую состоятельность можно было говорить актрисе из небольшого провинциального города в начале девяностых? Даша не жаловалась, просто, иногда жить было так трудно, что она боялась сорваться на маленькой дочурке, которая заморожено «стреляла» глазками по витринам с зазывными фантиками шоколадок и анилиновыми нарядами кукол.

– Мам, купи? – Оказывается, Катька давно уже теребила ее руку, а она, погруженная в свои невеселые мысли, этого не заметила.

– Солнышко, мы же с тобой договаривались? – Даша с ненавистью посмотрела на белокурого заморского пупса за стеклом.

– Я считала, уже пять дней прошло. – Катька заискивающе заглядывала в глаза.

– Катенька, дружок, ну, посмотри сама. – Даша достала кошелек и показала дочке его небогатое нутро. – Это нам с тобой на продукты, еще я должна заплатить за свет и купить тебе зимние сапоги.

– И санки! Ты обещала новые санки, – воодушевилась Катька. Разговоры о необходимых покупках, были своеобразной палочкой-выручалочкой. Какое счастье, что они еще могли обмануть простодушное детство и временно снять напряжение. Однако, Даша понимала, что долго так продолжаться не может. Катька растет, и ее все труднее и труднее обманывать. Скоро

она начнет присматриваться к подружкам, перестанет задавать риторические вопросы, а начнет делать выводы. Нехорошие выводы.

– Ну вот, сама видишь...

– Ты же обещала! – Слезы обильно покатались по пухлым щечкам.

– Я помню, я все помню. – Чтобы не привлекать внимания прохожих, Даша завела дочку за киоск и, вытирая платком мокрое несчастное личико, зашептала. – Мы с тобой как договаривались? В начале месяца будет премия, маме дадут много денежек, и тогда мы и шоколадки купим, и куклу эту...

– А ее могут продать.

– Конечно, могут, но если она тебе нужна, она никогда не продается.

– Очень-очень, а если...

– Тогда мы купим другую. Посмотри, как ты вспотела. Из-за какой-то куклы моя умная замечательная дочка может заболеть?

– Не может! – Слезы мгновенно высохли. – А тебе, правда, дадут много денежек?

– Я тебе когда-нибудь лгала?

– Ладно, – согласилась Катька и вздохнула со всхлипом.

Вечером она долго не могла утихомириться, и Даше пришлось насильно отправить ее спать. Но и в кровати дочка ворочалась и звала ее то сказку рассказать, то воды принести, то еще раз «точно-точно пообещать обязательно не забыть, что ей очень нужна новая кукла». Когда она, наконец, уgomонилась, Даша принялась учить текст роли. Его было немного, но автор оказался настоящим негодяем, – ее героиня начинала спектакль, потом появлялась на минутку в середине и затем дожидалась конца, чтобы под занавес поздравить молодоженов. Вот такая, с позволения сказать, новая роль! Будь она неладна. Придется таскаться за час до начала и вязать свитер на протяжении всего спектакля в гримерке до финальной реплики. И отказаться нельзя – и так норма по выходу на сцену не набирается.

Катька раскашлялась во сне. Даша вспомнила, что забыла отпроситься с репетиции, значит, посещение поликлиники с дочерью опять придется отложить. Она потрогала лобик, – кажется, температуры не было. Если завтра дочке станет хуже, придется вызвать врача. В конце концов, здоровье ребенка дороже работы, а замену в театре как-нибудь найдут.

Телевизор изгалялся в нагнетании очередных ужасов, но Даша тупо смотрела на экран, – все новости прошли мимо ее сознания, даже прогноз погоды не привлек внимания. Сейчас ее занимало только то, что не оставляло весь день, – повторится ли вчерашний сон? Появится ли снова в ее спальне тот мужчина? Она и боялась ночи, и не смела сама себе признаться, что хочет продолжения. Хочет и боится. Боится одинокой спальни, кровати, своих тайных желаний. Однако, вопреки опасениям сон не торопился. Она не могла себя заставить расслабиться и ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к звукам из дочкиной комнаты, а вредный будильник мигал цифрой четыре. «Вот тебе и сон сладостный, неудачница», – Даша накинула халат и тихонько вошла к Катьке. Большой ушастый заяц – розовый в серый горох – застрял в под одеяльнике. Она освободила его и присела на стульчик у кровати. Дочка во сне улыбалась, и нестерпимо захотелось спеть ей – спящей – колыбельную песню. Все равно какую, главное добрую, красивую, светлую – про зеленые леса, пахучие цветы, ласковое море. Про счастливую будущую жизнь. Она смотрела в окно на луну и укачивала зайца, а на немудрящий мотив тихонечко напевала о том, что приходило в голову.

– Жизнь... Жизнь... Жизнь...

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны.

Как все изменилось – время, ценности, желания, претензии. Наши деды и отцы мечтали дойти до полюса, изобрести вечный двигатель, осчастливить все человечество, быть первыми, лучшими... Теперь все спустилось с небес на землю. Ты уже не рвешься на полюс, а просто идешь в магазин. А у кого-то цель – приобрести «тачку». Лучшая подруга прожужжала все

уши новой шубой. Все нужно. Да. Но как странно цель изменила свой адрес: от быть до иметь. Квартира, дача, машина, шуба...

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны.

Куда уходят наши голубые и розовые мечты? Может, их беда в том, что они были слишком голубые или абсолютно розовые... Или не выдержали конкуренции цветного телевидения... Или просто их, не было? Не было. Не было... Не было?!

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны.

А что было в моей жизни?

Еще тридцать... с хвостиком. Пока с хвостиком. Уже с хвостиком.

Кто-то ведь не дожил. Кто-то ведь не сделал... А кто-то успел. Сумел оставить и остаться в людской памяти.

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны.

Хорошо сказано: «Все зависит от цели». Была ли она – цель? И, если была, то где, в чем? Училась. Любила. Работаю. Все, как у всех. Отклонений нет. Где я сама – Даша – в этой круговерти, в этой автобиографии, общей для поколения? Где место моим мыслям, надеждам, мечтам? Где оно – самое-самое, в чем я не похожа на других? Нашла ли я-то, что кроме меня, никто не умеет, или, по крайней мере, я могу сделать лучше многих? Как странно, но... стыдно быть лучше других. Иметь то, чего ни у кого нет – не стыдно, а быть – неловко, словно запретно. Никто уже не стремится быть первым. Выжидают.

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны.

Да, жизнь. Жизнь, жизнь, жизнь....

Все она. Все к ней. Все от нее.

Она помешала... Подавила... Заставила...

Как легко и просто – обстоятельства. Чуть что, мы сразу – обстоятельства. Не то образование – виноваты родители. Нелюбимая работа – плохое устройство. Дрянное начальство – оно и виновато. А я – лицо страдательное. Куда уж мне, такой маленькой, слабой и талантливой против обстоятельств. Вы меня должны опекать, любить, хвалить, помогать и обязательно жалеть. Какое мне дело до вашего времени, ваших забот и сложностей – мне помогайте. Все виноваты в том, что у меня не сложилась судьба. Делать дело? А зачем? Это пусть лучше Александр Сергеевич, который Пушкин. Мне бы что почище, да попроще, да поденежнее. А уж вы-то постарайтесь! Сделайте, будьте любезны. А я как-нибудь потихонечку, ибо выше этой вашей суеты, бытовщины. Я существо возвышенных порывов.

Даша не замечала, как напряглись руки, сжатые в кулаки. Не хотелось портить колыбельную поименным списком «возвышенных чистюль», и она, сглотнув вязкую слюну, просто погрозила кому-то в пустоту.

– Жалела, думала – маленькие, слабые, не деловые, беспомощные. А они просто ленивые эгоисты, нытики со статусом иждивенцев. – Но невидимые «иждивенцы» никак не желали уходить и просились на язык. – Что мне до них? Сволочи! Правда, и есть сытно, и спать мягко, и жить с комфортом – они первые.

Как бы кто бы меня бы для меня бы...

Спи, моя хорошая. Пусть тебя снятся только счастливые сны.

Господи, почему это малыши так и норовят сбросить с себя одеяло во сне...

Хочется иногда быть просто лежачим камнем, – и хоть трава не расти! И пусть кто-то другой – давай-давай!

Идет время...

Смеется дочурка во сне...

Как много звезд...

Скоро зима...

До новой весны! Все, что мной не сделано, не совершено, не решено, не выполнено – останется тебе, моя кроха, – такая маленькая, но уже с характером. И я знаю, все, что бы ты ни сделала, начнется с меня. Хорошее и плохое...

Это – ответственность.

Это – радость.

Это – мука.

Это – счастье.

Мое счастье. Моя цель. Моя мечта. И моя надежда.

Спи, моя хорошая. Пусть тебе снятся только счастливые сны... завтра...

2 глава. Ищите женщину

Завтра можно не ездить в Останкино. Осталось немного доснять, но Павел решил этим заняться после подписания договора. Он все время ругал себя за согласие работать под честное слово. В группе даже смеялись: «Павлуше опять признавались в дружбе, – это значило, что кто-то снова предлагает работать под неясную перспективу будущих денег. «Характер – твоя судьба», – говаривала в таких случаях бывшая жена, – и она права, хотя и была «набитой душой». Тем не менее, почему-то Павел никогда не обижался на свой плохой характер, но за судьбу всегда было оскорбительно.

Характер характером, а три дня напряженных съемок он держался молодцом. Если бы не кретин-продюсер, они могли уложиться и в два дня, а экономия пошла бы на оплату работы. Но поганец из Филадельфии решил показать, кто в доме хозяин. Он летал по площадке, как слон в посудной лавке: разбил два софита и заляпал платье на модельке, – девчонка визжала, как резанная. Теперь из-за перерасхода времени и средств деньги им заплатят только через месяц.

Досада саднила, как застарелая заноза. На глазах у группы, которая работала по двенадцать часов, наличными расплачивались с гардеробом, милицией, павильонными службами и приглашенными смазливymi модельками. И только для тех, кто работал на программе, денег всегда не хватало. Поганец – так стали называть продюсера все – к тому же придумал применять какие-то штрафные очки за неисполнение его идиотских заданий. Нравилось ему унижать людей. Пруха такая идет, так чего церемониться?

Попирались правила русского языка – из ящика разносились ужасающе безграмотные фразы, дословно переведенные с текстов иностранных рекламных роликов, да и ведущие в этом старались не отставать от «веяний времени». На законы восприятия никто не обращал внимания – за секунду могли менять по три плана, не задумываясь, что у зрителя от мельтешения неминуемо заболит голова. Самое горькое состояло в том, что всем было наплевать на свою великую культуру, на особенности национального характера, на повышенную бытовую деликатность населения.

Настоящим делом давно не пахло в прокуренных коридорах Останкино. Телекомпании множились, как тараканы. Все делали деньги. Рождались и лопались липовые программы, которые безбожно и бесстыдно слизывались с американского и европейского телевидения. Но их претенциозно называли проектами недавно убитого популярного ведущего, из-за которого Останкино устроило всенародную истерику с черным экраном на весь день.

Если навстречу попадался довольный собой незнакомец, то все знали, что это или настоящий бандит с полной мощной, или одессит с испанским гражданством и портом приписки в Калифорнии. На телецентре таких «продюсеров» презирали, но вынуждены были пресмыкаться – ведь только они нанимали на работу. Их глаза видели только размытую зелень, облагороженную портретами американских президентов. Больше оловянные лупалки не замечали ничего.

Какие там идеи? Барыш да навар – вот и все идеи! И новое российское телевидение для них было самым легким и быстрым способом увеличить свои барыши. Все понятно: рабочая сила дешевая, мировых цен дураки не знают, верят фальшивым бумажкам о несуществующих банковских счетах.

Для одних работы было много, а для других ее не было совсем. Казалось дикостью, – в телецентре, полном профессионалами, многие были не у дел. Почему? Поначалу Павла это изумляло, но только до тех пор, пока до него не дошло главное. Денежные мешки ничего не понимают в телевидении, но «хочут, чтобы им сделали красиво». Нормальный работник обязательно начнет объяснять, что и как надо делать. То есть, станет учить. Только «новые учи-

теля» за такую «музыку» платить не желали. Телеспецов покупают оптом в копейку: совок закончился. Есть от чего куражиться толстосумам! Они нанимали персонал строго по принципу: максимум любовниц, минимум профессионалов, которые выполняют работу за мизерные деньги, остальные – обеспечат комфорт.

Вот и оказалось, что теперь на телевидении – его родном телевидении – правят бал нефтяные магнаты и биржевые махинаторы. Тыча пальцем – сделай мне так! – им удобней иметь дело с себе подобными. Маленькие подлые копии легко осадить – нужно только хозяйское желание, а повод уличить в некомпетентности всегда найдется. Профессионал станет спорить, а молодой хам умоется, проглотит обиду и рьяно бросится воплощать любую глупость шефа. Таких, как вратаря, пропустившего гол, нетрудно обвинить в любых огрехах команды. С ними удобно. Они всегда соглашались. И вот уже толпы молодых и наглых подвизаются на административно-хозяйственных постах и лижут новым господам все, до чего достанут. Они приезжают на своих навороченных тачках, не выпускают из рук сотовые телефоны, на оплату которых уходит львиная доля зарплаты профессионалов, и ведут себя, как последние хамы, благо пример хозяев перед глазами.

Павлу – сорокалетнему режиссеру – платили 800 долларов, а костюмерша 18-ти лет приходила на час, гладила костюм и получала 350. И все. Он же до того, как выйти на площадку, общался с заказчиками, заказывал реквизит, подбирал актеров, расписывал съемку по секундам. Заказчики вели себя, как капризные барчуки: часто сами не знали, чего хотят, но часто меняли уже отработанное на площадке и ничего не отстегивали за свои фантазии. А аренду помещений, оборудования и служб все равно приходилось оплачивать. Не особо ломая голову, хозяин придумал, как не спугнуть заказчиков и сократить расходы: он просто вычитал эти деньги из зарплаты сотрудников, мотивируя наказанием за неисполнительность и неспособность к экономии.

– Бизнес требует жертв. Вам всем надо много стараться, чтобы освоить цивилизованные способы работы. Привыкли жить в бардаке! Давайте-ка, учитесь выдавливать из себя рабов, – поганец наставлял добродушно и часто. После подобных наглядных занятий группа отправлялась на ночной монтаж, договариваясь с инженерами на свой страх и риск, потому что законно арендовать аппаратные «цивилизованный» космополит не желал. А сам он после того, как «каждая сестра получала по серье», сваливал в ближайшее казино – просаживать «экономию».

Всю эту нервотрепку Павел терпел, потому что ничего больше не знал и не умел. Жизнь вне железобетона Останкино была непонятной и пугающей. Мир внутри – противным до омерзения, но знакомым. Так что, как-то сами собой постепенно исчезли обиды на прошлое, даже развилась некоторая ностальгия: в советском государстве было много идиотизма, но такой вопиющей профессиональной безграмотности не было.

– Тортякой в мордыку – это смешно, – любил говаривать поганец-продюсер. В этом для него был и менталитет, и образовательный уровень среднего жителя России. Эту страну он презирал, но приезжал наваривать быстрые деньги способами, за которые его давно бы посадили за решетку в американском раю, куда побежал он за длинным долларом, называя это эмиграцией по национальному признаку. На самом деле, – в группе ходили глухие слухи, – он пытался «химичить» с дерibasовскими замашками: то ли доливал, то ли разбавлял, то ли приписывал. Он так делал в Одессе, попробовал в Испании, попытался в Филадельфии, но там получил по рукам, отделавшись испугом, и, замавав штаны, прибежал в Москву. И из побитого второсортного эмигрантского пса стал важным «новым русским». А тут таких, как он – все в бизнесе по маковку!

В минуту душевного расслабления поганец любил предаваться размышлениям о глупости оставшихся – никуда из России не сбежавших – и лениво учил жить правильно. Так, с легкой руки этих баловней судьбы и наживы расплодились многочисленные пошлые шоу, где

обнажались души и тела, в которых юмор начинался там же, где и заканчивался – в районе гульфика. Они понимали свое богатство и могущество, как возможность заставить других делать непотребство. И все с удовольствием начинали обсуждать чужое исподнее, чтобы не отстать от моды и не прослыть ретроградами, плетущимися в хвосте мировой «культуры». Политическую проституцию, извращения и настоящий половой акт провозгласили символами нового российского телевидения, а современность теперь стала называться сексуальностью.

– Ишь, как меня разобрало! – Павел тупо смотрел рекламу женских прокладок, а в душе рождалось отчаяние. Как и многие режиссеры, он надеялся заработать на рекламе денег для съемок своего кино. Какое там кино? Пиф-паф – и все кино. Нет его уже, и никому оно не нужно. – Да пошли вы все! – Он замялся с направлением. Послать хотелось так далеко, как никто никого никуда еще не посылал. – Однако, какое же это должно быть замечательное место! – Хотелось засмеяться, но получилась только кривая усмешка. – Лепота! А не сгонять ли самому?

Ближайшим стойбищем была кухня. Водка кончилась еще вчера, поэтому пришлось открыть сладкий вишневый ликер. Павел плеснул в стакан яркой пахучей жидкости. Как бабы это пьют? С первого раза ответить не получилось. Чтобы разобраться окончательно, пришлось осушить полбутылки. Если честно, то Павел так и не понял женщин, но захмелел сильно и зачем-то поплелся в спальню с пустым стаканом.

Очень мешали тапочки, но пришлось терпеть их на ухабах неразобранной постели, а заодно и очки на носу. Спать Павел любил и всегда делал это с удовольствием. Только сны никогда не помнил наутро. Хотя ощущения чувствовал остро. И всегда безошибочно мог сказать, хороший был сон или плохой...

... на кровати лежала женщина лет тридцати. Она спала. Это Павел понял, когда открыл дверь и вошел в комнату. Женщина открыла глаза и улыбнулась ему. Ободренный, он направился к кровати. На ощупь волосы оказались гладкими и мягкими. Он поднес к губам ее руку и игриво пощекотал шею. Потом наклонился, замер в долгом поцелуе...

... и проснулся от острого ощущения валидола или мятной карамели на губах. В комнате царил полумрак и полный раскардаш. Но женщины не было. Он оглянулся, мутными глазами осмотрел комнату и сфокусировал взгляд на руке.

– Пить меньше надо, – с блаженной улыбкой Павел бросил тапочки на пол, снял очки и, погасив лампу, основательно устроился под одеялом. Стоило опустить веки, как...

... он тут же поцеловал женщину и стал распускать галстук.

Глаза открылись сами собой – никакой женщины. Губы были влажными. И снова вкус мятной карамели. Только он снова закрыл глаза...

... как увидел себя, расстегивающего рубашку.

Открыл – ничего.

Павел сбросил одеяло и вскочил с постели. Кроме вдавленного матраса, грязной простыни и старого носового платка на кровати ничего не обнаружилось. Лоб покрылся мелкой испариной. Павел прислонился к стене, потом воровато ущипнул себя за руку и потер глаза. Комната, по-прежнему, была пуста. Он опять закрыл глаза...

... женщина лежала на кровати.

Веки начали медленно приподниматься, и обзор четко разделился на две части: внизу, где глаза уже открылись, была пустая комната, вверху, в там, где веко еще прикрывало зрачки, – оторванная пуговица крутилась, как волчок. А сам он...

... улыбался женищине.

Павел открыл глаза и целую вечность стоял неподвижно, глядя в одну точку. Потом взял пачку сигарет с прикроватной тумбочки и закурил. Брошенных тапочек нигде не было видно, и пришлось плестись на кухню босиком. Внутренность холодильника, исследованная в предыдущем подходе, ничего нового не предложила, завершить знакомство с ликером было выше всяких сил – лучше принять душ. Однако, в ванный Павлу совсем не понравилась взъерошенная рожа в зеркале, он подмигнул своему отражению и вернулся в спальню. Лицо расправилось, губы сложились в легкую улыбку – с таким выражением в детстве он встречал подарки.

... женищина проводила глазами брошенную им рубашку...

....

Утром, потянувшись, Павел поначалу не понял, что произошло? Сознание отметило только какое-то несоответствие обычному ходу вещей. Похмелья не было. Он лежал, а внутри тела происходили невероятные вещи. Самое удивительное ощущение преподнесла спина, казалось, что позвонки, нервы и мышцы дружно поют, *a capella* осанну здоровью. Он всегда просыпался от позвоночных болей. Застарелый радикулит лечить было некогда. Давно, еще со школы, неудачно оседлав «коня» на физкультуре, Павел сделался постоянным посетителем физиотерапевтов и массажистов. С возрастом сошла на нет охота стать безболезненным прямоходящим. Эскулапам он перестал верить, а заклинателей и костоправов панически боялся. Но сейчас?! Он с удовольствием размял косточки, как заправский кот. И опять ничего. Никакой боли!!!

– Так не бывает, – Павел произнес это на всякий случай тихо.

Но так было! Спина запросто выгибалась без всякого хруста. И тогда он взял стакан. Из его пустоты слабо пахло... самогонкой! А на рубашке отсутствовала пуговица. Неизвестная сила вытолкнула Павла из постели и отправила на кухню. Перед холодильником он оробел – собственно, чего ищет, в чем хочет удостовериться? Совершенно точно в холодильнике нет самогона – стал бы он лакать ликер! Отчаянная попытка найти его в каком-нибудь другом месте тоже ничего не дала: тары не было на столе, в мусорном ведре валялись только гнилые яблоки, в ящиках стояли нечищенные кастрюли. Его не было ни в спальне, ни на балконе.

Павел уже сообразил, что поиски ни к чему не приведут, но остановиться не мог, ведь стакан пах не ликером, который он заглывал вечером перед сном. Стакан вонял отвратительной самогонкой. Он вернулся к кровати. Необходимо было успокоиться. Но как быть с самогонкой?! Стакан есть, запах есть, значит... О том, что это могло значить, подумать было... Спина, банка...

СОН!!!

Мгновенно вспотели ладони. Павел не мог сказать, что сон был плохой. Сон был прекрасный! И все, что в нем было, было... Он потерял лоб, – даже и не скажешь, как было во сне?! Как «хорошо» или «здорово» не подходило под определение этих ощущений. Там было **идеально**! Такое случается у романтических молодых людей. Но какой же он – романтик? Может, в юности тоже снились подобные сны, а он просто это забыл? Павел вдруг обратил внимание на то, что делает... зарядку. Зарядку?! Он не занимался этим никогда! А сейчас ему хорошо. Приятно легко наклоняться и безбоязненно раскачиваться из стороны в сторону.

Жить! Очень захотелось жить! По-настоящему! Делать дело. Дышать полной грудью. Радоваться солнцу. А кто мешает? Да никто.

Странности сна не могли быть случайными. Нужно просто подумать. Жалко, что лицо женщины не вспоминается. Зато вкус ее губ и запах волос он уже не спутает... С чем и с кем путать? – это же женщина из сна.

А если не из сна? Если она не из сна, – то есть, формально, она из сна, – то такая женщина... должна быть в жизни. В настоящей жизни. И ее можно найти. Правда, он не помнит лица и не знает имени. Что из того? У него есть запахи. А еще есть ощущение тепла и невероятного совпадения. Они совпадают, как сходятся парные карты, как совмещаются края двух разорванных бумажек, как составляют одно целое две половинки разломленной сливы.

Это – его женщина.

Он мог прокручивать сон, как на мониторе в монтажной, прогоняя свои шаги и замедляя ее движения. Детали... Все дело в деталях. Сон не погружался в привычную дымку, как обычно бывает по утрам. Сон сохранил все подробности: маленькое серебряное колечко с бирюзой и родинку на сгибе локтя.

В голове яркой молнией пронеслись кадры с начальными титрами. Титрами его программы. Еще не осознав, что он делает, Павел полез под кровать и неловко стукнулся макушкой. В ореоле многомесячной пыли своего часа дожидалась портативная «Оптимa», знававшая лучшие времена. «Милая старушечка моя, истосковалась по работе, родная», – Павел мгновенно забыл про сон. И тот посторонился, отступил до времени в растаявшие ночные сумерки. Пальцы Павла уже заныли от предвкушения, от ощущения гладких податливых клавиш. В голове крутились обрывки разговоров о новом руководстве, о запускаемых проектах. Чужих проектах.

Свой проект! Да! Он готов к своему проекту. Это будет... передача о женщинах. Для... Тут он остановился. Делать передачу о женщинах для женщин, – кто знает, что им нужно, женщинам? А делать для мужчин... ну, для них подходит только... даже уточнять не хотелось. Нет, он не будет пока определять свою аудиторию.

Белый лист бумаги уже ждал насилия. Он был готов пожертвовать своей девственностью во имя стоящей цели.

– Ищите женщину... Ищите женщину, ищите женщину!

– Вот пристала, погоди, я тебя сейчас найду! И чего тогда будет... А? – Несмотря на похмелье, Павел любил этот первый момент, когда на невинном чистом поле появлялись черные буковки искушения. Искушения творца, которое уже стало забываться за мельканием ежедневных будничных хлопот и обильных возлияний. Хотелось сделать что-то странное, необычное, может, пьяное. – Если не свалюсь, я тебя – приставучую – отыщу! – Он громко свистнул и быстро забарабанил по клавишам.

ЗАЯВКА

программы под рабочим названием

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Передача планируется к выходу два раза в неделю. Ее продолжительность 15–20 минут без учета рекламного времени. (Голова необычным образом прояснилась, – азарт брал свое).

Главная идея – в любом явлении или событии обязательно задействована женщина. Она или провоцирует, или активно противодействует. Женщина никогда не остается в стороне, просто ее присутствие не всегда и не всем видно. Ее интересы не только влияли на многие исторические события в прошлом, но они и сегодня часто становятся определяющими при принятии важных решений. Ведь общеизвестно, что на высокий пост стараются не назначать

холостого мужчину – у него отсутствует критика снизу. (Павел похихикал: «Баба́м показывать не стану. Им же не объяснишь, что это только «общеизвестно»».)

Интересно рассмотреть сегодняшний мир глазами женщины: что и как она думает «о»; что она бы могла изменить «в»; где быгодились ее чисто женские качества, но этого не происходит, потому что «...»

Исходя из особенностей женской натуры, нельзя брать за правило жесткий сценарный ход программы:

- темы и сюжеты могут быть разными, к ним можно возвращаться;
- факт или событие – повод для осмысления, а не для констатации;
- предварительное планирование направления дает возможность подходить к изучению темы с разных сторон, но вывод обязательно должен стать попыткой осмысления проблемы.

Идеологически передача будет ориентирована на среднюю семью – семью нормального отечественного обывателя, который смотрит телевизор по инерции и озабочен проблемой «как выжить» больше, чем проблемой «как жить».

И здесь без женщины не обойтись. Так было всегда. В ее власти сместить бытовые и профессиональные ориентиры с «иметь» на «быть». Она не только хранительница очага, хозяйка дома, но и активная помощница, и серьезная противница, и... все остальное.

Сегодняшнему человеку, который в массе своей недоволен собственной жизнью, раздражен на рекламу, постоянно думает о нехватке денег и считает, что жизнь «выбила его из седла», женщина может помочь не только своим участием, советом, но и примером.

Программа будет обращаться к зрителю, как к человеку, который «в порядке», только сам этого не осознает. Задача программы убедить каждого, что он имеет столько, сколько тратит сил. И необходимо любить то, что имеешь.

Комментарии тем будут выстраиваться с учетом предварительного сценария, но это не жестко закреплённая схема, – поиск причин (темы, события, ситуации и пр.) может заставить пойти за фактами, открывшимися в ходе съемки.

Героем программы должен стать человек (совсем не обязательно женщина), которому можно (и хочется!) доверять. Он способен «повернуть» проблему, может доказать, что она – частный случай. Но это точка зрения человека, который знает, о чем говорит, который выстрадал право на собственное суждение.

Формирование «портфеля» программы должно идти по двум направлениям:

- собственные темы для исследования (работа, воспитание детей, внешность, соблазны и пр.);
- зрительский интерес, причем здесь важно, чтобы зрители не только темы предлагали, но и задавали вопросы (вообще, по теме, героям и пр.).

По жанру программа информационно-познавательная.

Возможно, но не обязательно, наличие рубрик.

Подача материала: репортаж, зарисовка, беседа, интервью. Причем, необходимо найти ход, который бы позволил уйти от «стереотипа» интервью.

Самое важное – стиль программы. Идеальный вариант – ведущий. Это должен быть «человек темы», друг зрителя и проводник идей программы. Необходимо избегать однозначности, однобокости, однолинейности. Легкость, графичность и воздушность должны присутствовать не только в видеоряде, но и в комментариях.

Похмелье куда-то испарилось. Павел внимательно пробежал глазами текст в поисках ошибок. Глаз зацепился за некоторые неточности в формулировках, но, решив, что заявка – всего лишь рабочий документ, он подписал ее, не забыв перечислить все свои регалии – на начальников и спонсоров это действовало безотказно. Внутри поднималась горячая волна благодарности к самому себе, и полное удовлетворение уже готовило свои объятия. Однако, этому

замечательному «консенсусу» мешала незначительная малость – он не знал, что делать дальше? Впрочем, заявку можно отнести к знакомым продюсерам. Лицо непроизвольно изобразило гримасу полнейшей безнадеги. Нет, этим гадам подобное не нужно – им подавай клубничку.

Он еще раз пробежал глазами заявку и остался доволен. Конечно, хорошо было бы к заявке приложить сценарий программы, а еще лучше – пилотный выпуск. Павел подумал, что можно было бы роскошно преподнести репортажные куски. Он давно уже хотел поэкспериментировать необычными ракурсами съемок, только где их взять – сами съемки? В голове еще не оформилась следующая мысль, а руки уже перебирали кассеты с прошлыми программами: тематические передачи, репортажи для новостей, концерты, разные шоу, клипы, реклама. Сколько их уже сделано за десять лет? В конце концов, пока, для пилотного показа вполне подойдет и это, а с задумками можно погодить. Будут деньги и эфир – можно вспомнить и про эксперименты.

Глядя на залежи кассет, Павел еле сдержался от «ласковых» слов, – сколько раз собирався составить каталог! – вот теперь приходится гонять некодированные пленки по головкам видака в ускоренном режиме. «Заработаю – куплю новый», – подумал он вяло, впрочем, другого выхода все равно не было. Просмотр и отбор материала занял шесть часов. Устали глаза, но примерный план программы уже просматривался. Павел выключил видеомагнитофон и зарылся в справочники. На это ушло еще часа четыре. Он забыл, что не ел весь день. И даже не курил.

Рука решительно подвинула разлинованные листы, которые начали быстро покрываться необходимыми уточнениями. Текст «ведущего» рождался легко и вдохновенно. Никаких проблем не вызвало и придумывание названий для рубрик. В некоторых сюжетах Павел даже поставил хронометраж эпизодов, конечно в тех, которые хорошо помнил. Не беда, остальное можно будет внести по ходу работы. Он еще раз пробежал глазами заполненные листочки и остался доволен.

– В который раз за непродолжительное время! Ай, да Павел... – уточнять не стоило, тем более что все мы и так сукины дети, чем тут хвалиться? – Он ухмыльнулся, снова заправил бумагу в машинку и принялся за составление сюжетного черновика.

СЦЕНАРИЙ ПРОГРАММЫ

Cherchez la femme

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Компьютерная заставка

Уличная съемка.

Текст.

«Ищите женщину» – говорят умные.

«Ищите женщину» – соглашаются глупые.

«Ищите женщину» – вздыхают влюбленные.

«Ищите женщину» – советуют знающие.

«Найдите женщину» – желаем мы.

Ему – ее, ей – себя. Ибо, кого, как не женщину, ищет мужчина, и чего, как не свой идеальный образ пытается найти сама женщина.

И все мы – более расторопные и менее удачливые – ищем. Ищем женщину.

Так было всегда. Ничего не изменилось сегодня. И есть все основания надеяться, что завтра все останется по-прежнему. Тому порукой – великий путь Данте по кругам ада во мраке и зловещем огне – не к славе и не к Богу, но к Беатриче. К женщине!

Все начинается с нее – радость и боль, открытие и предательство, вера и подлость, надежда и отчаяние. И любовь – неповторимая, особенная, у каждого – своя.

Нам хотелось бы, что бы эта короткая встреча с вами стала маленьким подарком. Мужчинам и женщинам. Подарком для всех, кто знает, – любое событие связано с женщиной, если не прямо, если не явно, если...

Видео

Съемка весенних улиц, парков, набережных, цветочные киоски.

Текст

... весной легко говорить о женщинах, – солнце помогает выманивать улыбки из замерзших за зиму лиц, сам воздух полон ожиданием встреч. Весна идет!

Новая радость всем обещана.

Новая жизнь начинается.

Новая женщина рождается.

Видео.

Вывеска родильного дома. Палата для младенцев.

Текст

Еще помнится запах цветов, подаренных к 8 марта, – самому изящному празднику для женщин и самому хлопотному для мужчин.

Видео

Съемки в родильном доме и синхрон с молодыми родителями: рождение первенца, уход за ребенком, надежды, будущее дочери, принципы воспитания, развитие способностей и характера...

Видео

Академия красоты и здоровья

На мониторе компьютера лицо девочки 5 лет. До операции – большое родимое пятно. После – пятна нет.

Синхрон

Хирург-косметолог:

– Родимое пятно – вопрос восприятия. Для одних – пикантное отличие, для других – может стать жизненной трагедией. Нет пятна – нет трагедии. Все дело в том, что каждый понимает под красотой.

Видео

Несколько знаменитых картин

с изображением женщин (музейная съемка или художественные альбомы), фото известных актрис и манекенищиц. Хирург-косметолог за компьютером моделирует лицо для пластической операции

Текст

Мудрый Монтескье однажды заметил, что «у женщины есть только одна возможность быть красивой, но быть привлекательной есть сто тысяч возможностей». А как по-разному

оцениваем мы красоту! Для женщины – это совсем не то, что для мужчины. И сколько людей – столько и мнений...

Синхроны

Шейх: «Красота женщины в ее целомудрии и материнском назначении, она – рождает и воспитывает будущее».

Пенсионерка на улице: «Красоту можно творить везде и всегда – даже на старых поддонах газовых плит».

Стилист: «Красота в умении привлечь внимание».

Актриса: «Я испытываю неприязнь к манере поведения и внешнему виду нынешней деловой женщины».

Хирург из Академии и здоровья: «Сегодняшняя женщина начинает обретать подлинную свободу. И в этом нет яростного феминизма. Изменились условия существования, – выбор профессии, материальные возможности, технические достижения помогают женщине быть такой, какой она может, и выглядеть так, как ей этого хочется. Если в женщине есть изюминка, то любые дефекты можно убрать. Сегодня у женщины есть возможность попытаться выглядеть так, как ей представляется в идеале.

Видео

Кремлевская панорама

Текст

У каждого человека свой идеал. Одни хотят иметь. Другие – быть. Но бывают редкие женщины. Рядом с ними мужчины становятся героями. Эти женщины умеют вдохновлять на подвиги. Рядом с ними князья становятся самодержцами.

Видео

Платок царевны Софьи Палеолог. Книжки, старинные изображения Софьи, Ивана III, боярских хором, древнего Кремля.

Текст

Брак племянницы Византийского императора Софьи Палеолог с московским князем Иваном был делом политическим. Гречанка по отцу и итальянка по матери Софья воспитывалась в Риме. Ее брак мог способствовать проникновению католичества в Россию и породнить Москву с последней Византийской династией. Католичество на Руси не прижилось, зато с Софьей в Кремль вошло обаяние и блеск царственной роскоши, шарм и элегантность утонченной женщины.

Эта молодая гордая царевна в чужой стране смогла изменить то, что более 300 лет унижало и разоряло Россию. Она возмутилась!

Царевна не могла смириться с тем, что государство платит дань Золотой Одре. Она смогла убедить мужа «не слушаться рабов», и завоевать с оружием в руках свободу для отечества. Мы сегодня сказали бы, что она заставила супруга показать, кто в доме-государстве хозяин. Софья сделала князя Ивана самодержцем Иваном III. У него изменился даже язык переписки. С тех пор князь стал причислять себя к царственному древу Византийских правителей. А Россия навсегда перестала платить дань Орде.

Видео

Молодая семья с маленькой Настей

Текст

В каждом из нас заложены колоссальные возможности. Крошечную девочку с именем из русских сказок – Настенька – ждет новая жизнь. Какая она будет? Обманет ли она ожидания или оправдает надежды зависит и от нас с вами. Эту маленькую женщину еще предстоит найти.

Мы попытаемся рассказать об этом. И еще об очень многих вещах, с которыми сталкиваемся в поиске женщины. А, кстати, кто, когда и при каких обстоятельствах произнес это великое – «Cherchez la femme» – «Ищите женщину»?

Финальные титры

Напечатанные листочки Павел отложил в сторону, не читая. Его переполняли сюжеты и сценарные ходы, тем более, что он как-то умудрился обойтись без придуманного рубрикатора. «Запахну куда-нибудь потом, не пропадать же добру», – неопределенно шевельнулась мысль. За окном давно зажглись уличные фонари, но он не видел ничего, кроме печатной машинки. Потертая железная подруга была единственной дамой – испытанной и надежной. Он не заметил, что гладит старенькие клавиши и улыбается каким-то неявным ночным размышлениям.

3 глава. День проклятья

Трава блестела от влаги, хотя дождей не было с неделю, но Даша не удивилась, – за городом, наверное, всякое бывает. Солнце стояло достаточно высоко и поджаривало открытые плечи. Даша подумала, что надо было надевать не сарафан, а свободную рубашку, чтобы и не париться, и не сгореть. Она старалась аккуратно переступать с камня на камень, чтобы не запачкать босоножки. И чего все так с ума сходят по этой дачной жизни? Грязь, комфорт в дощатых туалетах, вода ведрами, участки с гулькин нос... Нет, она решительно не понимала граждан, по выходным набивающихся в электрички.

Дядя Петя, как всегда, буркнул что-то себе под нос. Она скорее догадалась, чем услышала его приветствие. Племяшка поманила пальцем в огород и застыла над грядкой почти в молитвенной позе. Даша смотрела себе под ноги, но не видела ничего, что могло привлечь внимание девочки. Но вот земля забугрилась, приподнялась, и просохшие комочки стали скатываться с образовавшейся горки. Даша нагнулась и пошевелила палочкой, хотя девочка отчаянно тянула ее за руку. Крот еще немного повозился в своем подземелье, пошвырял камешки, но наружу так и не вылез, хотя они долго стояли над свежей горкой.

– Зачем ты? Я же тебя держала.

– Что, зачем? – Даша и сама огорчилась.

– Он не захотел выйти из-за тебя.

– Ты меня сама позвала.

– Позвала, позвала, но я не думала, что ты носом полезешь в норку. Крот тебя учуял и не вышел.

– В следующий раз выйдет.

– А ты думаешь, легко его выслеживать? Я так долго караулила, а ты... – племяшка огорченно махнула рукой и побежала к колодцу.

Даша тоже расстроилась. Она совсем не хотела никого обижать, но почему-то так всегда получалось, стоило ей приехать на дачу, как у всех дела шли кувырком. Она уже решила вернуться в город, когда с соседнего участка пожаловал Семочка. Он был приятным молодым человеком, с ним можно было, не боясь заблудиться, отправиться за грибами или часами болтать ни о чем, а еще... А еще можно было целоваться всласть! Семочка посмотрел на Дашу такими шалыми глазами, что ей стала совершенно безразлична причина, по которой крот решил не показываться на грядке.

В лесу было немного влажно, но на открытых полянках трава высохла. Она была совсем не похожа на городскую – ярко зеленая, сочная, пахучая, мягкая, как шелковое покрывало, – так и приглашала: «Потрогай меня, примни!» Даша обернулась к Семочку, чтобы... Семочка – простая душа – понял по-своему...

Она не стала огорчаться. Трава, действительно, была мягкая.

– Ну, вот, теперь ты пахнешь клевером. – Семочка перебирал ее волосы и вынимал из них травинки.

Разморенная Даша закрыла глаза. Она была полна полуденным жаром, духоманьем цветов, блаженной усталой сытостью. Когда она все-таки открыла глаза, то чуть не расхохоталась, – Семочка плел венок из синих васильков. Мысли ее потекли медленно и тягуче. Они были обрывочными, простыми. Если бы сейчас спросили, о чем она думает, то, пожалуй, она бы и не смогла ответить. Ни о чем. Ни о чем она и не думала. Так, про солнце в небе, про нереально синие васильки, дурман, исходящий от близкой земли, про Семочкины губы...

Домой они вернулись к вечеру. Дядя Петя сидел у окна, раскачиваясь из стороны в сторону и тихонечко выл. Все попытки Даши узнать, в чем дело, ни к чему у не привели. Он только тупо смотрел на нее затравленным взглядом. Внезапно с грохотом распахнулась калитка, и

вбежавший Семочка закричал, что пропала племянница Маришка. Они с подружкой тайком выслеживали их в лесу. Даша покраснела, представив, что именно могли углядеть девчонки на полянке, но Семочка зашептал на ухо, что заметил слежку и специально долго плутал по тропинкам: «Не бойся, мы избавились от малолеток».

Даша с ужасом подумала, что девчонки могли заблудиться и их надо срочно, пока еще не стемнело, идти искать. Но дядя Петя никак не реагировал. Она вдруг заметила, что на ней нет верхней одежды – только белье, и бросилась разыскивать что-нибудь. Ей было все равно – сарафан, старое платье, юбка, брюки – лишь бы прикрыться. Потом они долго в сумерках бродили по окрестным переулкам. Вдоль заборов росли странные деревья – невысокие с ярко-оранжевыми плодами, оказавшимися вблизи яблок. Даша срывала их и ела, не удивляясь. Ноги гудели от долгой ходьбы. Когда они вернулись на дачу, оказалось, что Маришка так и не вернулась, хотя ее подружка давно уже получила дома свою порцию шлепков. Дядя Петя сидел у окна, он уже не был, а только повторял: «Все будет хорошо».

– Дядя Петя, миленький. Хорошо будет, если вы начнете искать дочку. Может, она сидит где-то рядом, но не показывается, потому что ее ищут я. А к вам она выйдет. Вы же – отец! – Даша орала и трясла его за плечи. Но ничего не помогало, он так же тупо смотрел перед собой, повторяя и повторяя, что «все будет хорошо». – Она же может погибнуть! – Даша сорвала голос. И тут он повернулся к ней.

– Я нигуда не пойду. Она сама придет, если захочет, так всегда бывало. Жена тоже уходила-уходила, а когда ей надоело уходить, возвращалась. Маришка тоже вернется. Или люди добрые ее найдут и приведут.

– Ты же родной отец! Кому нужна твоя дочь? Кто будет ее искать в темном лесу? Надо милицию вызывать, поиски организовать! Не сиди, так пень! – Сердце бешено заколотилось в груди и...

Кого же это крот прятал? Даша проснулась с ощущением страшной потери, какого-то животного ужаса и тотчас наткнулась на удивленные глаза Катьки. Дочка ничего не понимала, – мама спит на ее подушке, сидя на маленьком стульчике и прижимая к груди ее любимого зайца.

– Мама, нам надо в садик собираться.

От долгого сиденья в неудобной позе затекли ноги, она чуть не упала, когда попыталась подняться.

– Я что, здесь заснула?

– Тебе, наверное, было страшно, вот ты и пришла ко мне.

Все валилось из рук, голова была тяжелая, дубовая, когда Даша собирала Катьку. Сон не шел из головы, ясно стоял перед глазами совершенно подлинными картинками и ощущениями. Самым странным было то, что не было у нее ни дяди Пети, ни племянницы Маришки, ни знакомого Сенечки. Она вообще не ездила ни к кому на дачу, а леса боялась с детства.

Она гнала прочь тяжелые предчувствия, но они возвращались и сжимали сердце железной хваткой. Может, дома что-то случилось? Она редко вспоминала о том, что когда-то у нее был другой дом – с мамой, папой, сестрой и братьями. Это было совсем в другой жизни – далекой и безоблачной – ровно до того момента, когда она заявила, что хочет стать актрисой. Родители сначала посмеялись – какая девчонка не мечтает о театральной карьере. Но, когда стало понятно, что Даша серьезно решила посвятить этому жизнь, принялись отговаривать. Мать даже пообещала, что проклянет, если дочь ее послушается. Даша родительским страшилкам не поверила и, пообещав поступать на филологический, поехала в Москву. Сразу с поезда она отправилась обходить по очереди все театральные вузы. Больше всего ей понравился ГИТИС – шумный, странный, с глухой славой бывших палат Малюты Скуратова.

Обман раскрылся той же осенью, когда на школьные каникулы приехала сестра. Даша не могла сдержаться и потащила ее на занятия по мастерству и пластике. Девчонка, раскрыв рот,

таращилась на знакомых по фильмам актеров. Они легко бегали по лестницам и кричали на нерадивых студентов в аудиториях. Через неделю приехала мама. Она не обвиняла в обмане, не плакала, не уговаривала одуматься, просто сказала, что Даша должна бросить лицедейство и заняться каким-нибудь приличным делом, чтобы не было стыдно перед людьми. Никакие доводы, что актерская профессия не хуже любой другой, на мать не подействовали. Она была непреклонна – или во всем слушаться родителей, или забыть, что они у нее есть.

– Поступишь по-своему, забудь дорогу домой. Я тебя прокляну.

Даша никогда не замечала, чтобы родное лицо было таким злым, таким страшным. Она попыталась было оправдаться, что уже взрослая и имеет право сама выбирать судьбу, но вдруг что-то сработало внутри, что-то щелкнуло. Она вдруг увидела в матери не самого близкого человека, а какую-то чужую недобрую женщину. И разом милые детские воспоминания о семейных радостях как бы померкли, перестали существовать так же, как и непереносимое дочернее послушание.

– Ты так легко это говоришь, мама.

– Не легко, но я так сделаю. Если ты не передумаешь, то забудь дорогу домой, забудь, что у тебя есть родные и близкие! – Она не произносила – выплевывала слова.

– Чем же это тебе так насолили актеры? Ты, что, сама когда-то пробовала...

Мать не дала Даше закончить догадку и со всего маха влепила тяжелую пощечину. Даша даже покачнулась, но не заплакала, хотя слезы закипели в глазах. Перед ней стоял враг. Самый настоящий враг, хотя это была мама. Мама, которая ее родила, кормила грудью, выхаживала, когда болела, вытирала слезы, выслушивала девчоночьи секреты и... И больше ничего не будет.

– Я собираюсь прожить свою жизнь. – Даша очень боялась, что ее голоса не слышно.

– Ну, что ж, я тебя предупреждала.

Глаза у матери были совершенно белыми, когда она плюнула дочери под ноги. Хлопнула дверь, а показалось, что взорвалась бомба. От силы удара посыпалась штукатурка.

Летом Даша все-таки приехала домой на каникулы. Она была уверена, что страсти остыли, на нее, конечно же, сердятся, но не до такой же степени? Оказалось, что до такой. Ни сестра, ни братья не открыли дверь, отец прошел мимо, не глядя в ее сторону. Вечером к лавке, на которой она сидела с чемоданом, подошла мать и молча протянула горбушку черного хлеба.

– А я уже думала, что вы – звери, – все Дашино тело сотрясала противная крупная дрожь. – Нет, мама, вы – хуже, – она встала на непослушные ватные ноги. – Прощай.

На вокзале трясущимися пальцами покрошила корочку голубям, – с детства ее приучили не выбрасывать хлеб. Потом долго мучил вопрос – выжили ли после той кормежки птицы? Денег хватило только на полдороги. Она стояла в тамбуре и смотрела на удаляющийся город. В глазах ощущался песок от непролитых слез, но Даша не плакала.

Она прощалась с городом своего детства. Отныне дорога сюда заказана. Видимо, у нее было такое лицо, что черкешенка-проводница молча взяла за руку и затащила в свое купе. Там Даша пролежала сутки до Москвы. Расставаясь с доброй женщиной, она раскрыла чемодан с гостинцами, которые везла домой, и протянула на ладони остатки серебряной мелочи. Проводница заплакала: «Не надо, доченька, ты только ничего с собой не сделай. Обещаешь?» И лишь тогда Даша разрыдалась, уткнувшись в теплую грудь и ободрав себе щеки металлическими пуговицами форменного пиджака. Было и горько, и стыдно. Чужая женщина материнским сердцем почувствовала ее боль. Натруженная ладонь гладила ее по голове, как маленькую: «Стерпи, милая, стерпи, такая уж у нас доля».

Даша мотнула головой, стряхивая воспоминания. Наверное, в родительском доме что-то случилось. Первым желанием было позвонить, – в памяти еще сохранился номер телефона. Но она тут же одернула себя, вспомнив, как отнеслась мать к сообщению о рождении внучки: «Ни

ты, ни твои приблуды нас не интересуют, мы тебя не знаем, и ты нас забудь». Даша вздрогнула, словно снова услышала сквозь треск в телефонной трубке злой голос матери.

Катька хныкала и отказывалась есть манную кашу. Даша понимала, что она просто не хочет оставаться в садике на ночь. Но на сегодняшний вечер был запланирован спектакль на выезде – далеко за городом, поэтому хочешь – не хочешь, а придется потерпеть. Но завтра она обязательно отпросится и заберет ее утром из садика. Сначала они пойдут в поликлинику, а потом начнут роскошествовать дома.

– Пироги будем печь?

– Можно и пироги.

– Тогда с капустой.

– Хорошо, будем печь пироги с капустой.

– А на капусту у тебя денег хватит? – Поинтересовалась недоверчивая Катька.

– На капусту хватит, – рассмеялась Даша.

По дороге в садик они не останавливались перед киосками, а обсуждали – какое делать тесто – простое, сдобное или слоеное? Так ни до чего не договорились и решили определиться завтра.

День тянулся медленно, наверное, именно потому, что начался скверно. Низкое небо обложили тучи, но дождь так и не собрался, хотя порывы ветра изредка бросали в прохожих пригоршни холодных капель. После репетиции Даша никуда не пошла, домой – далеко, по улицам гулять – зябко. Она места себе не находила – что-то неопределенное, тягостное поедало ее изнутри. То казалось, что сердце бьется чересчур часто, то что-то хрустнуло в шее, то капли дождя слишком гулко стучат по подоконнику. Строчки расплывались перед глазами, и в прочитанном невозможно было найти никакого смысла, вязание валилось из рук, а молодежь, распеваяющаяся на лестнице, выводила из себя – чего они торчат здесь, шли бы домой, если не заняты вечером.

Вдруг вместо черных книжных строчек она увидела чужую черную пуговицу. Пуговицу из сна. Глаза тут же захлопнулись, и она попробовала честно ответить себе, что это? Страх? Или она... боится, что откроет глаза, а там... буквы? Вот ведь ирония судьбы, она опасалась сна с мужиком, а приснился...

Правду говорят люди, не надо ничего бояться, а то начнут сбываться самые плохие предсказания. Живешь себе, и живи спокойно. Все, что должно случиться, случится, а чего не должно – обойдет стороной. **Твоя беда придет только к тебе.**

– Что это я о беде? Зачем мне беда? – Даша вздрогнула и передернула плечами от холодной волны, пробежавшей по телу. – Не накликай бы, ворона. Скверная ночь, скверное утро, скверный день, знать бы заранее вся ли это скверность, или впереди ждет что-то пострашнее?

– Как, милая, ты смотришь на то, чтобы осчастливить своим присутствием колымагу с гордым названием «автобус»? Не забыла еще? – Помреж хитро улыбался в проеме двери.

– Эту заразу, пожалуй, забудешь: летом дышать нельзя, зимой от холода околеть – раз плюнуть. – Выходя из гримерки, она посмотрела в зеркало, – застрянет, обязательно застрянет.

Пока стильный рафик трясся по ухабам, Даша с тоской перебирала знакомых, у которых можно было занять денег до зарплаты и купить дочке сапоги. Ночь незаметно опускалась над дорогой. Водитель вышел и долго возился с мотором – везло, как всегда. Она тупо смотрела в одну точку и старалась согреться, сдерживая глухое раздражение. Ныло сердце, и безотчетная тревога не давала покоя. Ей уже казалось, что нет ничего лучше унылых маленьких комнаток в актерском общежитии. И соседи, как всегда в таких случаях, уже не казались монстрами, а представлялись почти милыми людьми.

Ощущение холода и промозглой сырости, обычное в таких поездках, из необычайного становилось привычным, и только сознание, что где-то актеры живут иначе – с комфортом и в тепле – как-то печально угнетало. С недавних пор ее стала посещать пораженческая мысль,

что, возможно, мать была права. Она устала от дикого капитализма «с человеческим лицом», от частых приемов «шоковой терапии» без наркоза, оттого, что всякий раз, засыпая, не знаешь, в какой стране проснешься, заснула в одной – проснулась в другой. «Уйду», – решила она. И всякий раз, принимая решение бросить театр, она забывала о прежних, точно таких же решениях. Твердо уверив себя вот в такие же хмурые поздние вечера, что обязательно с этим надо кончать, утром, отведя дочку в садик, она пробежала глазами текст роли за чашкой кофе и отправлялась на репетицию.

Когда автобус въехал в город, она почувствовала непреодолимое желание выйти. Хорошо, что их отвезли сразу домой. Даша еле дотерпела и выскочила из двери первой. У подъезда стояли актрисы. Она попыталась незаметно проскочить на свой этаж, но ей стали говорить что-то о садике, о Кате, о больнице... Что было потом – помнилось с трудом, потому что...

Потом закончилась жизнь.

Нелепо... Страшно... Катька раскашлялась за обедом в садике и подавилась хлебом... корочкой хлеба.

Как же можно так подавиться, чтобы умереть???

– Как, доченька, как... Мы же должны были с тобой пойти в поликлинику, а потом пирог-и-и-и... Кусок черного хлеба... того... материнского, проклятого...

Страшная черная ночь накрыла собой Дашу.

4 глава. Жена

Наглое солнце нестерпимо било по глазам. Прячась от него, Павел перепробовал уже оба бока и спросонья попытался было поискать третий. Но, поскольку третьего бока для человека природа не предусмотрела, пришлось проснуться. От короткого дневного сна не осталось и следа – внутри все пело. Павел почувствовал необыкновенный прилив сил. Да! Он действительно готов к своему проекту. Внимательно просмотрел вчерашний сценарий и наброски. Некоторое время ушло на то, чтобы договориться об аппаратной. За что он любил родное Останкино, так за многовариантность. Путем несложных подсчетов была вычислена ночная смена, где за четыре часа работы с опытным монтажером с него обещали взять символическую плату.

Он вдруг подумал, что никогда всерьез не размышлял о счастье. Нет, конечно, время от времени, как всякий нормальный человек, он предъявлял претензии к жизни – не без того. Но счастье? Оказывается, счастливым можно почувствовать себя в любой момент. Для этого на самом деле нужно не так уж много, просто... Павел подошел к окну и зажмурился от яркого света. Неужели ему для счастья не хватало именно солнца или этого шаткого состояния равновесия, которое люди привыкли называть гармонией. Хотя гармония еще не все в мире. Без базы самая распрекрасная гармония – мгновенное ощущение. А только ощущения мало. Нет, ему нужна настоящая гармония, которая и душа, и тело, и дух, и кошелек.

Наверное, деньги поклоняются своему особому богу и признают только собственную логику. Надо научиться понимать ее. Тогда можно надеяться, что деньги выберут именно его своим хозяином, хотя, в нынешнем положении тоже было немало плюсов и преимуществ. Да, безденежье. Но, свобода! Хотя отсутствие денег делало его существование незавидным, а положение шатким. Только назвать это несчастьем Павел не мог. Сейчас не мог и не хотел.

Интересно, а если он займет деньги? Ну, можно же это себе представить? В конце концов, он – творческая личность. Творческая – без всякой иронии. Он почувствовал, как распрямились плечи, обычно, в таком качестве себя он воспринимал именно иронично. Вот он займет много денег. Все равно как – кредитом в банке, займом у друзей, спонсорской подачкой, свалившимся наследством от забытой бабки – и что? Что будет дальше? С деньгами и с ним? С деньгами как раз, наверное, хлопот будет меньше – вложить их проект и вся недолга. А вот с собой, что с собой произойдет? Потеряет ли он свою свободу? Вынужден ли будет подстраиваться под новую ситуацию и менять себя?

А ведь это непременно произойдет – деньги не терпят бессмысленности. И ценность для них представляет только система, при которой они могли бы размножаться, производя себе подобных, – деньга прирастает деньгой! Павел усмехнулся, он вдруг осознал, что думает о деньгах, как герой гоголевских «Игроков» о колоде карт – Аделаиде Ивановне. Что-то в этом было нехорошее, болезненное. И все от постоянного безденежья. Он прикрыл отяжелевшие веки: «Господи! Почему я должен все время выбирать между белым и черным?»

Странно, только что была гармония – и нет ее. Стоит о наличных подумать, как счастье мгновенно заканчивается. Одна лишь память в остатке. Резкий звук телефонного звонка вынудил его отойти от окна.

– Мечтатель, где тебя носит? – Бывшая жена не стала утруждать себя этикетом.

– Ты, как всегда, берешь быка за рога.

– Неужели выросли?

Павел промолчал.

– Не куксись, это я так, сморозила, уж больно гладко вышло.

– А я и не спорю, ты, как всегда, права.

– Что, действительно оторвала от полета фантазии?

– Что-то вроде того, – нехотя промямлил Павел.

– Опять про свободу...

– Не угадала, про деньги.

– Ну, ты даешь! – Жена чуть не поперхнулась.

– Никому! Пока нечего. Да и некому.

– Если что, помни – я первая в очереди. По знакомству удружишь?

– Как только, так сразу, – Павел произнес это совершенно серьезно.

– Ладно, что мы с тобой все о низменном, хотя, куда от этого деться? Какие планы на выходные, не забыл, что у Кольки день рождения? Хорошо бы встретиться.

Павел чертыхнулся про себя – надо быть последним негодяем, чтобы забыть о дне рождения собственного сына. Ирина права, что бросила его. А, может, и не права.

– У меня сегодня есть время, хочешь, давай встретимся, только...

– Финансирование я беру на себя, потом сочтемся, – великодушно опередила его Ирина.

– Мне от ресторанной еды плохо. Давай, по бульварам погуляем, помнишь?

– С твоей язвой надо заканчивать шляться по забегаловкам. Я несколько оторопела от неожиданности, но так даже лучше. И дешевле. На солнышке последнем погреемся перед зимой. Где?

Павел обрадовался, по дороге было удобно забросить пилот программы Сереге, – тот обещал показать кое-кому. Как ни странно, разговор с бывшей супругой взбодрил. С тех пор, как они развелись, с ней стало приятно общаться. В оставшееся до встречи время он тщательно побрился и даже погладил брюки. В ванной на расческе заметил седые волосы и нешуточно огорчился – возраст. Зеркало ответило гримасой: «Тоже мне, девица красная, еще морщины посчитай?» Однако...

Сзади раздался оглушительный сигнал. Павел вздрогнул и виновато улыбнулся в боковое зеркало, – в дороге мечтать опасно. Горел зеленый глаз светофора, и он едва успел тронуться с места, чтобы успеть к следующему красному. Но красный сменился желтым, потом зеленым, опять зажегся красный... Павел мысленно похвалил себя, что выехал на встречу с женой с большим запасом времени. Пробка впереди была минут на двадцать, если не больше, – можно и помечтать. Но хороша ложка к обеду, – момент уже прошел, и вместо флейты пронзительными голосами жаловались клаксоны.

В правом ряду из серебристого джипа, сияющего как зеркало, тоскливо выглядывал большой черный пес. Павел подмигнул ему, словно старому знакомому. Бритоголовый хозяин окинул цепким взглядом тротуар и распахнул дверь. Павел усмехнулся, новым хозяевам жизни терпения не хватало. Они, конечно, могли носиться по улицам по собственным правилам, прессинговать, подрезать, брезгливо откупаться от гаишников, но в пробках все были равны – и водители отечественных малолитражек, и владельцы престижных иномарок. Хозяин джипа тем временем вытащил пса из салона и повел к тротуару.

– Эй, качок! – Словно по команде водители принялись обсуждать проблему нужды братьев наших меньших. – А как не успеешь?

Но он успел. Спокойно привязал собаку к железной решетке, потрепал ей ухо и вернулся к машине. Пес послушно сидел, только в глазах застыло непонимание. От неожиданности все разом замолчали. Павлу показалось, что огромная шумная улица провалилась в глухую тишину, – не стало слышно ни работающих моторов, ни людского гомона, ни криков птиц. Только противная липкая тишина. Машины медленно поехали, а пес недоуменно вытягивал шею, не смея подняться. Павел еле сдерживал себя, чтобы не протаранить бок лощеного джипа. Для него и машина, и ее хозяин стали одним целым – мерзким мурлом господ, свихнувшихся на безнаказанности и вседозволенности. Если бы Павел знал, что оставленный пес загрыз несколько не в меру болтливых болонок только потому, что они раздражали хозяина,

наверное, он бы умерил свой гнев. Но Павел не знал. Да и какое это имело значение? Живая душа – не игрушка, с которой поигрался и выбросил.

А мы? Едкая горечь поднялась изнутри и залила язык. Он пронзительного ощущения потери закололо в боку. Злость постепенно улеглась, уступив место холодной ярости. Качок, конечно, редкостный негодяй, но разве он – Павел – лучше? Он ведь точно также убирал из своей жизни ненужных людей. Вот и сын... тоже попал в категорию ненужных. Ведь не только про день рождения забыл, но и возраст не сразу вспомнил. Правильно говорят про камень, – у кого достанет порядочности, чтобы бросать его в других?

Что же это за мусорник такой – собственная душа? Хочется, чтобы была она необъятной и бесценной, а на деле получается... отстойник получают. Иногда бывает жутко лишь от сознания собственной беспомощности. Вот он – здоровенный мужик – может контролировать свое тело, свои высказывания, иногда – мысли и поступки, но душа – словно чужая собственность – живет по каким-то другим законам. Она все время подчеркивает свою автономность от него. Нет у нее никакого желания договариваться с ним. А на все попытки у нее ответ один: «Твои это проблемы!»

– Еще бы! – Павел чертыхнулся. – Мои-мои, кто бы спорил! И ведь без спроса во мне стойбище устроила?! А за постой платить не желаешь. Какой там платить?.. Еще и присвоила себе монопольное право распоряжаться моими чувствами. Кого любить и кого ненавидеть – сама определяешь, предварительно лишив меня права голоса, только и остается лишь глупо талдычить, что сердцу не прикажешь. Какие мечты? Какая совесть, какая справедливость?

Павел подозревал, что и здесь без ее происков не обошлось. Сколько еще гадостей уготовила ему собственная душа? Вот интересно, как бы она поступила с ним, если бы... Он не успел додумать эту мысль, потому что из глубины сознания вынырнула другая: «Каково было человеку, рожденному гениальным летчиком или режиссером где-нибудь эдак в 13 веке»? Вот-вот, только этого ему и не хватало!

Жену не узнал. Ирина вынуждена была позвать его. А когда он вытаращил глаза, снисходительно усмехнулась.

– Сильно постарела?

Павел беззастенчиво пожирал ее глазами, – так хорошо Ирина не выглядела даже во времена их бурного романа. Кожа гладкая, волосы блестящими пышными локонами лежали на плечах, глаза блестели. Никаких морщин, лишнего веса и усталости в движениях. Про остальное можно было и не говорить – за версту чувствовался дорогой парфюм, парикмахер и портной.

– Тебе хорошо? – Он почувствовал себя последним глупцом, но ничего лучше придумать не смог.

– Когда женщине хорошо, она смотрит только на три вещи, – на дорогу, когда переходит улицу на перекрестке, в кастрюлю на кухне и в глаза любимого человека.

– И все?

– Для женщины, которой хорошо, этого достаточно.

– Но потом...

– А потом возникают другие вещи – магазины, телевизор и... другие мужчины. – Ирина звонко рассмеялась. – Но это – факультативно. Вы, мужики, странные создания. Считаете, что женский век короче мужского, только не знаете, что делать с тем, что наша физическая жизнь длиннее вашей? Чем старше становится мужчина, тем быстрее он вынужден бежать, а поскольку передвигаться с возрастом становится все труднее, он высматривает молоденькую дурочку и садится на хвост ее глупой уверенности в собственной юной неотразимости. И эта недалекая молодость оттого, что не научилась еще скаречно распределять свои силы, впрягается в золоченый хомут и начинает успокаивать себя обманом, – как он молод душой, как наи-

вен и непосредственен в свои ...-ят! Бедные глупышки! Еще как посредственен, ведь и молодость, и наивность ему уже не по средствам.

Павел не успел ничего ответить на эти обидные слова, а Ирина без перехода указала ему на проходящую длинноногую девушку.

– Как тебе мини юбки?

– У меня их нет.

– Я же тебя не про одежду спрашиваю.

– А про что?

– Про ноги, Павлуша, исключительно, про ноги, которые из-под них торчат.

– Если хорошие, пусть себе торчат, а что?

– Да вообще-то ничего, просто сейчас так явно все подряд демонстрируют кривые ноги.

– Ты преувеличиваешь, не все.

– Если ты внимательно присмотришься, то все – целиком или по частям через разрезы юбок.

– Мне как-то не до подобных исследований.

– А напрасно, тебе, как режиссеру, это должно быть интересно.

– Ты меня специально пригласила, чтобы унижать? – Рассердился Павел, – Я ведь и уйти могу.

– Не можешь.

– Это еще почему?

– Ты голодный. Голодный?

– Голодный, – нехотя согласился Павел и рассмеялся. – А ты так мне аппетит стимулируешь?

– Нет, ты только посмотри, – Ирина повернула его голову в сторону, – какая волосатость, какая кривизна!

Навстречу им шла странная парочка в коротких шортах. Молодые люди так сплели свои объятия, что непонятно было, как они вообще умудряются переступить ногами.

– Неужели им не холодно? Зима как ни как на носу.

– Форсят до последнего.

– Последнего чего?

– Здоровья. А все-таки прав был Александр Сергеевич, хорошие ножки в России редкость.

Павел силился понять, куда клонит Ирина, и чего ей от него нужно? Долгая дорога, гадкая сцена с собакой и так его выбили из колеи, а тут еще этот странный разговор. Он и не заметил, что к ним приближается чудной человек. Из-под его распахнутого пальто виднелись два пиджака, надетые один на другой, а на вязаную шапочку была нахлобучена зимняя ушанка. Поравнявшись, он смачно плюнул под ноги Ирине. Павел было рванулся выяснять отношения, но жена повисла на руке и потащила прочь.

– Не связывайся, прошу тебя, – выдохнула она в ухо.

Павел тяжело дышал и силился освободить руку. Когда это ему удалось, и он повернулся, то с удивлением увидел, что удаляющийся хам методично плюется налево и направо и делает это, вероятно, без всякого умысла.

– Зачем это?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Пашенька, сколько тебе лет? Взрослый давно, а не знаешь, что вы, мужики, плюетесь на улицах точно так же, как это делают собаки.

– Какие собаки? – Павел вытаращился на жену.

– Обычные псы, которые метят свою территорию.

– Ты хочешь сказать...

– Да, Павлуша, да. Эта особь, – Ирина махнула рукой в сторону странного мужчины, – пытается захватить максимально возможное пространство, точно также как любой самец метит свои владения для привлечения самки. – И тут же без всякого перехода добавила. – А вот погляди на эту дуру, – и указала пальцем на девушку у фонтана.

– Почему обязательно дура? Вполне милая девушка.

– Милая девушка, хорошая фигурка, глубокий разрез во всю ногу. – Ирина вдруг заговорила с неприкрытой злостью. – Ждет принца. Не знает главного правила – принцы появляются в сугубо определенных местах, заранее оговоренных многовековым этикетом. В людных местах водятся простые хорошие парни. Принцы – ни-ни! За принцами ей придется специально гоняться по всему миру. Просвещенному или овосточенному. Но принц – безусловно – в состоянии оценить все достоинства чистых линий и честолюбивых амбиций. Если очень капризен, может и разделить, то есть, заставить считаться со своим выбором королевскую семью. Сегодня это выглядит очень демократично. Но все равно, не стоит слишком уж верить в подобный выбор – велика опасность остаться с носом. Кстати, маленькое дополнение, рискованный разрез лучше не демонстрировать на автобусных остановках и в других людных местах – непереносимые приставания «крутых» парней будут оскорбительны, но абсолютно логичны. А для кого еще такой разрез по бедру? Как раз для них.

Он внимательно смотрел на бывшую жену и не понимал себя. Впервые ему было интересно слушать и то, что она говорила, и как. Она разгорячилась настолько, что щеки зарделись сквозь умелый макияж. Павел залюбовался, и не сразу понял, что она его о чем-то настойчиво спрашивает.

– Родной, ты где? Ау! – Острый ноготок больно щелкнул по носу.

– Я вот о чем подумал, знаешь, а ты стала такой... такой... – он смутился от того, что нужное слово никак не решается сойти с языка.

– Ладно, не мучайся. Знаю, что хороша. Теперь вот и ты это знаешь.

– Почему же я этого не замечал раньше?

– Это ты у меня спрашиваешь?

– У кого же еще?

– Ну ты и пакостник. Я тебе, можно сказать, лучший кусок жизни подарила, а ты, выходит, меня даже и не рассмотрел хорошенько?

– Теперь вот вижу, что ошибался, может...

– Нет, дружок, можетя тебе будет с другими, я – пас. Поиграла уже в эту викторину, не обольщаюсь больше.

– А любовь?

– А плата? Даром только солнце блестит. И то не для всех. За сутки меняется цвет дня. На рассвете и ранним утром – ультрафиолетовые лучи несут комфорт и покой, красные и оранжевые в середине дня побуждают к деятельности, им вторят синие, голубые и желтые. Темно-красные, пурпурные и темно-синие лучи прощаются с нами на вечернем закате, уступая территорию дня ночному покою. – Ирина говорила медлительно, чуть растягивая слова и неотрывно глядя в небо.

– Давно стихи начала писать?

– Не лсти. – Она лучезарно улыбнулась и взяла его под руку. – Лучше прибавь шаг, а то мне еще к массажистке успеть надо.

Павел неожиданно для себя ощутил юношескую неуверенность от острого чувства, вызванного близостью ее тела. И испугался, что она это заметит. Но Ирина ничего не заметила, хотя кто ее теперь поймет. Во всяком случае, Павлу сейчас было не до рассуждений. Он с облегчением выдохнул, когда она подвела его в невзрачной двери небольшого особняка и нажала на кнопку звонка.

- Что там внутри? – Павел недоверчиво провел рукой по облезлой штукатурке.
- «Там внутри» – пьеса Метерлинка, если ты помнишь.

Дверь распахнулась тотчас, словно их ждали. Молчаливый почтительный швейцар повел их за собой. К изумлению Павла, внутри обстановка сильно отличалась от наружного вида, – мягкий приглушенный свет, перебирающий клавиши рояля музыкант на небольшой эстраде.

– Ирина Анатольевна, – перед их столиком возник вышколенный официант в белом смокинге, – посмотрите карту вин, у нас сегодня много интересного. – Ирина открыла узкую книжицу и тотчас ахнула.

- Не может быть!?
- Мы вас еще никогда не обманывали.
- Не томи, неси.

Павел еще не успел перевести дух, а официант уже торжественно водрузил темную пузатую бутылку на стол. Ирина принялась недоверчиво изучать этикетку. На лице официанта мелькнула улыбка и тут же погасла – служба. Павел посочувствовал ему внутренне – приходится бедному пресмыкаться. Если бы он догадывался, в какой сумме выражается эта служба... Тем временем, жена закончила изучение этикетки и озадачилась выбором закусок. Обедали они молча, наслаждаясь едой и вином.

После обильного и качественного стола Павел чувствовал себя обалдевшим. Приятная сытость настроила на миролюбие.

- Ты ничего не рассказала о теще. Как поживает моя драгоценная Любовь Степановна?
- Твоими молитвами, – усмехнулась Ирина. – С чего это ты? Лучше про сына спроси.
- И про сына спрошу.
- Знаешь, как ни странно, она тебе привет передавала.
- А чего же ты его не донесла?
- Вот теперь доношу. А вообще, после того, как она отпраздновала твою выбраковку, у нас с ней мир. Я ее не огорчаю, а она занимается Колькой. Да еще я постаралась направить ее кипучую энергию на борьбу с разного рода слесарями и водопроводчиками. Очень эффективно получается.

– Должен тебе признаться, что она во многом была права, это я только теперь понимаю, во всяком случае, когда-то под ее метким глазом мне приходилось все время держать форму.

- То-то я смотрю, распустился.
- Это ты меня перекормила.
- Еще бы! На халяву...
- Не обижай, мне и так дурно.
- Есть надо меньше.
- Завтра стану есть меньше. Веришь?
- Верю.
- А сегодня еще немного поем, ладно? Вкусно очень.
- Точно пес подзаборный, – без меры и впрок. Остановись, Павлуша, отдохни, мы еще часок тут посидим, потом с остальным расправишься. Я хотела с тобой серьезно о Кольке поговорить. Мне кажется, что он все время чего-то боится.
- Ты его наказываешь?
- Нет. Ни я, ни мама. Помнишь, как он плакал в детском садике?
- Все дети плачут и не хотят ходить в садик, потому что боятся, что их там оставят, но потом они вырастают.
- В том-то и дело, что они вырастают, а страх остается. Мне кажется, что у него отсутствует чувство безопасности.
- Не отпускай его одного на улицу.
- Ему уже 10 лет, в клетке не запрешь. А кроме того, он смотрит телевизор.

– И от этого пугается? Не смей меня, пожалуйста. – Павел раздраженно откинулся на высокую спинку стула.

– А ты сам давно смотрел телевизор?

– Да я... – Павел осекся. Он вдруг понял, что никак не может назвать себя телевизионным зрителем. Он создатель разного рода телевизионных продуктов. И только.

– Вот-вот. Посмотришь ваши новости...

– Наши новости.

– Нет, родной, ваши. И где только вы их берете – эти новости? Что ни день – ужас, сплошные убийства, кровь, насилие...

– Я рекламу делаю, – он попробовал оправдаться.

– Очень интересно, а главное поучительно, в 10 лет познакомиться с проблемой женских прокладок. Ты хотя бы понимаешь, во что превращаются наши дети?

– И во всем виновато телевидение?

– Паша, я не хочу ругаться с тобой. Извини, просто накипело, сорвалась. Я понимаю, что ты – подневольная лошадка, но вокруг столько жестокости, а телевизор ее еще и усугубляет, утрирует и смакует. Получается, что жизнь состоит из одних войн, катастроф, беснующихся маньяков. Нам, взрослым, и то нелегко отключиться от этого негатива, а каково ребенку? Хотя, я подозреваю, что Колька уже адаптировался к телевизионным кошмарам, только... – Ирина горько вздохнула, – мне кажется, что теперь он... Я вчера случайно услышала, как он другу по телефону советовал выпить на ночь полный стакан воды.

– Зачем?

– Тогда попугай вернется. Видишь ли, Пашенька, после нашего с тобой развода, он выпивает на ночь стакан воды для того, чтобы я возвращалась каждый вечер домой с работы.

– А я? – Павел растерялся.

– А тебя он с работы не ждет, – прошептала Ирина и горько улыбнулась, – хотя, я могу заблуждаться. Только точно знаю одно, он теперь за меня боится, как бы со мной ничего плохого не случилось. Ты будешь смеяться, но я должна звонить домой каждые два часа, чтобы не вызвать у него депрессию.

– Господи! Что ты такое говоришь? – Умиротворение слетело с Павла, и он ощутил противное жжение под ложечкой. Как не вовремя проснулась язва. Ее только не хватало. – Что же делать? Что же делать?

– Я тебя очень прошу, пожалуйста, поговори с ним, как со взрослым поговори. Может, это сначала будет трудно, он не сразу пойдет на откровенность, но ты постарайся. Я не могу. Я женщина. Ему нужен твой опыт, пока... Пока не приобщился к куреву или наркотикам.

– Надо следить, он же еще маленький.

– За всем, дорогой, не уследишь. К тому же, давай смотреть правде в глаза, если очень захочется... Впрочем, ты и по себе это знаешь.

Павел скривился от подступающей изжоги. И зачем он пил эту благородную натуральную кислятину шут знает какой выдержки, лучше бы обошелся простой водкой. Не вовремя подумалось, что заболевания и неприятности зависят от неправильных поступков. Церковь внушает, что это кара за грехи, а ведя праведную жизнь и замаливая грехи, можно смягчить гнев Божий. Чем он сегодня прогневил Создателя?

– Я бы и рада покаяться, да не знаю, в чем, – Ирина словно бы подслушала его мысли, – душа изболелась, сил нет. Понимаю, что на все воля Божья и в нее нельзя вмешаться – никого не спасешь, и сама к ответу будешь призвана. Всеу свое время. И место. И дело.

Павел устало опустил голову на руки. Вот оно – настигло. Никому не дано оправдать прошлое. Оно необратимо. Сбегать в него на прогулку с целью исправить пакости, можно только в фантастическом приключении. Жизнь – не кинолента, ее не отматываешь, не вырезаешь, не поправишь кадр. Это кино пишется без дублей. Сами играем, сами озвучиваем. И не согласно

сценарию – вживую, экспромтом, с умом – кому как повезет. От жизни хочется получить по максимуму всего. Хотя все стараются получать исключительно хорошее, праздничное. Только разве на всех напасешься? Постоянный праздник неизбежно оборачивается буднями. К нему привыкаешь, как к чему-то обязательному, обычному. Так начинается повседневная скука. И снова отправляешься на поиски нового праздника...

Когда, наконец, Павел поднял голову, то увидел, что ресторанный зал погрузился в полумрак. На столах мерцали свечи, и пианист на эстраде тихо наигрывал первую часть «Лунной сонаты» Бетховена. Ирина смотрела в окно, и в ее глазах блеснули слезы. Павел накрыл рукой ее холодные пальцы.

– А мальчишки?.. – Павел испугался, что заплачет.

– А мальчишки не хотят больше быть летчиками и космонавтами, ведь аудитор и юрист зарабатывают больше. Бандиты тоже. Со всех сторон, Пашенька, обступил нас культ насилия – газеты, книги, кино, телевидение... Кровь, трупы, мафиозные разборки. Цена человеческой жизни – единственной ценности на земле, которая не имеет никакой ценности, потому что бесценна, – сегодня в исчезающую копейку.

– И все-таки... – Павел смотрел на бывшую жену, как на оракула: никогда ничего подобного от нее не слышал и даже представить не мог, что она размышляет над подобными вещами. Откуда эта философия? Что случилось в ее жизни?

– И все-таки радость рождает радость, – Ирина грустно улыбнулась, – беда приводит беду, страх провоцирует страх. И только колоссальный труд позволит создать собственное счастье. Только преодолев собственный страх, можно рассчитывать на обретение радости. И никогда нельзя забывать, что страх – это только то, что сидит внутри тебя. Внешние беды и опасности всегда отступают, если внутреннему страху ты не даешь взять себя за горло.

– А у тебя получается?

– Что-то получается, что-то нет. Знаешь, я отупело наблюдаю за огромной армией суетящихся маленьких людей. Они изо всех сил делают большие деньги. И опять, как много лет назад, меня пугают, расстреливая в упор маленьких людей с набитыми кошельками. Крутых убивают еще более крутые. А мне опять остается сидеть тихо, молчать и не высовываться, – пули летают шальные. Помнишь, как эпоха учила нас молча ничего не замечать. Очень важно было сделать так, чтобы у граждан страх был главным чувством. Ни любовь, ни милосердие, ни жалость, ни... Только страх. Парализованным сознанием управлять легко и удобно.

– Как же быть с душой? – Хмель давно выветрился, и Павел даже забыл о своей язве.

– Не знаю. Я – человек. Ни большой, ни маленький. Обычный. Просто человек. Женщина. И я хочу того, чего хочет каждый человек. Всякая женщина. Любви. Нежности. Взаимности. Я хочу любить и быть любимой.

Павлу показалось, что Ирина обращается к нему, и он готов был разделить этот ее призыв – внутри затрепетало желание, совсем, как в лучшие их времена. Но она грустно покачала головой. Стало больно. Так больно, словно кто-то вонзил нож в сердце по самую рукоять. Когда-то страстно любимая женщина делилась сейчас самым важным в жизни, тем, что приходит не с возрастом – с осознанием своего места в мире. Почему? Почему они никогда не говорили друг с другом на эти темы? Может, еще не поздно?

– Мне нужна ласка и удача не помешает. Но самое главное, самое желанное – ожидание покоя. Беспредельного покоя, когда прошлое и будущее незаметно становятся настоящим. Когда сердце не сжимается с последним лучом солнца, и душа не замирает, глядя на розовый закат нового дня. Усталость от постоянной жизни в сумерках рождает безразличие.

– Пашенька, дорогой, теперь я понимаю, что обещания юности подспудно были замешаны на изживании страха перед неизвестностью. Вспомни, какими мы были? Разве страх определял наши желание и поступки? Изо всех молодых сил и безрассудства щенячьего восторга перед будущим я верила, что со мной это не выйдет. Меня не запугают!

– Я помню! – Он готов был закричать, как от острого приступа, – так ясно и отчетливо возникло давнее обещание друг другу. Клятва о планах на будущее, в которое они собирались идти вместе честно и бескомпромиссно.

– Мы обещали друг другу, что нас не согнут годы и испытания. Что из седла жизни нас не выбьют ни приспособленцы, ни политика, ни реальная жизнь.

– Паша-Паша... Всё это были мечты-мечты-мечты... Но все равно. Я пришла в этот мир. И чего бы мне не стоило, попытаюсь сделать его для себя. И сыну нашему того же желаю, и тебе, Павлуша.

– Тебе страшно жить, Ириш?

– С чего это?

– Мне показалось.

– Тебе показалось.

Взгляд бывшей жены больше не напоминал ту ее – молодую и желанную. Он осекся, как-то надо было выходить из этого неловкого положения, в которое он сам себя загнал невольными спонтанными иллюзиями.

– Власть наша опять что-то... – ничего не шло на ум.

– А что тебе власть? Живи себе своей жизнью и не задирай голову. Там наверху и без тебя найдут способ передрасться.

– Тебе не кажется, что это трагично?

– Трагично? Может быть. Надо признать очевидное: если нет страданий, счастья не заметишь. Наверное, Адам и Ева поэтому и сбежали из рая.

А вот этого ей не стоило говорить. Особенно сегодня, особенно после того, что с ним в последние дни случилось.

– Тоже мне – рай! Нектар пить, когда всем «плодитесь и размножайтесь», а тебе – только соловьев слушать? Нет! Такого рая нам не надо!

Ирина даже зашлась от смеха. На них стали оборачиваться с соседних столиков.

– Мы живем с грузом потерь. – Она промокнула салфеткой смеющиеся глаза. – Понимаешь, теперь с этим столкнулся и наш сын. Едва появившись на свет, он стал третьим в неразрывной, как тогда нам казалось, связке троих. Бог знает, что могло остановить трещину, которая возникла в тот момент. Любовь? Жалость? Материнская мудрость?

– В тот момент?

– Ну не в тот, в другой, какая теперь разница?

– У тебя есть кто-нибудь сейчас? – Вопрос вырвался помимо воли. Павел испугался, что Ирина обидится, но она снова рассмеялась, медленно изучила ресторанный счет и вложила несколько купюр. – Теперь – на воздух, пройдемся немного, чтобы жир растрясти.

Ирина взяла его под руку, отметив, что бывший муж легко вздрогнул. Мелькнула мысль, – может, пожалеть? Но она ее легко отфутболила, – какой теперь в этом был смысл?

– Помнишь, Володю?

– Блондина? Это который...

– Я все сохла по нему.

– Признаться, я долго думал, что ты вышла за меня замуж только чтобы ему досадить.

– Как можно было досадить человеку, который меня не замечал. Я ему звонила, поздравляла, советовалась... Он знал мой номер телефона, но... не звонил. Всякий раз мне приходилось придумывать повод. Он радовался, извинялся, ссылаясь на занятость. И снова я ждала. Тянулись дни, недели, годы. Потом я успокоилась, перестала ждать и...

– Вышла за меня замуж.

– Ты что-то имеешь против?

– Теперь нет. Так ты ему опять стала названивать?

– Не угадал.

- Он?
- Снимаю трубку. «Добрый вечер», – голос незнакомый. – «Взаимно».
- Неужели не вспомнила? Не верю.
- Столько лет прошло. Но и он не поверил. Смешной такой разговор вышел – короткий и странный – дословно:
 - Это Антон.
 - Какой?
 - Ты не помнишь меня?
 - Мы знакомы?
 - Это я – Антон Хвостов.
 - Очень приятно, Антон Хвостов. Слушаю вас.
 - Вот, решил позвонить...
 - Я так и поняла. Что у вас за дело?
 - Нет... Я просто так позвонил... Я... Мне...
 - Вынуждена попрощаться, я занята.
 - Но, как же...
 - Тут я положила трубку. И, знаешь, Паша, ничего не екнуло – перегорело. Но он снова перезвонил.
 - Это я – Антон Хвостов!
 - Молодой человек, я вам уже объяснила...
 - Не бросай трубку. Неужели ты не помнишь?
 - Почему «ты»?
 - Мы были на «ты».
 - Когда?
 - Ну... Ты ведь... Я же... Тогда... Неужели ты меня совсем не помнишь?
 - Вас – нет. Пашенька, удивительно, я столько раз представляла этот разговор, так мечтала о нем, будешь смеяться – репетировала. Боялась выйти лишний раз из дома, а вдруг он позвонит? А тут... Пришлось объяснить, что помню замечательного молодого человека – доброго, предупредительного, внимательного, который когда-то мне очень помог. Вот того человека всегда и буду помнить.
- Павел поймал себя на мысли, что именно такая Ирина – сегодняшняя: холодная, нечувствительная и безжалостная – и нужна ему для нового проекта. Конечно, метаморфозы, которые с ней произошли, немного пугали, но, кто знает, как сам он выглядит в глазах других людей? Она говорила четко, словно впечатывала каждое слово, а он с отчаянием и горечью понимал, что прошлое неумолимо развело их навсегда. Рассказ ее тем не менее продолжался, и он с усилием заставил себя включиться в него.
 - Я, представляешь, даже не хотела сделать ему больно, но, оказалось, что не все от меня зависит. Это так удивило, Паша. Вдруг с пронзительной ясностью стало понятно, что тот и этот Антон – разные люди. И для меня один к другому уже не имеет отношения. Я ему пыталась объяснить, что не имею ни желаний, ни возможностей на новые знакомства. А он все твердил, что недавно переехал, теперь у него новый телефон и пытался заставить меня его записать. Пришлось быть жесткой – предложила обратиться к моему агенту. Он так опешил, а я пожалела, что не видела в этот момент его лица, наверное, тот еще видок был! – Ирина расхохоталась. – Понимаешь, он не поверил, что я его отшила.
 - Естественно. Он решил, что ты его просто не узнала?
 - Точно. Через агента он передал свой номер телефона и, видимо, стал ждать звонка.
 - А ты?
 - Мало, думаешь, у меня своих проблем? Но, неприятно сознавать, у меня появилось чувство некоторого отмищения.

– Теперь он, как когда-то ты, должен бояться выходить из дома, чтобы не пропустить звонок, ставит будильник на семь утра и не ложится спать до полуночи... Думаю, что покой покинул его душу.

– Пусть теперь в его жизни, медленно переваливаясь изо дня в день, потекут недели и месяцы...

– А ты злая.

– Бог подаст. Никого не надо винить. Все идет, как идет, как должно идти. Встретились – разбежались. Мне больше не хочется обязательств. Предпочитаю отвечать только за себя: за что, сколько, до каких пор.

– Странная эволюция.

Лучше бы Павел не говорил этого. Потому что то, что пришлось услышать далее, поколебало границы его вселенной. Если для него последнее время состояло из смены внешних событий, к которым приходилось приспосабливаться на ходу и по обстоятельствам, то для Ирины время спрессовалось системным поиском взаимодействия с действительностью и – по сути – выработкой алгоритма для общения с миром.

– Ничего странного, Паша, лишь простое сочетание изменений и стабильности. Видишь ли, дорогой, как выяснилось, вы – мужчины – плохо приспосабливаетесь к окружающей обстановке, а наша физиология с этим справляется лучше. Но, и умея приспосабливаться, мужчина вынужден менять обстановку, влияя на нее физически и психологически.

И тут он, наконец, понял, что не так было в этой их встрече, ну, кроме сытного обеда. Было похоже, что Ирина либо где-то читала лекции, либо начала писать статьи. Так в быту не разговаривают, особенно с бывшими мужьями. И особенно после приятной и дорогой еды. Слух резали слишком специфические обороты, странная, вернее хорошо отработанная речь. Не говорит – вещает. Раньше за ней такого не наблюдалось. Точно что-то у нее случилось. Чего же так витиевато она его подводит к главному.

– В тяжелые времена смертность мужчин компенсируется высокой рождаемостью, – природа производит вас впрок. Мы в холод наращиваем подкожный слой жира, а вы кутаетесь, как кочан капусты. Вам требуется изобретательность, чтобы справиться с трудностями подобного рода. В критической ситуации, чтобы выжить, поведение мужчины и женщины должно объединиться: она приспособится, а он – найдет средство и примерит ситуацию на себя. Вернее, под себя. В противном случае женщине придется выживать в одиночестве. Если его разум спасует, то ее эмоции восстановят равновесие. Он будет стремиться делать дело, а она – выполнять природное предназначение. Вот, приблизительно так.

– Я ничего не понял, – Павел окончательно обалдел, – повтори, пожалуйста.

– Не бери в голову, – Ирина рассмеялась и чмокнула Павла в щеку. – А теперь, – она посмотрела на часы, – мне пора. Ты прости, пожалуйста, мы не поговорили о тебе. Приходи часа за два, – и на стол поможешь накрыть, и поговорим. Колька возвращается из школы в четыре.

– А нельзя его забрать, ведь день рождения?

– У них будет контрольная, пусть сначала потрудится.

– Много народу будет?

– Секрет.

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда за общим столом собираются незнакомые друг с другом люди.

– Знаю.

5 глава. Не подарок

Машина Павла скрылась в плотном потоке, Ирина проводила ее глазами и долго еще сидела на бульваре, смотря на звезды. Она не чувствовала холода то ли от сытного ужина, то ли от воспоминаний о давней прогулке в такой же вечер несколько лет назад.

Той осенью ей попадались старухи с ведрами, полными цветов. Она медленно выбирала букет для себя и без грусти (рубль в кошельке деньгами было назвать нельзя) пыталась представить пахучую красоту в пустой вазе на пианино. Большие чайные бутоны с капельками воды боролись в ее воображении с гордыми ало-горячими георгинами и творчески растрепанными хризантемами разных оттенков. Вволю наторговавшись с крикливыми торговками, она повернула к дому. Шла по ухабистому тротуару, радуясь тому, что не носит каблуки, и пыталась понять, любит ли она цветы? Такой простой с виду вопрос оказался сложным. И имел свою историю.

Отец никогда не дарил матери цветов. Сначала не было денег, потом привычки, а там – и желания. Мама никогда не показывала своего к этому отношения, но после прогулок с маленькой Иришкой они всегда возвращались домой с маленьким букетиком придорожных цветов – ромашек, васильков, незабудок или простых одуванчиков. Любовь Степановна не знала, что такое поклонники, и как они могут осыпать любимую женщину цветущей душистой радостью. Доходы в их семье всегда были минимальные, да и само хозяйство копеечное, и вместо букета обычно приобреталось что-то нужное в дом. Так жили все знакомые, перебиваясь от зарплаты до зарплаты. Больших заработков да соседской зависти боялись пуще голодного желудка. Хотя цветы замечали и любовались ими на клумбах, но серьезного отношения к подарочным букетам у полуничего населения не было, разве что – для учителей.

Роскошная – теплая и ласковая осень – настраивала Ирину на грустный мемуарный лад. Вспомнилось, что когда-то прямо за домом начинались заросли жасмина. А в соседнем дворе кто-то по ночам обламывал ветки сирени. Внутри что-то потянуло, и навернулись беспричинные слезы.

Захотелось цветов для себя.

Нежданных.

Сюрпризом.

Подарком.

Засосало под ложечкой точно так же, как в тот давний вечер, когда она чувствовала себя золушкой-замарашкой и мечтала о том, что хорошо быть красивой женщиной, ведь победительная красота сопровождалась благоуханным разноцветием. Она усмехнулась, конечно, наивно было так думать, но тогда она была уверена, что кто-то обязательно обладает этой нечаянной радостью.

Ирина долго смотрела на небо, словно ждала именно от него чего-то необычного и волшебного. Оно было таким огромным и бездонным, что казалось всесильным. Сколько глаз яростно и бессильно искало в его высоте помощь и справедливость. Сколько губ посылало ему проклятия и молило о пощаде. Дождь, снег, ветер в разные времена из погодных проявлений становились символическим знаменами. Как смириться с простой арифметикой смены времен года? Иногда в бессонную и тоскливую ночь, когда капли дождя кого-то оплакивают, а тучи всхлипывают громовыми раскатами, кажется, что небеса рыдают, провожая молодость человечества.

Уже понятно, что детские игры закончились, и агрессией юности с ее безумием и безжалостностью земля сыта по горло. Но надежда на мудрость еще слишком слаба.

Мудрость беспомощна. Лишена тела. Силы.

А молодые тела горячи, и их владельцы сходят с ума в поисках удовольствий. Закайфовать, забалдеть, забыться, – и подальше от безумия эпохи смуты и перемен. Заработать, а лучше – наворовать, отнять, изъять, вложить в недвижимость, ввинтиться в чужую реальную жизнь. И забыть о себе. Культ зеленых портретов, настоящих бриллиантов и бесстыдной ночной жизни становится единственной целью. Мечты и надежды надежно изгнаны. Перед бронированной дверью сытого сегодня слишком сиротливо и неуютно сумеречному вчера.

Бедное-бедное время. Тебя, говорят физики, не существует. И все-таки, бедное-бедное время. Вчерашние лозунговые идеалы затоптаны ураганной поступью сегодняшнего лощенного хама с гарвардскими замашками одесских космополитов, вседозволенностью кавказских «князей» из кизяковых аулов и пофигизмом российских стадных граждан.

Алчное, клыкастое и хорошо вооруженное «сегодня» лихо затаптывало «вчера». Но вечером, за каждым окном зажигался свет. Может быть, хрупкое «завтра» не совсем растворилось в нестойком тумане надежд? Может быть, ее радость притаилась где-то там – за соседним углом?

Фонари не горели, и она несколько раз тогда оступалась. Старухи с ведрами тоже не попадались – какая торговля в потемках? В овощном магазине на углу было совсем мало покупателей. Лук на вид показался сухим, и она купила сеточку – вот и все цветы для ее кухни. Состояние было какое-то непонятное, взвешенное. Ее словно обманули, поманили и ничего не подарили. Дома быстро приготовила ужин, убралась в прихожей, а внутри, разгораясь, росло ожидание чего-то необычного, почти сказочного. Коленьку из садика надо было забирать только в пятницу...

Она вспомнила! Сегодня был праздник – пятилетие у них с Павлом! Так вот что ее мучило! Она посмотрела на часы – почти восемь. В это время муж обычно возвращался после вечерних новостей. До его прихода оставалось несколько минут. Тогда Ирина загадала, если он принесет цветы, – начнется новая жизнь! Он уйдет с телевидения и вернется в кино, ей в театре дадут новую роль, появятся лишние деньги, и они наймут Коленьке няньку, чтобы, наконец, забрать его из ненавистного садика. Будет счастье!

Просто счастье.

Вообще – счастье.

Откуда родилась уверенность такого многообещающего вечера? Ни сейчас, ни тем более, тогда Ирина не знала. Павел пришел чуть раньше. Без цветов.

И это было правильно.

Это было естественно.

Это было так, как всегда и бывает.

Он быстро переоделся и уткнулся в телевизор. Ужинать отказался наотрез, иначе его команда могла проиграть. Ирина вспомнила, как она едва сдерживала слезы от упреков, что забыла об особых приметах спортивных болельщиков. Про праздник нечего было и напоминать. Она тихо вышла на кухню. На столе остались хлебные крошки. Вначале она сгребла их вместе, потом скатала шарик. Пальцы сами лепили – квадрат, пирамидка...

Ничего не случилось.

Обычный день.

Будничный вечер.

Никаких событий.

Так часто бывает. Все остается на своих местах, завтрашний день повторяет вчерашний, происходящее не выходит за рамки обыкновенных эпизодов. Никаких новых историй, казусов, фактов. Неизменный постоянный быт. Но случается один миг, в котором соединяется странное напряжение и ожидание. В нем переплетается все лучшее, может быть, забытое, романтическое. Душа замирает в предвкушении перемен. Самое горькое, если ничего после этого не происходит. Такой момент рождает неврастеников и самоубийц. Это та самая капля, которая без видимой причины переполняет чашу душевных горестей и делает муху – сломом, занозу – нестер-

пимой болью, неудачу – трагедией. Внутри стало пусто и зябко. Обидно? Да нет, к тому, что поселилось внутри, слова не подбирались. Из комнаты доносились радостные крики: «Так им, козлам!» Окрыленные «поддержкой», «козлы», судя по доносящимся стонам, ринулись в бой.

– Для кого растут цветы? – тупо спросила пустоту Ирина и сама себе ответила. – Для торговки и актрис, других актрис, – пришлось уточнить с кривой усмешкой. В большой серой сумке кошелек нашелся не сразу. Рядом с хлебными скульптурками сиротливо легла вытряхнутая мелочь. – Куплю завтра сама.

Но слезы уже притаились в уголках глаз.

Это не сюрприз.

Не подарок.

Она, собственно, так и осталась девочкой-неудачницей. Было много всего: и хорошего, и плохого – обид, предательств, бед. Давно стало понятно, что слез на все это не хватит. Жизнь проходит в тайной надежде, на радость. Проходит мимо. Но сегодня обязательно должны были случиться цветы. Именно случиться. Без них не получалось завтра. Ирина почувствовала прежде, чем поняла, что радость нужна не только ей. Растет сын. И она должна получить свою порцию, иначе и он никогда не увидит счастья.

Она не очень соображала, зачем надевает туфли и плащ, и куда пойдет на ночь глядя? Лифт застрял где-то наверху, и пришлось спускаться по темной лестнице, – то ли электричество сэкономили, то ли хулиганье тренировалось из рогаток по лампочкам. Она снова порадовалась, что не носит каблуки. У метро молодой и нахальный «цветочница» безразлично ткнул пальцем в ценник.

– Они у вас увядшие. – Ирина попробовала разжалобить продавца.

Но он даже не удостоил ее взгляда. Было поздно, и пришлось вернуться, безрезультатно обойдя несколько неосвещенных переулков. Из ведра выглядывали три вялых бутона в мятом целлофане. Внутри было явно что-то не так, – веревка слишком туго обматывала букет.

– Мне одну, пожалуйста. – Она не узнала свой голос. Так, наверное, разговаривают с судьей перед объявлением приговора.

– Только букетом.

Потом Ирина долго и унизительно упрашивала нахала, уходила, снова возвращалась. Он, в конце концов, отдал букет за всю наличность кошелька. Она уже не знала, довольна ли? И как нести цветы? Вспомнила, что их носят головками вниз, и опустила.

На корявый асфальт упали три вялых бутона. «Цветочница» знал свое дело. Она собрала беспомощные головки, медленно пошла к дому и почему огорчилась, что у нее нет новой бельевой веревки. Поднимаясь по темной лестнице, она решила, что обязательно покончит с невезением. Девочка-неудачница должна умереть. Надо сменить профессию... Лучше всего на что-нибудь совсем неромантическое, например, фармацевтику.

И придется развестись с Павлом, – мама была права. Два неудачника на семью – перебор!

6 глава. Зима

Крупные белые снежинки усаживались на подоконник. Казалось, они были бы не прочь попасть за окно – в тепло. Но им оставалось только надеяться, что ветер оттащит тучу, и снегопад прекратится. Тогда они останутся наверху и, пока совсем не стемнеет, хотя бы налюбуются жизнью в теплой комнате. Но смотреть было особенно не на что. Разве только на неподвижную женскую фигуру. Она стояла, не двигаясь, беззвучно шевелила губами и следила за падающими снежинками.

– Зима, зима...

Сквозь плотную пелену снегопада вдруг неожиданно весело блеснуло солнце, и Даша увидела на перекрестке тоненькую девушку. Она даже не обратила внимания, что это совсем не тот перекресток, который виден из ее окна, а какой-то другой, позабытый. Нечто смутное привлекло ее в незнакомке: то ли движения, то ли смешная вязаная шапочка, то ли куцее пальтишко. Она нахмурила лоб, прищуриваясь, и...

... уже через миг бодро зашагала по утоптанному хрустящему тротуару. Мороз щипал за нос, и от холодного воздуха немного ныли зубы, но Даша улыбалась встречным прохожим. Предощущение чего-то невнятного, но радостного переполняло ее и рвалось наружу. И только мороз это как-то охлаждал.

– Зима! Зима! Я люблю зиму! – Даша беззвучно кричала в каждое встречное лицо. – И чтобы мороз, и снег, и скрип, и снежки, и красные мордашки ребят!

Она только что выползла из душной пасти метро. На тротуаре была вязкая каша, а по проезжей части было удобно, да и машин вечером мало. Редкие прохожие спешили с работы. Проводив взглядом завернутую в шарф старушку, Даша попыталась отгадать профессию женщины, идущей впереди. Идей не было никаких, но внезапно голова стала тяжелая. Мысли вяло расплзались, оставляя после себя какую-то ватную пустоту.

Неожиданно из подворотни вылетел мальчишка лет двенадцати. Он так размахивал портфелем, что было непонятно, какая сила удерживает его на ногах? А еще он что-то пел или бормотал вслух. Казалось, улица принадлежит ему, и он ничего не боится и не стесняется. Сходу он налетел на скамейку, громко кукарекнул и потом заорал во весь голос: «Давайте жить дружно!» Это было так смешно, что Даша догнала его и заглянула в лицо. Мальчишка несколько не смутился: «Здрасьте!» – и, сделав себе подножку, плюхнулся в сугроб.

Он сидел и улыбался так открыто и озорно, что Даша тоже рассмеялась. Мальчугана это только раззадорило, – последовала целая серия гримас, и она просто зашлась от хохота. И тут что-то больно резануло внизу живота, потемнело в глазах, и она шлепнулась в тот же сугроб. Боль была такая сильная, что выдать из себя хоть слово оказалось невозможно.

– Что с вами, тетенька? – Испуганно наклонился парнишка. – А часы у вас есть? – Почему-то спросил он. – Есть?

– Есть, – ничего не соображая, Даша сняла часы и протянула ему.

– Тетенька, – он как-то внимательно поглядел на нее, – а-а, это у вас лялька бьется. Я знаю, у меня мамка так сеструху родила. Это хорошо. Вы только не бойтесь.

Часы упали на снег. Он поднял их и по-хозяйски застегнул ремешок на ее руке.

– Лучше девку, попомните, – хлопот меньше.

Даша смотрела на испуганное и странно мудрое лицо маленького мужичка. Теплота и радость заполнили ее сердце, – удивительное ощущение, когда не нужны подарки и совсем не обязательны солнечные дни. Непостижимое и прекрасное состояние необыкновенной легкости, невесомости, когда все равно – идет ли снег, дует ли ветер...

Ты открыта. Для тебя не существует преград, и всякая трудность кажется легко преодолимой. Даша целовала смеющегося мальчугана, что-то говорила, плакала...

– Только вы, тетенька, осторожнее, – тяжелого не понимайте и вообще...

– Спасибо тебе...

Она бежала домой, а казалось – летела.

Есть! Есть, есть... Боялась, никому не верила, а мальчишке поверила.

Была зима.

– Я люблю зиму-у!...

В снежной пелене незаметно подкрался вечер. Тротуар исчез, и остался только темный квадрат окна.

– Я еще люблю зиму... Я еще люблю зиму? Зиму? – Мокрый воротник черной водолазки сдавил шею. – Неужели сейчас зима? – Даша отодвинула воротник, – стало трудно дышать. – Как же так, я ведь не купила Катке сапоги... – Она открыла глаза и наткнулась на занавешенное черным платком зеркало, и чтобы не завывать, уткнулась в подушку, скрипнув зубами.

– Плачь! Плачь, Дашка. – Помреждохнул перегаром и неловко погладил ее по голове.

– Как проводница в том поезде! – Закричала Даша и стала биться головой об стену.

Наверное, за дверью кто-то был, потому что ей сразу заломили руки и поднесли чашку с водой. Холодные струи стекали по подбородку, смешиваясь со слезами. Ей что-то говорили, но она даже не различала лиц. К чему ей были чужие лица, если самое дорогое, единственное родное она уже никогда не увидит. В голове никак не укладывалось простое сочетание хлеба и смерти. Хлеб, который всегда для людей означал жизнь, как, как он мог стать причиной смерти? Женщины пытались накормить ее, но от их усилий на черной водолазке появлялись пятна с жирными разводами. А когда поднесли кусок обычного серого хлеба, с Дашей случились страшная истерика. Она вырвалась из державших ее рук, упала на пол и долго билась в конвульсиях. Боль, казалось, разрывала тело изнутри, и чтобы хоть как-то ее притушить, Даша расцарапала себе лицо и руки. Окружающие с ужасом смотрели на извивающуюся женщину, а она вдруг затихла, свернувшись комочком.

Помрежвыгнал всех из комнаты, перенес несчастную на кровать, накрыл пледом и присел рядом. Он вытер распухшее лицо своим выдавшим лучшие времена носовым платком, прижал к себе голову со спутавшимся волосам и забормотал на ухо какие-то странные слова. Он говорил первое, что приходило на ум: про осень, которая так рано закончилась, про обещания теплой зимы, про завтрашнее утро, про плохой урожай капусты... Он и сам с трудом продирался сквозь слезы. Нестерпимо хотелось схватить за грудки Того, кто там – высокий и недоступный – решал за людей, когда им жить, когда – умирать, но со страхом гнал это желание прочь, потому что боялся кары, хоть и не ведал – какой?

На самом деле ему – совершенно одинокому и спивающемуся – бояться было уже нечего и некого. По-хорошему, Даше надо было бы выпить пол-литра водки, только он знал, что облегчения это не принесет, а временное забытие вряд ли спасет. Лучше всех в театре он понимал обездоленную, сам прошел через этот ад, когда в 80-м хоронил сына, вернувшегося из Афганистана в цинковом гробу. А через месяц той же дорогой провожал и жену, не пережившую гибель единственного сына. Сам вот задержался, коптит небо, никак денег не соберет, чтобы поехать на родные могилки, они теперь в другой стране – отделились по суверенному праву. Чтoб всем тупоголовым политикам мест на кладбищах не хватило!

Эх, поменяться бы с Каткой! Закусила девчонка жизнь хлебешком и отлетела чистой душой. Ему же тут еще гнить заживо, пропивать остатки разума, да на рожи людские любоваться, век бы их не видеть!

Даша тихонечко всхлипывала в своем оцепенении. Она не чувствовала тела, не ощущала боли. То есть, вся ее плоть состояла из сплошной боли. Перед глазами пульсировали огромные

красные маки. Они распускались и заполняли собой все пространство. И в этом пространстве вдали замаячила нечеткая фигура. Каким-то шестым чувством Даша поняла, что не стоит напрягаться, чтобы ее разглядеть, она сама приблизится, когда придет время. Цветы бешено закружились, и из образовавшейся кровавой воронки зазвучала музыка.

Скрипки под сурдинку что-то просили. Издалека, словно отдельно, пробормотал тромбон. Не жалобно, нет – удивленно. На последнюю его ноту наступил пианист. Несколько мгновений тромбон отстаивал свое первенство, но рояль плавно и властно заставил тему спуститься со второй октавы на первую и безраздельно принялся управлять оркестром.

Со стороны могло показаться, что рояль – диктатор, который позволяет лишь подыгрывать. Но этот большой полированный гордец желал не подчинения – согласия. И оркестр, поначалу оторопевший и почти смолкший, ожил любопытными репликами контрабасов. Они старались вовсю – резко вздрагивали от щипков и плавно выгибались под смычками. И сделали свое дело, – всполошились кларнеты. Им показалось, что обязательно надо успеть отметить. Чтобы ни было, а их голоса уже нельзя не учесть. Флейты принялись нежно переговариваться между собой, им всегда была смешна суетность кларнетов. В этом с ними были солидарны гобои. Политике не место в музыке! Таких интриганов давно пора поставить на место.

Рояль взволнованно замолчал на фермате. И спасти положение бросились высокомерные виолончели. Их сочные басы пророкотали странно щемящую мелодию, – духовые как-то разом оборвали свой спор. Флейты и гобои в унисон подхватили и повели мелодию вниз. Они долго держали дрожащую ноту, пока ее не подобрали сонные валторны. Им было все равно, но сонный рыжий литаврист – уже слишком! А потому радостная готовность к любой пакости – лишь бы он проснулся.

И когда вздрогнула под ударами его крепкой колотушки упругая кожа больших барабанов и затопила дробью весь оркестр, рояль опять печально выплыл из хаоса и грохота. Он рассыпал ледяные капельки дождя по всему оркестру. То ли от холода, то ли от неожиданности, эти капельки собирали в ручейки сердобольные флейты. Им хотелось, чтобы скрипки помогли согреть застывающее крошево. Но скрипок было слишком много. И они никак не могли договориться.

Снова воцарился хаос. Литавры пытались призвать к порядку визжащие трубы, но те нервно разрывали остатки мелодии. А она, беспомощная, металась от тромбонов и альтам... Ни один инструмент не в силах был приютить беззащитную гармонию. Рояль удрученно перебирал басами. И вдруг наступила тишина.

Откуда-то издалека возник высокий голос. Он был настолько бестелесный, что поначалу никто и не понял – мальчишеский ли это альт или женское сопрано. Как бы из небытия медленно и горестно голос возвращал утраченный напев. Он, казалось, понимал, что никого не спасет, но не мог оставить мир без света.

Это была мелодия. Она напоминала прежнюю. Вскользь брошенная виолончельная фраза заставила всхлипнуть скрипки и прикорнула к леденеющему вокализу. В этот момент пианист вспомнил свою партию и пробежался по клавишам в попытке догнать глиссандо голоса. Оркестр постепенно приходил в себя, примиряя всех и по-отечески опекая мелодию...

Мелодия... Она уже больше не дергалась из стороны в сторону. Она позволила дирижеру овладеть собой окончательно, резонно рассудив, что он все равно своего добьется. Послушно следуя за тоненькой палочкой, инструменты, устав от разногласий, заиграли слаженно. Правда, контрабасы и известные своим задиристым характером кларнеты еще попытались внести смуту, но барабаны быстро поставили их на место. В мощных последних аккордах никто не услышал последних сетований, но когда власть дирижера закончилась, еще долго

слышалось прощание голоса и трубы. Оркестр уже хотел попенять им, но потом тихо опустил инструменты, сострадав чей-то далекой беде...

Из угасающих звуков возник другой голос. Он что-то повторял на высокой ноте, потом звук стал гортанным и резким, словно его кто-то натирал, как смычок, канифолью. Слова проявлялись, как на фотобумаге, постепенно набирая звучание.

– Страшная жизнь, жестокая и несправедливая. Но другой, скорее всего, не будет. И надо прожить ее целиком, на одном дыхании, жаль, что дышать учат только певцов. Надо попробовать подняться над бытом, суетой, болтовней.

Голос был знакомый, и Даша напряглась, пытаясь разглядеть говорящую женщину. Неужели? Этого не могло быть!

– Мама?

– Рождение-учеба-семья-дети-работа-смерть, – голос монотонно, без всяких интонаций эхом отдавался в голове. – Где в этой страшно однообразной цепочке твоя жизнь? Твое отличие от других, твоя боль, твое страдание и обретение радости. Ты пришла в этот мир с криком страха и материнской болью. Время постепенно прибавляет новые страхи и боль.

Даша хотела закричать, что понимает справедливость данности: она женщина, а это уже больно. Но не может же женщина состоять только из боли? В ней есть хитрость и подлость, обман и вероломство. В ней много грязи. А еще она умеет быть нежной, беззащитной, доверчивой. Но в жизни это, к сожалению, малоприменимо. Наверное, женщина всю жизнь ищет или мечтает найти мужчину, похожего на нее. Кто же может понять ее лучше, чем она сама? Эти поиски, как правило, безрезультатны. Женщина создает ореол мужчине, а он ей – в награду – славу бабы, склочницы, скандалистки.

– Ей – в танце принадлежать джентльмену, – лицо матери приблизилось вплотную. – Ему – поесть, попить и побыстрее уложить ее в койку, можно, и без первых двух условий. Ей – лучшее для него. Ему – от мяса к гулянке или попойке. Ей – не фильм важен, а то, что с ним в кино, ему – ...

Даша взглядывалась в некогда любимые черты – тонкие брови, нос с горбинкой и фисташковые глаза и содрогнулась от горького понимания – мать сейчас где-то рядом с внучкой. Ей хотелось спросить, увиделись ли они, если да, то, как узнали друг друга, никогда не встречаясь? Но она тут же забыла свои вопросы, потому что теперь это было не важно.

– Ее столько раз унижали и топтали разные поганки, и любимый не брезговал. Но вот настанет время, приходит момент, когда самым важным для женщины становится уважение и жалость. Не любовь – редкость, не комфорт – она научилась его создавать и оплачивать сама, не покой – он и вправду «только снится», а жалость. Помнишь, Василий Макарович Шукшин обронил: «Те, кого жалеют, долго живут». Он знал, о чем говорил, его путь оборвался в 45 лет. Такого человека не жалели, а обычную женщину?

Она прибегает на службу со следами вчерашнего скандала и неверно наложенной косметики. Весь день смотрит на часы, считая минуты до конца рабочего дня: «Все», – облегченно выдыхают легкие, и их обладательница, схватив сумки мчит по магазинам в направлении к дому. «Уже?» – нехотя натягивая пальто, проедет он и медленно двинется к выходу, налегке сядет в транспорте. Она, тяжело груженная авоськами, пристроится рядом, примется лихорадочно подсчитывать остатки личности и выдумывать оправдания по поводу покупок. Так и доедут они до места: он – с газетой, она – при грузе и с заботами. Потом их вытряхнет чрево дребезжащего салона, и поплутуют они в разные стороны. Кто к телевизору, а кто – на кухню? – мать подмигнула Даше – Отгадавший может заказать себе ужин в ближайшем ресторане за мой счет.

У Даши перехватило дыхание, – воздух перестал проталкиваться в легкие. Страх и горечь отступили, и неудержимо захотелось оказаться рядом с матерью в этом мареве

дымящейся теплоты, окунуться в нее, омыться и вместе пойти искать Катюшку. Но мать, выставила ладони вперед и грустно покачала головой, как бы отрезая дочь от себя.

– Оглохшая ночь попробует соединить мужчину и женщину, наобещав большую кучу блаженства. И останется ей от ночи только куча да извечная боязнь всех женщин – страх нежелательной беременности. А потом такие разные – они – сойдутся у кабинета гинеколога и не смогут найти ответа на свои вопросы.

Мать, не отворачиваясь, начала медленно пятиться назад. Даша силилась понять, она все этого говорит или кто-то сильно на нее похожий?

– Женщина болеет. Она больна страшно и неизлечимо. Больна еще до своего рождения. Она приходит во враждебный мир, где орут на ее мать, где за ласку и нежность, так же, как за профессиональность и доброту, надо платить по тройному тарифу. Она входит в мир, где обязательно что-то пропадает в тот самый момент, когда оно необходимо. Ей будут все запрещать. Пройдет время, она вырастет, но так и не сможет разобраться, что же можно, а чего, действительно, нельзя? Ее заставят обозлиться на весь свет, и научат извлекать выгоду даже из **ничего**.

Злобная и агрессивная, она пойдет по жизни, оставляя после себя выжженную пустыню опустевших душ. Сталкиваясь с себе подобными, она будет провоцировать экологическую катастрофу в общении. Будет предъявлять свой счет, так и не поняв, что его оплачивать **некому**.

Она остается одна. И уже не важно – красива она, образована, обеспечена... С ее натурой уже нельзя ни в семью, ни в стаю. Ей суждена теперь вечная клетка, дай Бог, собственной – квартиры, если повезет.

Страшная жизнь. Если сможешь, проживи другую...

– Мама!!! – Даша была уверена, что от ее крика проснулся весь дом, но Помреж заметил лишь гримасу муки на ее лице и подумал о том, как на самом деле уродливо выглядит настоящее горе.

7 глава. Вечность

Старая дорога. Редкие путники. Два камня.

Один – обыкновенный булыжник, другой – бриллиант, то есть, обработанный алмаз. Если не принимать во внимание внешние отличия, то перед глазами два совершенно одинаковых камня. Конечно, они разной формы, цвета, размера, веса и пр. Но, по сути, их природа одинаковая – неживая. Они – осколки вечности, которыми при желании и возможностях может владеть человек.

Но кто может быть уверен в том, что они – совершенно мертвые? Они таковы в нашем представлении. И тот, и другой появились задолго до нашего рождения, может быть, даже до появления человеческой расы на земле. Они – суть явления природы, ее усилий. А в природе все разумно, хотя, с точки зрения людей, не все – целенаправленно, хотя любое явление имеет значение: землетрясения, извержения вулканов, ураганы, горы, моря, леса... и отдельные камни. И эти отдельные камни имеют свою судьбу – историю, смысл и, следовательно, цель.

Природе нужно было все, что она сотворила: и галактические феномены, и планетарные катаклизмы, и паразиты, и вирусы, и ее разрушитель – человек. И вот держит он в руках два непохожих с виду камня и один после раздумий оставляет, а другой выбрасывает. Ему невдомек, что, может быть, он выбросил философа, а оставил прощельгу. Глубоко под землей, в толще воды, среди прибрежного песка, внутри скалистой породы любой камень несет в себе не просто информацию о собственном составе, но еще и ПРОМЫСЕЛ. Конечно, человеку трудно вообразить мысль неживого булыжника. О чем это он может размышлять? Уж, не о вечности ли?

На первый взгляд это смешно. А на второй? Что мешает допустить? Тогда ценность камня становится неопределима сегодняшними методами. Не могут разные камни думать об одном и том же, да и качество их, наверняка, будет разным... А мы ходим, пинаем их, мешаем предаваться рассуждениям. Хотя, им, наверное, все равно, где, как, и в чем они сами находятся... Для них мы – песчинки, занесенные прихотливым ветром. Вот мы есть, а спустя несколько мгновений нас нет. И снова никто и ничто не стоит между ними и вечностью.

Но пока... они неживые. И мы вольны относиться к ним так, как нам нужно, используя их исключительно прикладное значение – в виде тротуаров, метательного оружия, стен, талисманов... и предметов роскоши.

Камень под ногами и бриллиант – в наших глазах не сопоставимы. Бриллиант имеет ценность не только потому, что тверд, прозрачен и блестящ. Он ценен кропотливым трудом, вложенным в его внешний вид. Однажды – так давно, что и не определить, кто-то выделил его из общей массы и придал индивидуальный вид. Изменения понравились окружающим. И вот уже сотни рук обрабатывают грани минерала, тысячи глаз «пожирают» его блеск, миллионы страждущих желают им обладать. Все это и составляет понятие ДРАГОЦЕННОСТЬ.

Алмаз – усовершенствованный простой графит. А столько крови на его совести!? Мук и счастья, возвышенных судеб и низменных поступков, несправедливости, проклятий, сломанных карьер, вознагражденных подвигов, девичьи грез и мужских фетишей. И все-таки...

И все-таки тепло наших рук согревает именно его – драгоценный камень. Коварная природа смеется над нами. Человеку нужен блеск, чтобы обладать властью. Простота вынуждена отступить и уйти в тень.

Не потому ли высокие неприступные горы – бессмысленный вызов альпинистам-самобийцам – мстят тем, кто стремится нарушить их покой, покорить и помешать неспешным думам о вечности? И тогда безжалостные и неотвратимые снежные лавины ставят глупцов на место. На наше настоящее место – песчинки в бескрайних просторах вселенной.

Но это... с точки зрения камня.

А человек? А человек все равно будет любить то, что нравится его глазам – яркое, блестящее, броское. Булыжнику остается только ждать... своего часа. Он это умеет. Ему незачем торопиться...

Посреди тяжелого и непонятного сна резко прозвучал звонок. Павел подскочил и, ничего не соображая, поплелся к двери. Почтальон принес телеграмму соседям, но ошибся дверью. Позднее утро хмуро заглядывало в окно, дразня разрушенным желанием «спать до победы». Все в миг навалилось, словно внезапная пурга, тотчас затошнило и засосало под ложечкой, какое-то мохнатое, нехорошее предчувствие выползло из темного угла. Он почувствовал его спиной, словно кто-то недобрый пристально уставился в затылок.

– Надо умыться.

Но холодная вода не освежила, стало только зябко и противно. День пропал. Он действительно оказался пропащим, с бессмысленным блужданием по дому, с какой-то неприкаянностью, которая очень похожа на состояние, пережитое в далекой юности. Вот еще вчера ты любил и был любим, а сегодня тебе сказали, что это закончилось. Беспредельное чувство брошенности наваливается, как десятки «G» на космонавтов. И ты мечешься, как пес, оставленный хозяином на остановке: и отойти страшно, и направиться некуда. Обида и невыносимая жалость к себе вырастают, как снежный ком. И вот уже эта лавина накрывает тебя, не давая возможности ни дышать, ни думать, – остается тонуть в сознании полнейшей беспомощности и бесполезности. Даже намек на возможную радость в этот момент, кажется, может разорвать тело на части...

К середине дня буря улеглась. И Павел смог даже поесть, но ни запаха, ни вкуса не почувствовал. Лишь довольный желудок принялся за работу. «Все химия», – лениво шевельнулась первая за целый день разумная мысль.

Хорошо было быть скалой... Голой неприступной скалой. Чтобы ни одна травинка не пускала в тебя корни, чтобы ни одно живое существо не отваживалось искать приюта на твоём холодном недосыгаемом теле.

Солнце, ночь, ветер, непогода и – **ВЕЧНОСТЬ**.

Ты и небеса! Оцепенение. Бесчувственность, безтревожность, бездейственность.

Абсолютное и сознательное одиночество.

Постепенный уход всего и даже ощущения собственного «я».

Останется растворенность в мире. Неотъемлемость от него.

Лелеянный желанный окончательный покой.

В густом сиреневом тумане кто-то затаился. Странная лиловая птица пролетела так низко, что поцарапала лапками лоб. Их тумана потянуло сыростью и прелыми листьями. Что-то громко ухнуло и эхом подкатилось к ногам: «Чего молчишь?» Павел от неожиданности поднял плечи. В ответ раздался скрипучий смех, и длинная рука, высунувшаяся из тумана, крепко схватила его за локоть. Павел почувствовал горячую ладонь, но не испугался, смело шагнул в плотное марево и остался один. Рука пропала, вокруг ощущалось какое-то движение, но ничего нельзя было рассмотреть. Он с досадой подумал об оставленных очках: близорукие глаза, сколько не щурься, а плохие помощники в незнакомой обстановке.

– Это он!

– Нет, вы щутите.

– Да он же, он!

Кто-то быстро проскользнул мимо, Павел лишь успел ощутить упругую воздушную волну. Над ухом прохихикал противный голос, а когда он поднял голову, то получил болезненный щелчок по носу.

- Поиграем?
- Если хочешь играть, выходи, а то нечестно получается, ты меня видишь, а я тебя – нет.
- Павел напряженно всматривался в туман.
- Слепондя! Слепондя!
- Будешь обзывать – уйду, – обиделся Павел и повернулся спиной.
- Ты чего? Обижаетесь?
- Обижаясь, – он не знал, как вести себя в такой нелепой ситуации?
- А на меня нельзя обижаться.
- Это еще почему?
- Нельзя.
- Ну, почему?
- Нельзя и все.
- Не понимаю.
- А ты хочешь все понимать?
- А ты?
- Плохое воспитание. Надо сначала ответить.
- Но ты же сам не отвечаешь.
- Мне можно.
- Почему?
- Можно.
- А ты кто?
- Я! – Детский голос задрожал от обиды.
- А ты мальчик или девочка?
- А-а-а!!! – Скорый и бурный плач привел Павла в еще большее замешательство.
- Я не хотел тебя обидеть.
- Плохой, плохой. Не буду с тобой играть. Выбирай!
- Что я должен выбирать? – Павел незаметно стал продвигаться к тому месту, где, как ему казалось, туман должен был кончаться.
- Все выбирай! Все!
- Я... не знаю...
- Вырос оглобля-оглоблей, а не знает. Выбирай желание.
- А... – Павел широко улыбнулся, – это по «щучьему велению, по моему хотению»? – и тут же получил сильную затрепину.
- Ты чего издеваешься? Чего корчишь из себя?
- Да ничего я не корчу, просто, не понимаю, о каком желании идет речь?
- Вот навязался на мою голову, – рядом кто-то смачно высморкался. – Ну, «если бы можно было прожить снова, то я...» – понял? Или «три девицы под окном пряли поздно вечерком. Если я была б царица...»
- Все-все?
- Ладно, когда придешь в себя, – позови.

Павел pokrылся холодной испариной. Он совсем не хотел быть царицей, да и жизнь сначала мог заказать только полный кретин. Нет... он должен основательно подумать. Жалко, что не спросил, сколько заказов...

- Один!!! – Прогремело из тумана.
- Ну вот, один. Тут главное – не прогадать.
- Не гадай, – выбирай.
- Это разница.

Павел оттер рукавом пот со лба, и в это мгновение по спине побежали холодные мурашки. Можно было выбрать любовь... Но ведь она со временем уходит. Заказать счастье?

Но его век короткий – всего лишь миг... От напряжения свело челюсти, и в этот миг еще не оформленное в мысль желание выдохнули губы.

– Я хочу летать! Да-да-да! Именно летать. Высоко и свободно! Так, словно это мое естество.

– Летать? Уже выбрал?

– Да! Летать, но не размахивать руками, как птицы.

– Не глупые. Все твои усилия – лишь мысленное желание.

Туман постепенно рассеивался, оставляя вместо себя непонятное томление. И вот уже все пространство заливал яркий солнечный свет. Улица была незнакомая, но навстречу, размахивая алым воздушным шариком, шел Сын. Павел стиснул его теплую ладошку: «Сейчас мы найдем автобус на Париж». На автобусной остановке засмеялись. Колька остался изучать расписание, а Павел пересек улицу, ведущую к пустырю, за которым виднелись какие-то металлические строения. Подойдя ближе, он заметил воинскую часть за решетчатым забором. На поле лениво и медленно солдаты играли в странную игру – смесь футбола с волейболом.

Павел напряженно посмотрел на свои ноги. Волновало только два вопроса: желание – обман, и как проверить это на практике? Конечно, была уверенность, что разговор в тумане не был трепотней, но... Павел медленно обвел взглядом солдат. Они продолжали сосредоточенно играть в свою странную игру. Тогда он оттолкнулся ногами от земли и легко поднялся вверх. В первый момент пропало дыхание. И тут же изнутри вырвался дикий восторг: «А-а-а!!!» Ему показалось, что голос обрушился сверху взрывной волной. Внизу все медленно, как в рапиде, стали задирать головы...

Но Павел уже плавно устремился к облакам – подальше от людских завистливых глаз, а потом в упоении от свободы, резко спикировал вниз. Впереди возникла высокая скала-обрыв. Он лихо облетел ее и снова взмыл, ахнул от восторга, – в уцелье бесновалась бурная горная река. В этот момент какая-то сила стала стремительно сбрасывать его к ней. От молниеносного падения перехватило дыхание, но Павел был уверен, что спасение ждет у самой воды. Брызги уже летели в лицо, но он спокойно скользнул над гневными бурунами, ловя губами студеные капли.

Впереди его ждал огромный безбрежный океан, и Павел устремился к нему. У подножия огромного айсберга его ждали разбросанные прозрачные льдинки детской мозаики. Над горизонтом поднималось раскаленное огненное солнце. Павел быстро спустился и принялся судорожно перетасовывать льдинки. Он торопился найти последнюю букву, чтобы солнце не смогло помешать. Прозрачные пластинки предательски таяли в руках, но он все же успел выложить заветное слово – «вечность». Солнце ласково коснулось головы и заиграло на бриллиантовых гранях мозаики. «Вечность» засверкала всеми красками радуги и отразилась на облаках мерцанием северного сияния. И тогда Павел воспарил вдоль солнечного луча к переливающемуся разноцветному буйству.

Это видение возникло в голове, пока он набирал высоту. Исползволь возникло ощущение потери, и он понял, что просыпается.

Картинка сна начала бледнеть и терять очертания. Он стал умолять сон не уходить.

– Я еще не налетался! – Павел сжал веки, изо всех сил стараясь вернуть восхитительное ощущения полета, и сон снисходительно позволил ему прокрутить лучшие эпизоды. Как же хотелось летать наяву! – Интересно, – мелькнула шальная мысль, – а какова была бы плата? – Он не успел додумать, потому что на лбу заняла длинная царапина.

8 глава. Круг творения

Дождь громко барабанил по жестяному подоконнику. Он просился в дом, выстукивая каплями: «Осень-холодно-осень-холодно» ... Ему было тоскливо на пустынной улице. А за окном так уютно горел свет.

– Открой-открой-открой, – звонко разбивались капли. – Пусты-пусты-пусты, – гремела старая жесть.

– Ишь, как наяривает? Совсем обнаглел. Уже и на улицу не выйти, – поворчишь тут. Хотя можно догадаться, что дождь припустил только от тоски и одиночества.

– Никто меня не любит. А мне всех вас жалко. И камни жалко, и людей. Я и сам устал. Открой окно, дай мне отдохнуть.

От долго стояния перед окном у Даши заныли пятки.

– Даша, у тебя каша подгорает! – Она вздрогнула от коридорного крика и очнулась.

Подгоревшая каша была противна, но в последнее время еда вообще вызывала у нее отвращение, хотя странным образом вес постоянно увеличивался. В поликлинике ей посоветовали сесть на диету, заниматься аутотренингом и исключить сильные переживания. Первые две рекомендации выполнялись сравнительно легко. Даша даже стала посещать по утрам спортзал, когда жива была Катька, у нее на это не хватало времени. Занималась истово, до изнеможения, не отдавая себе отчет, что терзает плоть, потому что душевная мука поглощает все ее существо. Она теперь жила скорее механически, чем сознательно. Подспудно все время где-то на границе сна и яви маячило видение с матерью, и она никак не могла определиться с простой проблемой, – не пришло ли время восстановить семейные связи. В конце концов, после похорон она была в таком состоянии, что найдется мало охотников, которые бы поручились за ее разум. Вполне возможно, что все давно забыто. За свой жизненный выбор она получила с лихвой, самое страшное, что за это пришлось расплатиться не ей самой, а дочке.

Но чем больше Даша думала об этом, тем нелепее ей казалась сама идея воссоединения. С кем соединяться? С сестрой, которая не написала ей ни одного письма? С братьями, не впустившими ее домой? С отцом, который забыл, что у него есть дочь? В последнее время память невольно возвращала прошедшее своеобразными вспышками коротких эпизодов, причем, чаще всего из детства. Иногда ей казалось, что она слышит басовитый смех отца. Он был большим и седым, говорил всегда тихо и медленно. Мать это раздражало, впрочем, ее раздражало все – муж, дети, соседи. Она злилась, когда отец смотрел футбол, сестра просила конфет, братья устраивали бузу из-за велосипеда, а во дворе у кого-то из соседей появлялась обнова... Спектр ее раздражений был необъятен, и Даша уже в детстве поняла, что маме досаждало все, и особенно то, что другим доставляет удовольствие.

Сестре очень нравилось рисовать. Она исчеркивала мелом тротуары, стены домов, даже на чистых полосках газет умудрялась рисовать карандашами истории с продолжением. Потом Даша узнала о комиксах, но сестра изобрела их сама в раннем детстве. Отец часто говорил матери, что ее надо записать в кружок рисования при Доме пионеров. На что мать всегда злобно шипела, что в семейном бюджете нет лишних пяти копеек на автобус. Позже Даша узнала, что сестра в 15 лет продала свою косу, вырученные деньги прокутила в незнакомой компании несовершеннолетних насильников, научилась курить, пить, теперь, наверное, и наркотики употребляет. Братья... кажется, они в Чечне по контрактам... Мать? Мать, скорее всего, если верить тому сну, тоже уже свое получила.

Нет, этим хлебом не насытиться, а сухарей у нее теперь – вся жизнь. И в этой жизни, скорее всего, счастье будет просто литературным понятием. Из собственного опыта, глядя на других женщин, она могла с высокой степенью определенности вывести формулу счастливой женской судьбы. Теперь Даша была убеждена, что в счастливой женской судьбе эстафету заботы

отец должен передать другому мужчине. Если время передачи затягивается, то такой женщине никогда не видать счастья, ибо чувство вселенского одиночества поселится в ее сердце. И даже в самой светлой радости она будет прозревать горе. Никогда не сможет она отрешиться от случайности, считая, что недостойна собственной удачи. Какое уж тут счастье.

Даша тяжело вздохнула, придется привыкать к одиночеству и отмаливать грехи. Какая горькая перспектива? Раньше она собирала деньги на игрушки, теперь – на памятник дочке. Чтобы не расплакаться, она стала громко повторять: «Я здоровая. Я худая. Я молодая». Чем больше она это повторяла, тем меньше верила, но это, как говорила подруга Оленька, вопрос количества.

Надо было собираться на репетицию и не забыть положить в сумку книгу о восточной кулинарии. Отдавать ее было жалко. Мудреные диеты Дашу совсем не привлекли, а вот глава, посвященная философским учениям и религиям Востока, очень заинтересовала. Оленька считала, что это самое главное в книге. Даша с этим была согласна, хотя мало в чем разобралась, но некоторые положения и утверждения ей понравились, особенно в буддизме. Исходя из собственных представлений о прочитанном, она теперь пыталась представить свои прошлые воплощения. Следуя логике реинкарнации, они у нее обязательно были, – ведь каждая душа проживает множество жизней.

Конечно, и она это хорошо понимала, конкретный человек в конкретной жизни с конкретными людьми ведет себя конкретно, то есть, человек в своей реальной жизни ежедневно вынужден принимать решения. Естественно, они редко имеют статус героического подвига и могут быть до банального просты: что лучше съесть на завтрак – творог или омлет? Не суть важно. Значима ситуация постоянного выбора – или то, или это? Даше становилось тепло на душе, когда она представляла, что, возвращаясь из раза в раз в мир конкретного воплощения, ее душа приближается к заветной цели – достижению совершенства.

Она воображала, что в каждом следующем существовании ее собственная душа станет разыгрывать партию жизни с одними и теми же душами. Только они все время будут меняться местами: вчера – это родные, сегодня – враги, завтра – просто пассажиры в одном автобусе. То есть, вчера-сегодня-завтра в конкретном случае она рассматривала, как предыдущую-нынешнюю-будущую жизни. Важнее всего в этом было то, что набор душ всегда оставался неизменен. Ей так же представлялось, что, несмотря на непредсказуемость человеческого поведения, его все равно можно было прогнозировать. Хотя в действительности подлинная личность определялась именно странностью и нелогичностью – с обывательской позиции – поведения в обычных и экстремальных ситуациях.

Кажущаяся непонятность, неординарный поступок, экстравагантное решение, вызывающее поведение... – этот бесконечный список Даша могла примерить и к характеристике просто эпатажного персонажа, и к попытке объяснить или хотя бы описать внешние проявления невидимых душевных переживаний странных загадочных людей, отмеченных печатью особенной стати, – безусловного осознания своего места в мире. Понятно, что это не место управляющего в банке или популярного певца. Это внутреннее состояние духа, при котором человеку совершенно безразлично, как он выглядит в глазах других, и сколько необходимо заработать для отпуска на Гавайях. Она теперь понимала, что, если определен внутренний стержень, – человек начинает творить, изменять порядок в мире ценой собственной жизни. На память тут же приходили примеры тираний и революций из школьного и институтского курса истории. Но это был совсем другой порядок – порядок воплощения воли. Она уже была убеждена, что между творчеством и подобной волей – непреодолимая пропасть.

Творят – из себя в мир.

Владеют – миром для себя.

А конкретная собственная жизнь дается человеку для понимания цели, из-за которой душа постоянно возвращается на недопаханное поле реального существования. На этом поле

каждая душа вынуждена будет пройти весь путь, грубо говоря, от преступника до пророка. Никто не избежит ни одной роли в длинном списке действующих лиц пьесы-жизни. Можно лишь удивляться или возмущаться видимой несправедливостью последовательности. Хотя ведь никто еще не проверил закономерности воплощения в том или ином персонаже. Важен, естественно, сегодняшний выход на сцену.

Дашу успокаивала всеобщая предопределенность и неизменность численности душ, ведь в этом случае приходилось смиряться с тем, что и выбор сюжетов конечен. Когда-нибудь – слава Богу – круг замкнется.

Скорее всего, этот круг – всеобщий, и состоит из мельчайших окружностей, которые стремятся к завершению единовременно. В тот момент, когда у каждой из этих окружностей совпадет точка начала и точка конца, – общий огромный круг тоже сомкнется. Этот будет тот самый час, в который человечество перейдет в новое качество.

Именно поэтому Даше легко было соглашаться с тем, что в каждой из жизней душа партнерствует с одними и теми же людьми-душами. Разные сочетания – сын-мать, жертва-палач, подруга-любовник, отец-враг... – давали душе возможность исследовать все варианты человеческих взаимоотношений. Так, в одной жизни душа выберет нелюдимое замкнутое и угрюмое воплощение отшельника, в другой – станет «отсекать от камня лишнее» и прославлять человеческую природу, в третьей – будет потрошить невинных младенцев, а в четвертой – отпускать грехи кающимся грешникам...

Она теперь была уверена, что всем предстоит пройти через все. Каждый почувствует себя и сыном, и матерью, и насильником, и студентом, и императором... И в каждом определенном воплощении при встречах с другими придется решать разные задачи. Все меньше и меньше будет требоваться поводов для взаимодействия с другими. Даша это представляла себе так: все больше и больше людей для конкретного человека станут похожи на пассажиров в транспорте, что на первый взгляд казалось полной бессмысленностью.

Только именно в этом случае отсекались ненужные связи, и приближалась главная встреча, которая станет связью, партией, союзом с тем единственным, с кем и может быть определена **цель**. Главная цель собственного **ТВОРЕНИЯ**. И тогда финишную прямую эти души пересекут разом. Как не было ни у кого фальстартов, так не будет победителей и побежденных на исходе. За все свои жизни мы научимся любить себя и других. И обретем рай.

Даша теперь была убеждена, что на самом деле, никто нас из него не изгонял. **Библейская легенда о наказании за познание представлялась ей самой трагической ошибкой цивилизации. За обретение и осознание души человека надо награждать бессмертием, а не втапывать в страх и пугать грехом.**

Она держала в руках книжку, благодаря которой не потеряла рассудок, ежесекундно примирялась с потерей дочери, и осталась жить. Она уже не помнила, о чем прочитала в книжке, а что придумала сама, но радовалась тому, что вроде бы все у нее получалось стройно и логично, но... Но жизнь – настоящая жизнь – брала свое. Даша была живой, молодой женщиной, как бы яростно не доказывала себе обратное. Ей хотелось быть любимой, здоровой, богатой, успешной, знаменитой, уважаемой, почитаемой, всевластной, благополучной, свободной... Этот список она тоже, если бы хватило мужества признаться, могла продолжить.

Интересно, все-таки, как далеко она ушла от точки начала? Она решила, что об этом поразмышляет перед сном, а сейчас нужно было собираться на репетицию.

Дождь, по-прежнему, выстукивал за окном свою унылую песню. А все-таки любопытно, когда мы завершим весь круг творения, что станет с дождем? Перестанет он тосковать?

... мужчина осторожно прижал ее к себе.

– Плачь! – Голос его был твердым и властным.

– Не могу... – она обессиленно выдохнула и жалобно попросила, – уходи, пожалуйста, уходи...

9 глава. Укрощение желаний

... я приду, я обязательно вернусь, только позови, я буду радом...

Что-то произошло, что-то произошло – непоправимое и страшное. Он открыл глаза и с раздражением он понял, что опять не может вспомнить лицо женщины. Кресло вяло поскрипывало. На экране бесновалась молодая красивая певичка лет шестнадцати. Взбитые волосы, длинные ноги, короткая юбочка типа «воспоминание о фиговом листочке». Она кричала что-то о любви и бросала с зал агрессию молодого горячего тела. Вокруг визжала толпа малолеток, выдрючивался ударник, и шарахался по стенам сумасшедший луч света.

Павел смотрел на искаженное песней лицо, а внутри все молчало. «Уроды», – шевельнулось в голове. Ритм не пульсировал нигде, мелодию едва различало ухо. Конвульсии полуприкрытого тела вызывали брезгливость. Хотелось задрать то, что осталось от юбки, и хорошенько отстегать толстым ремнем. «Скука... Сколько тебе отмерено, стрекоза? Ну, еще годок-другой подрыгаешь лапками, помашешь крыльями, а потом придет новая, еще дрыгучей... Все они какие-то отвязанные...»

Шестнадцать? Нет, больше. Шестнадцать ей было тогда...

... пять лет назад, когда Павел еще был женат... мерзкая девица на Арбате. Что-то грязное и лохматое в драных штанах с обтянутыми бедрами попросило спичку, и, пока он доставал зажигалку, оно лениво и определенно прижало немытую ладошку к молнии на его брюках. Девица сделала это спокойно, средь бела дня, на самой людной улице страны...

Он даже вздрогнул от омерзения.

– Старею, – усмехнулся Павел и почесал зарождающуюся лысину, – скоро сорок. – Да, близость к женщине облагораживает кожу мужчины...

А телевизор все орал.

На что люди тратят жизнь? На миф о славе... За минуту внимания толпы летят в мусорную корзину времени сочные молодые годы. Их пропивают и прокуривают, их разменивают на легкие шалости в случайных компаниях. Ими не дорожат, пока...

...мы верим, что жизнь, как монетку, можно начистить, надраить, и она снова будет, как новая. Капитал!

– Кому бы заложить свой капитал – разменную монетку – жизнь? А, кстати, монетка у меня медная или серебряная? – Спросил он неизвестно кого. – Если медная – ерунда, если серебряная – слезы...

Занавеска на окне завибрировала от ветра, и от этого движения он понял, отчего чувствует себя неуютно, – ноги замерзли... То ли сон, то ли бред замелькал перед глазами, возвращающая прошлое...

...Ерунда... Слеза... Слезы ерунды... Ерунда слез... и памяти...

Где ноги-и-и-и?..

– Вот дурак лысый, опять ящик зря пыхтит.

Скрипучее кресло с явным неудовольствием крикнуло и выпустило хозяина. Да и какое тут могло быть удовольствие: ноги чужие, и во рту кошки... Ирка снова легла раньше, – придется ему довольствоваться памятью о потной ладошке.

– Не густо, – криво ухмыльнулся Павел и поплелся на кухню. Чайник давно остыл, котлеты заплыли жиром. – Суки поганые! – В сердцах он хлопнул дверцей холодильника и пошел к жене.

– Когда будем жить нормально? – Почти миролюбиво заорал он в ухо спящей.

– Завтра, – привычно огрызнулась во сне Ирина и велела посетить ванную.

Это, правда, ничего не изменило, но... Но отсутствие горячей воды как-то сравняло желания и возможности.

Пришла обычная черная ночь.

А после той ночи они подали на развод... Так вот...

– Столько лет прошло, а ты, по-прежнему, скачешь, надо же! Или это – другая? А, какая разница?... – Павел убавил громкость и поплелся чистить зубы.

Вместе с певичкой вернулись последние семейные скандалы. Павел печально вспомнил, как они с Ириной раздражались по любому поводу, с каждым днем приближаясь к простому факту, – чем дольше живут вместе, тем меньше остается того, что их объединяет. Его мало заботил быт. Он был согласен плыть по течению, надеясь на лучшее, но заранее принимал средний результат. Поначалу Ирина соглашалась, потом просто слушала. Он замечал, что она сердится, хотя и молчит. Его такое поведение жены вполне устраивало, казалось, так будет всегда.

После того, как у него ничего не получилось с кино, она старалась не «наступать на больную мозоль». Редко обсуждала с ним свои проблемы, на премьеры в театр не приглашала. Тогда ему, конечно, не могло прийти в голову, что она сознательно не стала добиваться популярности. Теперь уже и не проверить это. Просто, так хотелось думать, что Ирина сменила профессию не оттого, что у нее не заладилась актерская судьба, а потому что было неловко торопиться к славе, – ведь у любимого мужа не сложилась кинокарьера.

В ванной он долго разглядывал себя в зеркале, пока не успокоился, – лысина сохраняла нейтралитет и на новые территории пока не претендовала. И то – хлеб! «Ну и выплюсь же я сегодня!» – мечтательно подумал он.

Пока он занимался гигиеной, солидные мужи сменили певичку. Павел из любопытства прибавил звук и замер, пораженный. Он давно начал сомневаться, что программные директора каналов включают мозги, когда верстают сетку передач, иначе совершенно невозможно было объяснить соседство несовместимого. Вот минуту назад заголялась певичка, прямо из трусов вылезала, показывая, каким именно местом она извлекает звуки, а ее сменяют ученые мужи и церковные функционеры разных конфессий в жарком диспуте о допущении эвтаназии.

Дожили! Мир сошел с ума – «цивилизованный» Запад потеснил Создателя!

«По согласию»! Они почти согласны принять закон, по которому на тот свет можно будет отправляться без очереди, но по согласованию. Что-то это напомнило Павлу, где-то он уже встречал подобное. Сначала по личному согласию избавляли от боли, потом... Дорога в рай, как известно... Сперва уйдут безнадежно больные, часть из которых вполне вероятно просто убедят в безнадежности, потом последуют трусы с низким порогом нервной стабильности, а потом можно будет взяться и за бесполезных сумасшедших, беспомощных стариков, инвалидов... До всех очередь дойдет: бомжи, уголовники, лишние родственники, недоразвитые народы...

Молодцы, ребята! Отлично придумано! Дорога в ваш Изумрудный город будет вымощена могильными плитами. Только у нас – в России – принято вспоминать иногда – «не рой другому яму». Павел гневно выключил телевизор и поплелся в спальню. Благостное настроение, возникшее от вкуса мятной пасты, испарилось. Он чувствовал, как желчь внутри бурлит и ищет выход.

Как же можно целой страной после бешеной гонки истории вляпаться по самое некуда в полную неопределенность дикого беспредела западного направления? Любая революция приводит к оправданию творимой жестокости. Этим и только этим подтверждается преобразование общества, создание новых социальных отношений, нравственные искания. Однако, масштаб содеянного революционерами всегда оказывается столь велик и неоднозначен, что последствия никогда не совпадают с идеальными представлениями.

Революции похожи на мощные взрывы, которые высвобождают колоссальную энергию множества атомных ядер. Общей взрывной волной сносятся судьбы отдельных людей в широкий кровавый поток истории. А следом за безудержным порывом к свободе, правде и счастью приходит новый виток потрясений. Так, Франции пришлось испытать и счастье революции, и ее трагедию, и фарс Директории, и героизм наполеоновских походов и... беславный штиль. России в этом смысле повезло больше. Масштаб географических карт несопоставим.

За полуправдой пропаганды и избирательного террора для VIP персон, как сказали бы сегодня, последовала череда бездарных перестановок *a la* революция и талантливый захват власти. Все, что происходило потом, очень хотелось называть фарсом, если бы не горы трупов. На огромном пространстве, когда один край встречал рассвет, а другой – закат, поселилась не героическая, не античная, а обыкновенная беспросветная трагедия обыденности, на которую не хватило бы гегелевского ужаса при виде гарцующих наполеоновских солдат.

Дымящиеся останки крушения надежд на всеобщее благо. И миллионы людей, выброшенных молохом революции на крохотные островки, едва просохшие от крови. Павел отчетливо представил себе – и это было абсолютно зримо, как надвигается на него шаткий мир всеобщей повальной лжи. Только в идеальных революциях за честным подвигом следовала незамедлительная награда. В реальных же – победа достигалась количеством пролитой братской, а не вражеской крови. И значит, оставалось только выбрать, какие именно бесстыдные средства из большого набора разнообразных бесчестностей приведут к цели. Самым большим успехом в такие времена – он хорошо знал это на своей собственной шкуре – пользуются способы, позволяющие добраться до заветных высот путем наименьшего сопротивления. Как правило, за редким исключением, это подлость, подлог и воровство в гигантских размерах. А потом?

А потом «наступает тишина», как говаривал Шекспир. Нахапавшие переваривают награбленное, опоздавшие зализывают раны, нищие тихо ропщут. И каждый остается предоставленным самому себе. Наверное, теперь Павел в этом несколько не сомневался, – именно в такие времена, когда все уже случилось и на новый порыв, взрыв, виток у истории еще не накопилось энергии, рождаются байроны. И гоняются они за демонами по всему свету, потому что не могут смириться с установившейся скукой жизни.

Политики срывают глотки в бессмысленных спорах о... поправках к незыблемым демократическим уложениям по поводу новой защиты прав и свобод от старых прав и свобод. Журналистам ничего не остается, как вынужденно раздувать из тлеющих окурков пожары общественных скандалов, лишь бы не завывать от однообразия. Что, скажите на милость, в этом вязком болоте прикажете делать военным? Разве могут они бесстрастно смотреть, как покрываются коррозией стальные бока самолетов, ракет, танков, снарядов и как ржавеет боевой дух под звездными погонами...

А что остается маленькому человеку с несостоявшейся судьбой? Ему-то куда податься? Где ты, правда жизни? Подскажи, как разобраться во всем этом бардаке? Как не дать себя увлечь в заманчивую тину заблуждений.

– Эй! Фортуна! – Павлу очень хотелось докричаться до небес, но, учитывая поздний час, он просто прошептал. – Помоги отыскать мое место в жизни. Единственное, на которое, кроме меня никто не станет претендовать. За это я согласен платить. Правда, как любой здравомыслящий человек, я постараюсь путем торга уменьшить цену. Но такова уж человеческая природа, – всегда кажется, что тебя хотят надуть, даже если это собственная судьба.

Бурная деятельность перестала быть мерилем великого деяния или блистательной карьеры. Хочется жить с ощущением внутренней свободы и покоя. Эпоха стыдится величия и все время пытается жульничать со слабыми. Ей хочется быстрее обделать свои делишки, а потом настричь купонов с результатов. Интересно, – Павел попробовал себе представить хотя

бы приблизительную цифру, – как много людей могут выдержать испытание сытого безбедного существования в России? И как долго?

Внезапно он словно бы прозрел и смог разглядеть истончающуюся завесу над своим настоящим. Какими же смешными теперь показались ему собственные недоумения по поводу работы на коммерческом телевидении. Он долго ломал голову над тем, что пытался понять, почему поганец-продюсер постоянно суетится, мечется от одной аферы к другой, разрывается на части между Россией и Америкой, безусловно, по-своему страдая? И вот все сошлось. Как он мог этого не понимать? Как мог не замечать, что жажда личного успеха вынуждает поганца передвигаться по узкому лезвию порядочности и непорядочности. А его плебейская сущность не знает, что он может себе позволить, а чего не может. Кроме того, он суеверно сторонится всяческих условностей и оттого судорожно цепляется за ритуалы. И все равно выглядит смешным и жалким, хотя именно этого панически боится.

Вот оно! Вот оно – то, что так долго скрывалось под прологом больших денег, – бесстыдное воцарение всеобщего плебейства! Павел на самом деле никогда не мнил себя аристократом духа. У него было много желаний и мало возможностей, кроме того, он слишком любил жизнь, чтобы позволить себе относиться к ней философски. Но повальная, отравляющая каждое мгновение жизни всеобщая неуверенность в завтрашнем дне – плебейская неуверенность – оборачивалась плебейской же наглостью и пропитывала собой все пространство вокруг. Плебейством воняло все – политика, экономика, искусство, человеческие отношения.

Павел физически ощутил свою общность с огромным количеством людей. Он не был одинок в этой погоне за иллюзорным счастьем. Не верилось, не хотелось верить, просто не могло быть, чтобы на этой проклятой и благословенной земле остались одни плебеи! «Похоже, что у вас закончилось честолюбие», – вспомнил он слова поганца. Похоже? А может, это так и есть? И ему больше ничего не нужно. И нет уже вдали призрачного огонька, до которого хотелось непременно добраться и показать его людям? Тоже мне, Данко.

– Я умер? Неужели я умер? И меня ничто не держит? – Павел монотонно повторял эти вопросы и слонялся по квартире, совершенно забыв, что собирался хорошо выспаться. Ближе к полуночи он обратил внимание, что считает собственные шаги – 26 вдоль и 12 поперек. – Надо сесть. Надо сесть и спокойно попробовать умножить 26 на 12.

Он пристроился на краю кресла. Кожа на лбу собралась в гармошку, а он все никак не мог получить правильный результат, видимо, сказывалось отсутствие среднего образования при высшем. Потом он долго следил за беспорядочным полетом мухи, а, когда она села на телефон, вдруг что-то подбросило его, и он закричал в телефонную трубку: «Ира! Приезжай скорей, я, кажется, схожу с ума!»

А ведь как все хорошо начиналось – лицезрением певички-малолетки в скрипучем кресле.

10 глава. Когда наступает вечер, или очередь за счастьем

– Девушки, оставьте свой эгоизм, никаких интриг я не потерплю. Как вам не стыдно? Здесь не театр – рай! И вы в него попали исключительно из-за меня, – люблю талантливых женщин. На сегодня – все. Прошу завтра не опаздывать.

Бухгалтер, которого неизвестно зачем режиссер пригласил на репетицию, отпустил всех с репетиции так, словно он был хозяином собственного театра, но актрисы с возмущением окружили его.

– Он любит, а мы здесь – кланяйся!

– Я не настаиваю, но благодарность проявить не мешало бы.

– Нет. Вы слышали это? Благодарность в рай!

– Да что вы о себе возомнили? Мы там пахали на сцене, а он тут галочки в ведомостях расставлял. Сошка на ножке в частоколе, а туда же – благодарность!

– Вот-вот. Тоже мне, финансист императорских театров!

– Так. Я вас сюда взял, – забрызгал слюной бухгалтер, не ожидавший подобного неуважения к своей экономической персоне и явно слишком много о себе возмнивший, – я вас отсюда и выкину!

На шум прибежал помреж. Выпитое накануне не помешало ему сходу разобраться в ситуации. Он не стал объяснять актрисам, что на самом деле в конфликте страдательным лицом был режиссер, которому бухгалтер никак не желал платить до окончания работы над постановкой. Его потому и позвали на репетицию, чтобы показать, как трудно продвигается спектакль, как много предстоит еще работы. Не может же режиссер питаться святым духом, ему хотя бы аванс нужен.

– Девочки, девочки, успокойтесь, пожалуйста, поберегите нервы. – Помреж постарался бедром вытолкнуть бухгалтера за дверь.

– Покой? Михалыч, ты хоть понимаешь, что это такое?

– Покой, – помреж потрянул головой, отгоняя остатки хмеля, – это такое состояние, при котором все происходящее воспринимается как должное.

– А я не хочу воспринимать это как должное! – Оленька демонстративно удалилась в примерку.

– Что он о себе вообразил, бездарь рублевая? Кто он такой? Его дело бумажки заполнять, а туда же – хозяин жизни! Много их – таких – тут шныряет. Как работать – так артист! А как барыши делить – пойдите, попляшите! Сволочь!

– У мужиков логика с ноготь, а разговоров!

– Вспомните, девочки, Сократа, который говорил, что «здоровье – не все, но все без здоровья – ничто».

– Михалыч, не лей елей на таблетку.

Даша вдруг поняла, что не хочет больше работать в этом театре. Она устала от привычного и постоянного унижения. Любой неактёр норовил изобразить из себя начальника и обращался с артистами, как с дворовыми холоуями, у которых нет никаких прав, и потому они должны строиться по указкам, дрожать от любых окриков и срываться с места по движению пальца. У нее не было ничего – ни денег, ни положения, ни звания, но она устала чувствовать себя плесенью, от которой презрительно морщились. К месту вспомнились сельские гастроли, когда их всех согнали на раскладушки в две небольшие комнатенки – мужскую и женскую – со скрипучими полами и отсыревшими стенами. А за стенкой в «люксе» 18-летняя соплюшка-

администратор – любовница мэра – громко орала в телефон: «Я тебе перезвоню через полчаса, только рабов своих устрою!»

Вернувшись домой Даша все равно не могла успокоиться, – ее трясло, как в лихорадке, от возмущения. Она остервенело склевала целую буханку хлеба, запивая ее водкой, сама этого не заметив.

На экране аккуратненькая врачиха доказывала, как опасен для здоровья лишний вес. Кто б спорил! На поверку ее нудная ария свелась к банальной рекламе очередного супер-пупер средства. «Сколько тебе перепало от трудов праведных?» – зло подумала Даша и вспомнила о том, как ее разнесло после рождения Катьки. Если бы кто-нибудь из бывших однокурсников увидел ее тогда – не узнал бы. Самая желанная и недоступная красавица курса, переваливалась, как утка, и тяжело дышала после каждого пролета лестницы.

Тридцать килограммов лишнего веса – столько стоили ей тогда роды. А во что обошлась сама беременность – об этом лучше было и не вспоминать. По спине пробежал противный липкий холодок – напоминание о женской консультации. Сколько страха натерпелась она в очередях на приеме к гинекологу. Пролила реки горьких слез от бесконечных садистских – «актрисы отличаются беспутной жизнью», – в исполнении «милейшей» докторессы, озабоченной чужой нравственностью. Да, бесплатная медицина – добровольная пытка: серые обшарпанные стены, стойкий запах хлорки и беды, незащитные испуганные женщины, вынашивающие светлое будущее... О, Господи! Видишь ли, ты или тебе показать? Кому принадлежал этот крик, Даша не знала. Может, просто, так кричали все несчастные?

До мельчайших подробностей перед внутренним взором проступил тот отвратительный коридор, где прошли часы в бесконечном ожидании. Даша так хотела ребенка, что при каждом непонятном симптоме прибегала в женскую консультацию, независимо от того, была ли ей назначена встреча. Часто рядом с ней оказывалась странная дама. Даша никак не могла понять, почему она все время читала тоненькие детские книжечки. Поначалу и не замечала ее, хотя все уже перезнакомились и обсуждали одни и те же темы. Даша с замиранием слушала про роды и всякие необычные случаи. Это было ново и пугающе. С каким-то тайным восторгом она смотрела на пышную Оксану, которая всегда занимала место у окна. Та собиралась рожать уже четвертого ребенка. Она приходила, здоровалась, а потом доставала вязанье. За неполный месяц ее проворные пальцы довязывали третий свитер. Оксана в общую беседу не вступала, но прислушивалась к разговорам и часто снисходительно улыбалась.

Больше всех Даше нравилась смешливая Анечка. Она выглядела совершенной девчонкой – две смешные тоненькие косички, детская челка и россыпь веснушек. Но чем ближе подходил срок, тем переменчивее становилась Анечка. Она погрустнела, не стало слышно ее заливистого смеха. Как объяснила Оксана, так всегда бывает, когда женщина боится родов. При упоминании о боли кукольное личико Анечки перечеркивала гримаса страха. Она стала говорить, что с каждым днем чувствует себя все хуже и хуже. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас. Анечка жаловалась на плохой аппетит, бессонницу ночами и мысли о том, что или сама умрет во время родов, или ребенок родится уродцем. Даша, как могла, успокаивала, но невольно и сама заражалась ее кошмарами.

– Я рассказываю, – Аня кивала головой на дверь кабинета, – а она говорит, это – нервное, пейте пустырник. А если я и правда...

Аня не успела договорить, – из кабинета выплыла медсестра. Она хмуро осмотрела очередь и подошла к женщине с книжкой.

– Окопная, почему так долго не приходила? – В ее голосе не было ни злобы, ни раздражения, лишь какая-то привычная усталость и обязательное занудство.

Женщина неловко поднялась и вытянулась перед ней, как солдат в строю.

– Я... болела... простите... – слова давались ей с трудом. Даша не поняла, то ли она так чудовищно заикалась, то ли вообще еле говорила. Книжечка упала под ноги медсестре, но женщина не посмела ее поднять. Она нервно перебирала пальцами складки широкого платья-балахона.

– Заходите, – прервала ее медсестра.

Женщина, сильно припадая на правую ногу, прошла в кабинет.

– О Боже, – не выдержала Анечка, – она, казалось, забыла о своих бедах. – А ей-то, зачем все это?

– Не суди других, – вдруг сказала Оксана. Она встала со своего привычного места, подняла упавшую книжицу и бережно положила себе на колени. – У нее никого нет, – голос у Оксаны был низкий, чуть надтреснутый, – калека. В детстве упала со второго этажа. Отца не помнит, мать давно умерла. Легче всего посмеяться. – Она укоризненно посмотрела в сторону Ани. – Ты молодая, здоровая и то боишься, а ей каково? Она уже третий раз пытается родить. Только до пяти месяцев и донашивает. Вот книжечки им и читает. Ей кажется, что если опять не получится, то хоть что-то хорошее ее ребеночек успеет услышать в жизни...

В коридоре стало тихо. Даше хотелось спросить про отца ребенка. Явно было, что у женщины не было постоянного мужчины. Каких, наверно, унижений стоила ей сама возможность забеременеть? Аня сидела рядом и хлопала носом. Разговоры оборвались сами собой.

Дверь кабинета отворилась. Калека вышла и, ни на кого не глядя, направилась к лестнице. Ее лицо пылало малиновым огнем. Заплаканных глаз она, скорее всего, не замечала.

– Куда? Там мороз... – успела подумать Даша, но ее позвали к врачу, и она тут же забыла и про эту женщину, и про Анечку, и про все остальное...

... Ночной город подмигивал летящими фарами, которые освещали окно. Даша тяжело вздохнула и подошла к нему: «Ах ты, Господи, жизнь-обещалка. Все манишь-манишь, а после играешь с нами в казаки-разбойники. Кто тебя догнал? Кто успел? Никто не успел», – она усилием загнала слезы обратно словно со стороны увидела себя с большим кульком на пороге родильного дома. В театре пожалели машины или забыли – чужая забота, чужая беда.

– Пойдем домой, дочь полка...

Чужой дом. Чужой город. Чужие люди. Чужие роли. Свой репертуар до родов она не успела наработать, а после – пришлось втискиваться в чужой. И все потому, что ее тогда разнесло... Тогда разнесло, теперь разносит, а Катюшенька, ее кровиночка в сырой земле...

Даша присела к зеркалу. Из старой амальгамы проступила та давняя Даша, которой не было в этой комнате – обрюзгшая с оплывшим лицом. Она всматривалась в старое зеркало и видела себя давнюю, раздавленную одиночеством и никчемностью, – другим одиночеством, но такой же никчемностью.

– Знаешь, – грустно подмигнула она отражению, – когда все плохо, оно и есть – все плохо. Везде. Ты внимательно погляди на меня сегодняшнюю.

Даша подняла руки и покрутилась. В ответ отражение сделало то же самое. Даша улыбнулась.

– Хорошего человека должно быть много!

– Дашка! Негодяйка! – Отражение погрозило ей кулаком. – Но не настолько же? Как жить собираешься?

Хотелось быть откровенной со своим прошлым, и она попыталась определиться с будущим, но запуталась. Мешало зеркало. Даша отказывалась узнавать в этой одутловатой опустившейся тетке свое – пусть давнее, но отражение, всеобщую любимицу и тайное упование половины курса. От слабого запаха копеечного табака защекотало в носу – отражение смолило одну сигарету за другой и жадно глотало дешевую водку. Ничего не оставалось, как попробо-

вать перевести разговор на безопасные общие темы, и Даша стала рассуждать о том, что надо что-то делать с жизнью. Годы-то летят, как сумасшедшие.

– Не годы это, Дашка, время наше уходит.

– Так ведь оно, подруженька, и не заглядывало к нам.

– А чего оно у нас забыло?

Отражение внезапно и бурно разрыдалось. Пьяный язык путано и сбивчиво проклинал все и всех. Даша попыталась ответить себе на вопрос, – правильно ли она сделала, что уехала после окончания института из Москвы в этот город и в этот театр?

– Я много тебе чего могу рассказать про время. Оно постучало.

Отражение пьяно размазывало слезы по щекам, а Даша вспомнила серый и тяжелый рассвет. Постепенно, как это бывает при получении новой роли, когда тыходишь в другого человека, в Даше проросли прежние тоска и безразличие, и она почувствовала – мрачное небо так давит на голову, что хочется засунуть ее под холодную воду.

Она бы так и сделала, но лень опутала все тело. Ее усилий хватило только на то, чтобы убрать со стола на пол пустую бутылку водки. Бутылка упала и покатила. Даша проследила за ней и наткнулась взглядом на Каткиного зайца. Привычные слезы покатались из глаз.

– Почему это так, – от размазанной туши защищало в глазах, – все куда-то уходит – близкие, время, друзья, жизнь... Пишем письма, пьем кофе, встречаемся, переливаем из пустого в порожнее, а проснешься утром с тяжелой головой и поймешь – уходит. Раньше казалось, лучшее – впереди! Это не так.

Отражение молча покачало головой – все правильно, попробуй, поспорь.

– У всех, наверное, так, – бежим куда-то вдаль сломя голову, пропускаем все, что рядом. Вот наступит завтра!.. Ну и наступило, и что? Что изменилось?

– Только я постарела, – отражение глумливо хихикнуло, – да размеры изменились... Домечталась! Дочки нет, ролей нет, мужа тоже.

– Лет пять назад еще оставались слабые шансы. – Даша неуверенным движением попыталась расчесать волосы. – Теперь, похоже, и они сменили дислокацию. А ведь вспомнить...

Как было ей не помнить? На учебные просмотры сбегался весь институт. Ни у кого не было сомнений в будущей карьере – Даше пророчили блистательный успех и в театре, и в кино. Походка – попробуй, не оглянись! Волосы – реклама лучшего шампуня! На талию равнялся стандарт.

– Погляди на меня теперь... Зеркало протирать не стоит – смазанный фокус в пыли!

Расческа запуталась в химии. Рука судорожно рвала кусочек пластмассы.

В фокусе хорошо была видна стареющая растрепанная с отечным лицом в рваной сорочке. Даша хотела рассказать этой тетке про свою нелепую жизнь, про дочкин кашель и зайца, который все время попадает ей на глаза, про то, что у нее нет денег на памятник, про тихую радость оттого, что в театре помогли поставить оградку на могилке. А еще ей надо было решить окончательно – стоит ли оставаться в этом балагане, если уже давно – еще до смерти дочери – ее перестали занимать в спектаклях. Нет, она что-то играла – роли второго плана, вводы. Теперь у нее было много свободного времени для того, чтобы разобраться в себе. Вечернее настроение жило лишь смутной жадой каких-то перемен. Но проходили дни, наставали ночи, и ничего не менялось. Даша привыкла играть маленькие роли и мечтать о больших. Придет когда-нибудь новый режиссер, увидит ее, предложит постановку, и тогда начнется полноценная жизнь.

– Я все знаю, Дашка. Режиссеры приходят и уходят, а извечное – «не вижу, не замечаю» – передается, словно по эстафете, в наследство. Ну, не видят они меня, кобели заумные! У тебя теперь иначе? – Даша неопределенно пожала в ответ плечами. – А меня в упор не замечают. Да и сама я перестала себя замечать. Живу тихо. Живу ли? Успокоилась. Научилась находить радость в редких прогулках, книжках, – отражение невесело хмыкнуло и икнуло. – Самая активная читательница в ближней библиотеке, мать твою...

У Даши заняло сердце, – там, в зеркале, Катька должна быть еще живой. Она еле сдержалась и, чтобы не завывать от ужаса, стала рассказывать отражению, что в театре приглашенный режиссер ставит «Дядю Ваню» Чехова. От собственного рассказа, воодушевилась передавая подробности того, как засуетились все, узнав, что постановщик приедет к ним прямо из Канады.

– Из самой Канады и прямо к нам, здравствуйте! – Отражение рассмеялось надтреснутым голосом. – Есть ли там вообще театр? Ставили свои домашние игрища для сбора поношенных курток нищим в резервациях, – вот и вся Канада. Благотворительность обожравшихся домохозяек. Вшивота! Новые формы, новые формы! Деньги другие – вот и вся новость! А! – неверная рука с той стороны зеркала опрокинула бутылку.

Даша еле сдержала смех, когда увидела, как отражение потекло сдобным тестом на пол и принялось шарить в потемках под столом.

– Ваши дуры, небось, все уши прожужжали, – толстуха прижимала к груди спасенную емкость. – Картинки, да и только! По всем углам – шу-шу-шу! Мужики стали ходить со стрелочками на брюках, бабы вспомнили про ресницы! Ой, выьемся в первые театры! В Москву поедем на гастроли! Хохма!

– Мне вся такая суета по барабану – чего трепыхаться? – Отражение с сожалением разглядывало бутылку на просвет. – Да к тому ж, смирилась я с судьбой, чего без толку ждать подарков и чудес?

Даша не стала рассказывать про собственные впечатления. Не до нового режиссера. Она, гложая от горя, чувствовала себя тенью. Но актрисы сразу оценили его. Он, правда, был хорош – высокий, большелобый, с лицом актера на роли благородных отцов. Посмотрел несколько спектаклей, посидел на репетициях и через неделю на доске объявлений появился приказ: Даша – Соня. Раз четыре украдкой она читала эту строчку, даже рукой трогала. А в голове одно только и вертелось: «Почему меня?»

Дома взяла пьесу, но так и не смогла прочитать ни строчки. Вспоминала, как на третьем курсе играла Соню, как хвалили педагоги... Вот ведь как обернулось... Однако молодое состояние, связанное с ощущением юности, никак не возрождалось. Да и как после всего, что случилось... Но Даша воодушевилась, она очень поверила в то, что сможет вспомнить, поработать. Если бы она знала, что на это же уповали все в театре, – невыносимо было видеть, как скрутило ее горе.

– Воспряла! Вот он – шанс! Дождалась! – Из прошлого полыхнуло застарелой злобой. – Сиж, вот, тарашусь на тебя в зеркало, а надо следить за собой, распустилась совсем, право слово, до неприличия. Завтра начну делать гимнастику. Нет, для начала – зарядку, сяду на строжайшую диету. Настали, видно, мои времена.

Отражение сладко потянулось и вылило остаток водки в стакан.

– Ты как, пьешь еще?

Даша ничего не успела ответить.

– Брезгуешь или язва?

– Или...

Все воодушевление прошло, потому что, если быть откровенной, то надо признаваться в финале-апофеозе. И честно рассказать, что репетиции идут мучительно, что у нее ничего не получается. Все перемещения по сцене выходят какими-то придуманными, слова звучат наигранно, никак не приходит искренность. Интонации, поведение – все выдает изломанность, нарочитость. Даша, правда, считала, что все это происходит оттого, что с ней режиссер репетирует не так, просто придирается, не хочет понять ее трагического состояния. А окружающие завидуют и строят козни.

Как она могла признаться зеркалу, а главное – себе – в том, что для артиста – настоящего артиста – значение имеет только роль. И лишь она становится истинной реальностью. Ника-

кие беды и радости не в состоянии сделать из бездарности талант. Ничто не может помешать подлинному профессионалу, в таких случаях обычно говорят, что «мастерство не пропьешь». Работа над спектаклем близилась к концу. Уже была назначена сдача, а роль, по-прежнему, не получалась. Две женщины – вчерашняя и сегодняшняя – понимающе смотрели друг на друга, и без слов все было ясно.

Днем режиссер, отчаявшись, стал играть прогон вместо Даши. Прошло уже несколько часов, но она все не могла забыть того унижения, как, сгорбившись от обиды, сидела в темном зале и, насупившись, смотрела на сцену. А там... а там... Черт побери!

– Да-да-да! – Громко закричало отражение. – Там жила Соня!

Именно – жила. Даша вынуждена была с этим согласиться. Да и как было не согласиться? Это была правда. Горькая правда. Тихая и гордая, не замечаемая любимым и любящая без всякой игры и притворства Соня смотрела на мир глазами раненой косули. Матерь пресвятая, как же ей было трудно! Как скрывала она свое мучительное чувство, как тяжело давался ей каждый прожитый миг. В желтом свете полуразбитых софитов билось такое отчаяние, одиночество и еще какая-то мудрая вера в жизнь, что на сцене рядом с этим было неловко лгать.

Режиссер существовал в роли Сони так распахнуто и трагично, что волей-неволей и все артисты настраивались на этот открытый накал. Впервые Даша воочию видела на сцене людей с подлинно трагическими судьбами. Непридуманными, непоставленными. И это уже был совсем не театр, а обычная трудная жизнь.

Великое актерское счастье – прикоснуться к чему-то заветному и самому стать его частицей. Даша сегодняшняя благодарила судьбу, что была свидетельницей настоящего театрального чуда. Она сидела оглушенная, словно то, что происходило на подмостках, прибило ее низко к земле и не позволяло ни дышать, ни шевелиться. Прогон закончился. Актеры расходились – тихие и строгие.

– Им повезло, но не тебе. Тебе нужно соучастие, – отражение сцепило руки так, что побелели пальцы. – А ты только видела это.

Даша снова пережила тот миг, когда режиссер спустился к ней в полутемный зал: «Попробуй завтра еще раз». После этого чуда за сценой произошел этот гадкий скандал. Как же он выдержал? И тут она вздрогнула всем телом и заплакала, как тогда. Отражение тоже разревелось – громко, в голос, навзрыд. Они обе завывали, как воеют бабы по покойнику и размазывали слезы ладонями. Икая и захлебываясь от рыданий, Даша забормотала: «Кончилась... кончилась... Это все... Мне каюк... Думала, что могу, еще что-то могу... это все...»

– Знаешь, Дашка, – толстуха в зеркале смачно высморкалась в подол, – я реву не потому, что режиссер хорошо играл, хотя ты знаешь, что так оно и было. Я только теперь поняла, что нам с тобой, действительно, конец. Давай признаемся себе: есть роль, есть желание доказать, актерское тщеславие, наконец. Но нет сил, а, вернее всего, просто нет таланта. И не было. И никакую жизнь не вдохнешь в пустоту. Нам теперь только воздушную кукурузу и пятую березку рядом с избушкой на курьих ножках играть до пенсии! Вот и все!

– Вот и все! – Даша с содроганием повторила за отражением и вздрогнула от грохота, – как колокольный звон слова звенели в голове. – Что же мне теперь делать? – Как жалко заглядывала в глаза режиссеру, не спрашивала – вопрошала. А на сцене уже вовсю гремели молотки – рабочие ставили декорацию вечернего спектакля...

Он смотрел на заплаканное лицо бывшей красавицы и пытался представить ее молодой и восторженной любительницей театра, полной самолюбивых надежд, и думал: **«Зачем эти глупые бабы лезут в театр, ломают свое будущее, коверкают жизнь близких? Что их манит в эти пыльные кулисы и продуваемые насквозь сквозняками сцены? Призрачный свет успеха счастливых? Желание схватить судьбу за хвост? Найти перо жар-птицы удачи? Сколько же вас таких – мучителей и мучеников, возлюбивших горький хлеб проклятого богом ремесла?»**

Телевизор давно шипел серой мутью пустого экрана. Даша приложила носовой платок к мокрым глазам, а потом им же вытерла пыль на зеркале. На нее смотрело собственное заплаканное лицо, и не было никакой толстой пьяной распустехе.

... она с надеждой смотрела на дверь. Еще немного и она откроется, и тогда в нее войдет он. Но дверь не открывается. «Я же сама его попросила... Нет! Возвращайся! Я совсем одна! Пожалуйста, возвращайся... я совсем не хочу жить, помоги мне...»

11 глава. Внутри себя, или история истории

Павел совершенно измучился, – он пятый час носился по Москве, проклиная пробки на центральных магистралях и безбрежное разнообразие игрушек анилиновых расцветок в детских магазинах. Он понятия не имел, что выбрать в качестве подарка сыну на день рождения. Ирина была права, – кому нужен такой отец? От отчаяния он готов был завывать белугой. Как же можно быть таким кретином? Почему он не поинтересовался у жены, чем теперь увлекается Колька? Павел попытался вспомнить себя в его возрасте, но ничего, кроме рогаток и «Трех мушкетеров» Дюма на ум не приходило.

Чтобы хоть как-то прийти в себя, он свернул с Садового кольца в тихий переулок и удивился отсутствию машин у обочины. Через два квартала вспомнил, что сегодня выходной, и конторы не работают. Радости – это, конечно, не прибавило, но хотя бы сняло недоумение по поводу пустынной улицы. Он повертел головой из стороны в сторону, пытаясь понять, где находится. В этот самый момент Павел увидел такое, от чего чуть не выпустил из рук руль.

У бордюра высоко подняв передние лапы сидел серый пудель. Ошейник выдавал в нем домашнее животное, но хозяин вблизи не просматривался. Павел затормозил. Пуделек повернул голову в его сторону, поднялся и бодренько засеменил к машине. Подойдя к капоту, он присел на хвост и поднял лапки, словно бы, «голосовал» таксисту.

От неожиданности Павел распахнул дверь: «Ну что, дружок, потерялся?» В ответ песик еще выше поднял лапки. Павел засмеялся: «Решил хозяина сменить? А не боишься?» Пудель привстал и замахал хвостиком. «Ну что ж, садись, коли решил!» – Павел похлопал ладонью по креслу. Пудель деловито взобрался на сиденье и осторожно понюхал ладонь Павла. «Давай знакомиться, меня зовут Павел, а тебя?» Песик позволил снять с себя ошейник. Кроме информации о фирме-изготовителе на нем было много интересного – телефон владельцев, адрес ветеринарной клиники, возраст собаки и ее кличка. «Значит ты – Рони. Понимаешь, Рони», – Павел несколько не удивился тому, что разговаривает с собакой, – «я не могу тебя взять, давай сделаем так. Ты пока посиди в машине, отдохни, а я позвоню твоему хозяину. Может, он ищет тебя, с ума сходит?»

Павел вышел из машины и направился к телефону-автомату. На том конце провода сразу сняли трубку, как будто только и ждали звонка. Ему не пришлось долго объяснять ситуацию. Но то, что рассказал ему владелец пуделя, не укладывалось ни в какие рамки. У Павла даже мелькнула пугающая мысль, что американские фильмы про благородных дворянских путешественников и собак-полицейских списаны с жизни. «Рони, должен тебе сказать, меня очень озадачил твой хозяин. Он предположил, что тебе не нравится его характер. Посему ты можешь считать себя совершенно свободным от предыдущих обязательств. Он великодушно отпускает тебя».

Рони, видимо, несколько не сомневался в исходе дела. Он внимательно выслушал Павла, дотянулся до его ладони и лизнул ее в знак признательности за участие в своей судьбе. «Только дружок, должен тебя предупредить, – польщенный собачьей благодарностью Павел потрепал псину за мягкое ухо, – я отвезу тебя сыну, у него сегодня день рождения, и я очень прошу, пожалуйста, постарайся вести себя прилично, ладно?» Рони радостно залаял, и Павел готов был поклясться своими лысыми покрывками, что пес понимает каждое его слово. Так, нежданно-негаданно он нашел подарок сыну, теперь осталось купить цветы жене и теще, и можно со спокойной совестью отправляться на праздник.

Ирина не ждала его так рано. История Рони ее заинтриговала, но не более того. Она деловито осмотрела сначала ошейник, потом позвонила хозяину и выслушала от него все то, что уже пересказал Павел. Во время разговора пудель спокойно сидел у ее ног, сразу определив, кто в доме хозяин.

– Малыш, ты мне нравишься, но придется помыться – гигиена превыше всего, – не успела Ирина закончить фразу, как Рони поднялся и потрусил к ванной. Павел изобразил нечто среднее между «я же тебе говорил» и «не верь глазам своим». Пудель сам запрыгнул в ванну и, высоко задрав голову, приготовился к душе. Потом он стоически вытерпел фен и щетку. Ирина пообещала, что купит новый ошейник и поводок, за что Рони осторожно вылизал ей руки. Потом они зашли в комнату сына, где Рони, вопросительно заглянув в глаза хозяйке, осторожно обнюхал разбросанные игрушки. «Осваивайся, но не шали», – Ирина оставила дверь приоткрытой и повернула к кухне.

– Какой же ты молодец! Колька давно просил щенка, а у меня все руки никак не доходили.

– Мне бы поесть чего-нибудь, – Павел потянул на себя дверь холодильника и тут же получил по рукам.

– Не заработал еще.

– Ты чего, Ирка? – На пороге кухне возник пудель. – Вот и Рони пришел. Мужики голодные!

– Если вы думаете, что я – сытая, то заблуждаетесь. У нас два часа до прихода Кольки – за работу. Все! Ничего готового нет.

– Вот дела! Мотай на ус, псина. Пришли к бабе, а у нее пожрать нечего.

– Пожрать – это, пожалуйста, в ресторан.

– У меня в кармане только на горчицу и хватит.

– Твои проблемы. Я дома еду не держу.

– Слушай, ну не будь такой гадиной. Ты чего молчишь, Рони? Дай нам хотя бы крошку хлеба.

– Крошки нет. А есть... – Ирина открыла дверцу шкафа, достала большую цветастую коробку и положила рядом с бутылкой водки, – вот. Хотите? Шоколадные конфеты.

– Ну, ты даешь! Конфеты с водкой.

– А я тебе их еще не дам.

– Знаешь ли, – Павел даже побагровел, – это уже зверство. Пытают и то милосерднее. Куда пошел? – Крикнул он вслед удаляющемуся хвосту. – Рони, не бросай меня, предатель. Вот к чему ведут благородные поступки.

– Уж конечно. – Ирина поставила перед Павлом миску с картошкой. – Приобщайся к работе. Плохому танцору всегда что-то мешает.

– Можешь издеваться сколько хочешь...

– Ты картошку имеешь в виду?

– И ее тоже. – Павел сердито вонзился в основание глазка. – Должен тебе заметить, что даже самый хороший танцор имеет все шансы в одночасье стать плохим.

– Не согласна, – Ирина отработанным движением запихнула гуся в духовку. – Человеку может помешать болезнь, беда или что-то еще – все под Богом ходим, но профи всегда остается профи.

– А ты... – Павел чертыхнулся, порезав палец, – надень на профи вместо балетных обычные семейные трусы и выпусти на сцену. Он тебе попрыгает!

– И ножками подрыгает.

– Не надо пошлости, – он стащил ломтик рыбы, которую Ирина выкладывала из вакуумной упаковки на блюдо, и украдкой протянул руку за новой порцией. – Еще скажи, что плохому танцору поможет хороший хирург.

– Тут я с тобой согласна, – Ирина демонстративно отодвинула блюдо с рыбой подальше от Павла. – В данном случае требуются более радикальные меры.

– Что может быть радикальнее операции?

– Гильотина, дурак!

– Это уже не лечится, ну дай мне еще рыбы.

Ирина показала ему кулак и выставила на стол банки с маринадом. Павел вздохнул и принялся их открывать. На самом деле ему было хорошо в этой большой кухне. И гастрономическое нытье он затеял скорее для затравки настоящего разговора. Посмотрев исподтишка на жену, он понял, что она об этом тоже догадалась. Вспомнилось, что иногда тут бывало и лучше. Он шумно вздохнул.

– Помнишь?

– Лучше не начинай.

– Ладно, не буду. Расскажи про свой бизнес.

– Заладили, как попки, «бизнес». Дело у меня, Паша, дело. Для меня – большое дело. Новую линию запускаю – мыло, шампунь и крем. Еще – два косметических салона открыла в этом году. А всего их уже пять. Подумываю прикупить торговые площади в больших магазинах, но пока не потяну. Знаешь, с тех пор, как я перестала дрыгаться на режиссерских веревочках, жизнь показала мне радостные краски и повернулась....

– Передом?

– Передом. Я узнала себе цену. И поняла, что она достаточно высокая. Там, где раньше я трусливо подстраивалась, теперь стало хватать мужества отстаивать свое мнение. Открылась любопытная закономерность, парадоксальная закономерность. Могу поделиться. – Павел охотно кивнул головой. – Когда становишься состоятельной, то многое просто так идет в руки, можно сказать, даром. Деньги перестают быть монетами. Они становятся символом. Символом отсутствия ущербности. Можно купить любую вещь, пойти в дорогой ресторан, поехать в Париж.

– Делать, что хочется?

– Да, делать что хочется. Это – свобода.

– Свобода – это хорошо. Никогда не думал, что химия бывает такой цветной.

– Не химия, бывший муженек, а фармакология.

– Насколько я понимаю, она, во-первых, состоит из химии, а во-вторых, занимается совсем другим.

– А я на обочине. Мне парфюмерия ближе.

– Вот бросила меня, и сразу дело у тебя пошло, – неловко пошутил Павел, чтобы она не заметила его разочарования.

– Как я могла бросить, если я даже поднять тебя не могла?

– А теперь смогла бы?

– Ты никак в спонсоры очередной своей нетленки меня наметил?

– А что? – Павел даже удивился, как это ему не пришло в голову? – Хорошая идея!

– Главное – рядом.

– Ирка, а ведь я... Вот дурак дураком. Мне бы... Слушай, я тут программу одну придумал. – «Ищите женщину!» Как тебе?

– А чего нас искать? Мы никуда не прячемся. Это вы в упор только бутылку замечаете. Знаешь, сколько бабья приличного ни за грош пропадает?

– Так и я про то же. Хочу рассказать... для вас... для всех.

– Паша-Паша... Ничто тебя не исправит. Не рассказывать и показывать нужно.

– А что нужно?

– Неужели разучился?

– Да ну, тебя, – он смутился, – я про искусство, а ты...

– Это твой паршивый ящик – искусство? – Она в сердцах замахнулась на телевизор. – Что ни день, то труп. Я Кольке даже мультики запретила смотреть, чтобы через каждые пять минут не объяснять для чего нужны прокладки.

– Но ведь трупы не сами появляются... – попробовал защитить телевизор Павел.

– Нет, не сами. Сами они мирно по лесопосадкам и лестничным клеткам валяются. Это вы, вы – телевизионщики – вытаскиваете их на всеобщее обозрение вместо того, чтобы прямоком в морг отправлять.

– Чур, меня! – Павел поднял руки вверх, сдаваясь на милость.

– Нет уж! – Не приняла капитуляции Ирина. – Сам нарвался. Неужели ты не понимаешь, что происходит? Закрой рот, – будешь отвечать, когда я разрешу.

Павел только развел руками в ответ на такую явную несправедливость.

– Ради чего твои коллеги каждый миг норовят влезть в мой дом?

– А ты не пробовала просто не включать?

– А новости?

– Ну, и смотри только новости. Я так понимаю, у тебя претензии глобальнее?

– Не заводь меня, я и так сегодня не в себе.

– И где же ты?

– Тебе лучше не знать.

– Ты стала недоброй.

– А ты? Добрый?

– Не знаю, добрый, наверное.

– Добрый – это не качество хорошо-плохо и не определение – умный-глупый-красивый-молодой. Добрый – это состояние души. Это – отношение к миру. Я заметила, что в определенном возрасте мы начинаем проявлять настороженность, опасаться окружающего. Мы смотрим, насупив брови. И все время проводим демаркационную линию, создавая между собой и остальными люфт. Доверчивость думающих, Пашенька, постепенно становится атавизмом. Кому доверять, если не уверен в собственных поступках?

– А как же быть с... – он запнулся, пытаясь вспомнить какое-то простое слово.

– С обещаниями? Обещания, даваемые самому себе, самые сомнительные. Никто не похудеет с понедельника, не возьмет себя в руки и не бросит пить, курить и засматриваться на чужих супругов. Ведь даже гулять прекращают только по физическим показателям. Правда, после безуспешно убеждают окружающих, что список полон, или никто не в состоянии вдохновить на новое чувство, или просто нечем записать номер телефона. Эх, «если бы молодость знала, если бы старость могла».

Ирина поцокала языком, пробуя салат, а, увидев глаза Павла, поднесла и ему полную ложку.

– Ты не можешь не согласиться...

– Соглашаюсь, божественно, – Павел самостоятельно зачерпнул добавку из салатницы.

– Да я не об этом, – Ирина отставила блюдо, пресекая новое нападение. – Я хотела сказать, что сегодня этот процесс значительно обогнал прогресс – молодых стариков предостаточно, души дряхлеют быстрее тел. Ходим холеные, напомаженные, истончаем манящие запахи и... ничего не можем предложить, разве что – успешную карьеру.

– Век стимуляторов!

– Да, все для стимуляторов!

– Ребята, наше дело правое!

– Только тот гол забили не вы, он – в ваши ворота! Кто-то азартно бежит по полю, размазывает грязь по лицу, обливается потом, получает синяки и травмы. Ему свистят, его судят, его награждают.

– А мы сидим у экрана с бешено колотящимся сердцем и «болеем».

– И невдомек вам, болезным, что вы сделали ставку на жизнь: накапливаете колоссальную нервную энергию, задействуя же мышцы, что и спортсмены, только вы неподвижны, – топот пятками в потолок соседа не в счет. Спортсмен произвел энергию и выбросил ее, а вы лишь накопили. Он избавился от стресса, а вы – приобрели. У вас этим добром под завязку

заполнены складские помещения. Они заперты и посажены на тугую пружину воли. Но резервы организма, дорогой мой бывший муженек, не беспредельны. Их надо тратить на себя: на свое здоровье, разум и собственную жизнь, а не дарить телевизору – ему по барабану...

– И это все, – Павел развел руками, – потому что я – добрый?

– Вот тебе и добрый, Пашенька. Добрый... Болельщик не может быть добрым. У него избирательная доброта, выборочная – на пари. Самое нелепое, что все это справедливо не только для спорта. На этом и вся остальная жизнь построена. С ее учебой, работой, карьерой, друзьями и коллегами. И я не могу по трезвому размышлению ни о ком, – понимаешь! – ни о ком сказать определенно и твердо – добрый. Ни о ком! Это удел святых. Однако, сохрани меня от подобного везения – от встречи с ними, – она ловко достала гуся из духовки и окружила его картошкой, начищенной Павлом. – Что-то наши запаздывают.

– Я... а где Колька-то?

– Опомнися, папаша. Его сейчас мама приведет с занятий.

– Какие занятия в выходные?

– С репетитором, Павлуша.

– Плохо учиться стал?

– Пока нет. А чтобы не стал, я его к нагрузкам приучаю.

В комнату заглянул Рони. Ирина оценила деликатность пуделя и поманила обрезками ветчины и буженины. Рони чинно сжевал закуску и поднялся на задние лапки.

– Моя ты умница, – Ирина потрепала его по загривку, – какой воспитанный.

– Я думаю, что он пить хочет. Хочешь?

Рони подошел к Ирине и замахал хвостиком.

– Жаль, что мне никогда такой мужик не попадался.

– Еще не вечер, – Павел поставил на пол блюдце с водой. – Правда?

Пудель промолчал – только жадно лакал воду.

– У тебя, правда, никого нет?

– А ты забыл, я уже отвечала.

Павел растерялся, он снова спросил об этом неожиданно для самого себя, хотя, наверное, совсем не случайно. Чересчур хорошо выглядела Ирина, была преувеличенно уверена в себе, слишком складно говорила. Теперь никто не мог сказать про нее – глупенькая. Она была не похожа на ту – замужнюю – Ирину, которая пять лет назад ни с того ни сего, дождалась окончания футбольной трансляции и предложила развод. Без видимых причин. На ровном месте. Никаких хоть сколько-нибудь логичных поводов она так и не привела тогда. Просто сказала, что устала. Устала от всего: безденежья, театра и семейной жизни. Выходит, она была права тогда. Сегодня, похоже, у нее все в ажуре...

– А тебе действительно интересно, или просто так спросил для поддержания разговора?

– Интересно. Действительно.

– Я тебе покажу его сегодня.

– Замуж собралась?

– Неужели я так плохо выгляжу?

– Я... в том смысле, что... одиночество...

– Хочешь, Паша, я тебе про жизнь расскажу?

– Про свою?

– И про свою, и вообще.

– Давай! – Павел пристроился у стола протирать бокалы.

– Женщина, мой дорогой, – великая должность и пожизненное исполнение своего предназначения. Впрочем, мужчина – не менее великая работа, особенно, если часто не заглядывать в бутылки. И такое же пожизненное исполнение своего предназначения. Однако стоим друг против друга и до хрипоты, до желудочных колик спорим – чье величие величественнее.

Мимо проходят годы, десятилетия, века. Сменяются поколения. Рождаются и умирают цивилизации... Но, по-прежнему, папа препирается с мамой – кто из них самее, что важнее – дом или карьера, дело или дети, рассудок или физиология, тело или чувство? На закате мы мудреем. Оттого, наверное, что утро, то самое, которое мудренее, может и не наступить.

Каждый миг теперь для меня, Пашенька, становится весомым, неповторимым. И очень заметным. Он совсем не похож на мгновения в детстве, когда обещание «сделать завтра» можно было отложить на бесконечный день. Помнишь, каким длинным в детстве был день? Мы заполняли его драками, обидами, маленькими победами и вселенскими поражениями, пакостями в школе и великими открытиями за каждой книжной обложкой... А еще салочками, классиками, казаками-разбойниками, снежками, дочками-матерями, испорченным телефоном, марками и фантиками... Дружбой. Первой любовью. Непонятным стеснением в груди, пунцовым румянцем и страхом быть вызванной к доске.

Долгий-долгий, бесконечный день детства. Миг много короче, но тоже – долгий. Можно успеть добежать до пятого этажа, спрятаться в саду, решить задачу, получить двойку, помириться, наворовать зеленой черешни, посмотреть мультик, подрасти на сантиметр... Мало ли что можно было успеть сделать за миг в детстве.

– А теперь? – У Павла перехватило дыхание...

– Даже номер телефона набрать некогда... Странно... Одни бояться произнести: «Я люблю тебя!» Другие – поверить. Кто-то после посетует: «Глупо прошла жизнь. Надо было сказать». Кто-то запоздало пожалеет: «Как нелепо все заканчивается, может, стоило попробовать?»

«Я люблю тебя». Какие простые слова, родной мой. Некоторые умудряются прожить жизнь и никому не сказать эти простые и великие слова. А иные уходят, так их не услышав. Случаются «счастливые», которым все равно. Бывают такие, слышала, что они встречаются. Мне повезло, – не знакома. Не хочу больше выставлять претензии – ни себе, ни другим. Надоело считать себя гадиной, уродиной, бездарной неудачницей. Я ведь, Пашенька родилась для радости, а вовсе не для того, чтобы разрываться между добром и злом.

– А я? – Глупо спросил Павел.

– И ты тоже родился для радости. Только не понимаешь еще этого. Мне больше не нужна жизнь другого человека. Я не намерена никого завоевывать, покорять, не собираюсь улавливать чьи-то флюиды, если тебя интересуют мои планы на будущее. То, что любви не существует без свободы, для меня теперь ясно, как слеза ребенка. Я очень рада, что могу теперь роскошествовать – перестать лукавить. Мне нравится и мой возраст, и мое к нему отношение – очень приятно позволять себе говорить и действовать прямо, без обиняков. Я не позволю себе больше совершать нелепости, когда кувыркаются в постели, воспитывают детей, живут, не любя, и, напрягая жилы, ходят на работу и проклинаят ее или дружат вопреки здравому смыслу.

– А у меня друзей нет... – он то ли удивился, вдруг осознав это, то ли пожаловался.

– Тут нам с тобой нечем похвастаться. Не повезло. Крепко не повезло.

– А помнишь ту комнату?

Ирина не удивилась этому переходу. Она и сама накануне вспоминала их первое совместное жилище – холодную шестиметровую комнатенку с узким окном-бойницей. Чтобы открыть форточку им приходилось перелезать через кровать сына. Теперь у нее...

– Неужели это все было зря, неужели мы ошиблись?

– Что ты, родной, – она обняла его за плечи, – просто, всему свое время. А как мы записывали Кольку в середину койки, чтобы выспаться?

– Он же, негодяй, портил пеленки, до тех пор, пока мы не догадались, что ему просто наша кровать нравится больше собственной.

– Да нет, он от холода писался. Какое все-таки замечательное время было! Съезды, пламенные трибуны...

– Август 91-го...

– Да, август 91. Как там было? – Она насупила брови и медленно начала, словно бы по печатному тексту. «Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР – Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР... – далее следовал список из 8 фамилий, – теперь она говорила уверенно и громко, – и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статьи – такие-то – Конституции и пр. Изменив народу, отчизне и Конституции они поставили себя вне Закона. На основании вышеизложенного, постановляю: сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России, от имени избравшего меня народа гарантирую Вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках. Президент РСФСР Борис Ельцин. Москва, Кремль.

– Вот это, да-а-а! – От восторга Павел не заметил, что стоит по стойке смирно перед Ириной.

– На этом указе под номером 63 было существенное дополнение – ручкой была вписана подпись, дата – 19 августа – и время – 22 часа 30 минут. Я же наизусть заучила, чтобы людям рассказывать.

– Столько лет прошло... Неужели?

– Пашка, – рассмеялась Ирина, – а я ведь тогда внутренне попрощалась с жизнью. Да, именно так. Очень хорошо помню, что чувствовала. Невероятное ощущение страха и восторга одновременно!

– И у меня это было. Там на вокзале мне казалось, что начинается война, и я могу больше никогда не увидеть ни тебя, ни Кольку. Но был рад, что ты уезжаешь на юг, что там можно переждать переворот и смуту.

– Помнишь, как нам на вокзале раздавали ту понедельничную листовку газеты «Куранты» с указом Ельцина на одной странице и с текстами под общим заголовком «Заговор обреченных» на другой?

– Меня тогда поразило, что все просили несколько экземпляров, прятали...

– И даже милиционеры!

– Ко мне потом сержантик подошел и попросил один экземпляр. Он побоялся взять у агитатора, но я ему дал.

– Не испугался?

– Почему-то нет, он мне еще свой номер телефона оставил на всякий случай.

– А я, как села в поезд, так сразу в туалете заучивать стала, – вдруг придется избавляться?

– Огромный текст!

– Хватило пяти посещений. Соседи, наверное, решили, что у меня понос. Я все-таки актриса, но ни одну роль не учила с таким энтузиазмом – два листа за полчаса. На самом деле была готова, что могу не вернуться в Москву, не увидеть тебя. А листочек потом спрятала в лифчике. Не поверишь, чувствовала себя революционеркой. «При всем критическом отношении к Горбачеву, к некоторым его действиям, к форме избрания его не народом, а только депутатами, мы все-таки воспринимали его как Президента СССР. Что значит «в связи с невозможностью»? Простыл? Невменяем? Почему нет его официального заявления? Ясно, что большевики пошли ва-банк, и в стране совершен государственный переворот. Но народ на колени не поставить. Это – заговор обреченных».

– Интересно посмотреть бы эту бумажку.

– Хочешь, найду?

– Как-то глупо, праздник, гости...

– Не бойся, это не долго. На нижней полке, где художественные альбомы стоят должна быть зеленая папка. Посмотри. Давай-давай, отправляйся, а то на кухне ты становишься опасным.

– Пойду, пожую немного истории, если хозяйке еды жалко.

– Мне не еды жалко – дизайн портишь.

– Ты меня поэтому тогда из дома выставила?

– Паша, я имею в виду только дизайн еды, а ты, как всегда, обобщаешь.

В зеленой папке ксерокопию «Курантов» Павел обнаружил сразу. Теперь он заметил несколько грамматических и стилистических ошибок, забытые запятые, – редакторам некогда было вычитывать текст. Еще он углядел то, что в далеком августе 91 года ускользнуло от внимания, – это была ксерокопия указа Президента России, размноженная с факсового сообщения. Тогда телефон и факс были единственными средствами связи Ельцина.

Павел неожиданно позавидовал сам себе, вспомнив невероятный энтузиазм и подъем. Вся советская история приучила его к тому, что никаких кардинальных изменений в жизни не могло произойти. Для карьеры нужно было вступать в партию, лизать седалища начальникам, для жизни – заводить знакомства с продавцами в магазинах, чтобы не стать без мяса и штанов.

В глазах зарябило от мелкого шрифта плакатного «К гражданам России», подписанного Ельциным, Силаевым и Хасбулатовм, от Лужковского «Обращения мэра Москвы к гражданам столицы», от «Указа» и «Пресс-конференции Бориса Ельцина». Впервые в советской официальной истории газету делали «по телефону» и доставили из Ленинграда в Москву, как «Искру» времен революции. Еще один листочек оказался «Сообщением Станкевича по внутреннему радио дома Советов 20 августа 1991 года около 18.00». Там тоже было много ошибок и опечаток, но главное заключалось в информации, – некоторые подробности предательства по отношению к законной власти с именами и хронологией по минутам. Заканчивалось это сообщение призывом «всех к мужеству, терпимости и по возможности предотвращения любых форм насилия», а также словами, которые 70 лет были под запретом в Советском Союзе, – «Да поможет вам Бог!», – впервые после 17-го года с заглавной буквы.

Павел впился глазами в нечеткую фотографию танков на фоне собора Василия Блаженного, и по телу пробежала дрожь. Точно такая же дрожь, испугала его, когда увидел танки Таманской дивизии, которые окружили здание Белого дома на Краснопресненской набережной. Все ждали арестов и репрессий. Все средства информации были блокированы путчистами, – телевидение демонстрировало историю победившей Одилии, «Радио России» прекратило вещание, «Эхо Москвы» вообще арестовали, и оно выходило в эфир подпольно. По улицам все ходили с радиоприемниками, ловили забугорные «голоса» и делились последними новостями: шахтеры объявили политическую забастовку. Все боялись и ждали боя. Никто не сомневался, что жатва будет кровавой. Но чувство восторга на предстоящем «пире во время чумы» объединяло и спланивало. Долой серую, будничную, размеренную жизнь! Пульс истории грохотал в висках и гнал на строительство баррикад.

Павел улыбнулся, – сразу после отправления поезда он тут же поехал домой в маленький арбатский переулок, но не отсиживаться, как обещал Ирине. Он затолкал в рюкзак все съестные запасы из холодильника, залил кипятком термос, сгреб йод с бинтами и проходными дворами стал пробираться к «Белому дому». По дороге встречались такие же люди – с глазами, горящими уверенностью в том, что это «последний решительный» бой для обретения подлинной свободы.

Это была сама история! Не в замшелых учебниках и энциклопедиях, а живая, горячая, человеческая. И проходила через сердце каждого, кто был полон решимости защищать ее и будущее своих детей. Наверное, так себя чувствовали участники штурма Берлина. Остановить

этих людей, могла только пуля. Первые российские кооператоры гнали в центр машины с удовольствием и медикаментами, везли железобетонные балки для баррикад.

А потом в тоннеле пролилась кровь. Павел опустил голову. Что же случилось с его жизнью за эти 10 прошедших лет? Почему все так повернулось? Деньги, деньги, деньги... Но ведь было же!? Мы обещали себе не забыть трех мальчиков, погибших той страшной ночью. А уже через год глухие слухи из героев сделали этих ребят неудачниками. Случайная, как оказалось, гибель их, успешно разыгранная политиками новой России, стала шестеркой, бьющей туза. Но тогда вся страна рыдала, припав к телеэкранам. Траурная трибуна, приспущенные флаги, щиты, которыми соратники прикрывали президента...

Седой богатырь – первый российский Президент – яростно разил врагов демократии и – по совместительству – своих собственных, как потом выяснилось. Это было сильно! И очень похоже на жизнь. Стране, которую лишь недавно разбудили от спячки, все было внове. За считанные годы мы прожили несколько веков. Стремительность, с которой проносились события, нельзя даже сравнивать со сменой времен года.

Да, с седым богатырем сильно ошиблись. Неудивительно, что теперь мы – смертельно уставшая нация. Когда много потрясений, чтобы сохранить себя от них, защищаются безразличием. Ленивый русич попервоначально из всех сил отказывался понимать, что происходит в его стране. А в стране раскручивался центробежный маховик. И из нее, как протуберанцы из солнца, с треском и грохотом отлетали бывшие друзья-колонии. Павел пытался вспомнить своих многочисленных друзей-приятелей из бывших республик.

Люди вычеркивали проверенные отношения навек – безжалостно и показательно. Как же это было страшно. Первыми выдрали свои печенки прибалты. Они стряхнули нас, как пыль с несезонной обуви, и пали ниц перед Европой: пустите нас, мы – ваши, а эти – СССР – завоеватели. SOS! – орал он на трех языках. И не могли не быть услышаны. Справедливости ради, – Павел тут же поправился, – надо заметить, что теперь они цапаются друг с другом. Инерция склоки велика: пожирательная сила не успокоится, пока и самое себя не сожрет. Мал клоп, а другого считает еще меньшим и норовит покусать. Жалел ли он о потерянных дружбах? Тогда – да, а теперь – нет. Каждый получает свое.

Перед глазами промелькнули предшествующие события. Глухая война армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, которая породила резню в Баку. Там снова, как в 1815 году, доблестные мусульмане вспарывали животы неверным христианам. В той мгновенной амнезии все забыли, что дети играли в общих песочницах. Павел до этого несколько раз бывал в Баку – прямом, многоголосом, веселом, как черноморская Одесса. Теперь же мало городов может потягаться с некогда современным Вавилоном – Баку – в расовой чистоте населяющего его люда.

После Баку был Тбилиси. Что там произошло? До сих пор непонятно, кто и кому раздавал приказы. Ни у кого из бравых генералов и коронованных коммунистической партией правителей не хватило смелости сделать шаг вперед и признаться. И покаяться. По всему выходит, что восемнадцатилетние солдатики просто озверели и решили сходить в кровавую самоволку. Только вот интересно, сколько орденов и медалей в пересчете на порубленные жизни получили за эту доблесть заинтересованные лица? А уж после отделения новые – из старых – грузинские князья решили показать «кто в доме хозяин», и выбрали для этого свою гордость – красавец проспект Шота Руставели – и побомбили его всласть. Когда воду и свет в доме имеешь несколько часов в сутки, трудно судить, кто был прав в том споре? Только проспекта не вернуть. И на мальчиков русских с саперными лопатками уже не сошлешься.

Может, и не было этих мальчиков? Павлу впервые пришла в голову эта шальная мысль. Неужели хитрые кавказцы «обделали» свои дела, а мальчишек заодно с генералами, замысловато подставили, как в кино – нужной комбинацией кадров?

Потом у казахов возникли проблемы с ранней клубникой. Не поделили ее торговцы на рынке в Алма-Ате. В цене не сошлись. И от этой незадачи вся республика встала на дыбы, и через некоторое время тоже отошла на заранее подготовленные позиции – самоопределяться, попутно забрав с собой совершенно ненужный Байконур. Что с ним делать и как использовать, – казахи не сообразили впопыхах. Пусть постоит, подождет, может и сгодится. У хозяина ничего в закромах не пропадет, при нужде – и на гвозди сойдет. А пока – некогда. Революция! Слово-то какое красивое. Сделаем все вокруг казахское! Свое! А то, что русское население составляло 45 процентов от общего числа жителей Казахстана – так это уже мелочи в горниле национального самосознания. Нечего было приезжать. Теперь покажем им – целину!

«Нет – руке Москвы!» – захлебываясь от праведного гнева, кричали и в Минске. Братьям-славянам тоже неудобно с нами в одной постели оказалось. Как дали стрекача! Да так резво побежали.

Потом «там можно» – решила таможня, и перестала миндальничать с проклятыми душами-москалями, выворачивая сумки старух и сливая на землю бензин из стареньких машин. Так будет со всяким, кто пересечет границу «ридной». «Запорожец» – теперь иномарка, – грустно усмехнулся Павел. «Не съем – так надкушу», – задумчиво почесывали чуприну в Киеве, и раз и навсегда решили, что черноморский флот будет ходить под жовто-блакитным стягом. А чего с ним делать – с флотом – как кормить-обувать? Потопим, но не отдадим. Забрали же истребители, хотя сало на них возить – себе дороже, не сало будет, а бриллианты уже обработанные концерном Де Бирс. И не собираются гордо отдавать Крым. Ни вам, ни татарам, – что с того, что полуостров Никита Сергеевич Хрущев подарил сгоряча, али по-пьяни? Поди теперь – отними? Выкуси! «Нет!» – Истошно вопят добрые хлопцы, – «Наш Крым! По закону». – Да возьмите. С людьми, с проблемами, с куском моря. Подавиться никто не боится. Только без нашего брата – курортника-москаля – как-то не получается. Не едет немчура, да и дядя Сэм нашел долларам лучшее применение.

Весь мир объединяется. И только в нашей баньке тесно. Всем поперек души стал великий и могучий русский язык. Действительно, великий и, действительно, могучий. На каком еще языке можно одно и тоже признание в любви произнести с тремя смыслами? Нет, конечно же, смысл один, но оттенки...

Я тебя люблю. Здесь главное, что Я тебя люблю.

Тебя я люблю. Уже на первом месте Ты – тебя люблю.

Люблю я тебя. Само чувство говорит.

Или ...

Павел шумно вздохнул и вынужден был признать, что емкость и образность делает русский язык не только невероятно красивым, но и сложным. Правда, в первую очередь это касалось нас самих. Не случайно бытовая лексика стремительно сокращалась, доходя у некоторых – особенно продвинутых индивидуумов – до словаря Элочки-людоедки. Как плакались наши пещерные рокеры о неудобстве языка. То ли дело английский! Все четко и навсегда – подлежащее-сказуемое. И никаких тебе отступлений. Красота. I love you! И все тут!

Теперь наши бывшие братья по одной шестой части планеты срочно переводят, все то, что читали по-русски на английский. Ну и что, что нет собственных математических и лингвистических понятий, изобретем: «Шарик, скажи – гав!» – «Gavs!» Минус – minus-s. Шекспира тоже придется переводить. Только вот проблема. Как? С русского, еще слишком памятного, или все же со староанглийского, которого, скорее всего, не знает никто, кроме нескольких москальских специалистов. Но, даже если они и есть, много ли у бывших друзей незалежных и не оккупантских Пастернаков? На всех наберется? У нас у самих один был, да и тот – в конце зарастающей тропы. Конечно, можно Лесю Украинку и Райниса с Чюрленисом провозгласить Шекспирами. И, как бы сказало армянское радио: «Легко организовать производство глобуса Украины».

Как-то в одной маленькой северокавказской республике проводился семинар, организованный союзом писателей и посвященный национальной драматургии. Павла послали на это мероприятие для отбора возможных кадров для кино. Собралось человек 70. Все они считали себя профессионалами. И с кавказским темпераментом всерьез обсуждали проблемы поствапильской драматургии и своеобразие языка литературы для театра и кино. Во всей республике проживало 85 тысяч человек. Получалось по драматургу на 1200 жителей. Мощно! Особенно, если учесть, что письменным сам язык в республике стал чуть ли не в 1920 году.

Он вспомнил свое возмущение от подобного национального высокомерия, но и не прознесенную гневную отповедь. Ему так хотелось поставить на место «зарвавшиеся» таланты, которые даже не потрудились поинтересоваться тем, что современный английский язык начал развиваться с 410 года, когда под ударами германцев пала римская империя. После этого германцы вторглись на Британские острова и осели там. А в V-VI веках туда же переселилась с континента большая часть их племен. Уже IX веке – подумать только! – основывается школа переводчиков. Пишутся хроники, летописи, церковная литература. Происходит объединение – древнеанглийский, латынь, уэльский, мерсийский, кентский, нортумбрийский – англо-саксонский, в общем. А там и скандинавы, и французы, и норвежцы, и датчане... А после в VII и VIII веках, – как это не смешно! – государственным языком в Англии был французский. Пройдет много-много лет пока напишет Чосер свои знаменитые «Кентерберийские рассказы», а потом Уиклифф переведет на английский язык Библию. И к XIV веку большинство населения перейдет с французского на английский. Реформация церкви, приведшая к возникновению протестантизма, неизбежно вызовет интерес к образованию и открытию университетов. Лондонский диалект станет объединяющим. И к концу XVI века английский язык, как общенациональный, полностью оформится. Но только конец XVI – начало XVII века – время эпохи Шекспира – станет фактически законодательным в формировании литературного английского языка.

С 410 года до XVII века! Столько понадобилось Англии, чтобы родить создателя Гамлета и Короля Лира. Был ли сам Шекспир тем лицом, за которое его потом стали принимать и почитать три столетия спустя, – другой вопрос.

России уже потребовалось 200 лет, чтобы дойти от Ломоносова до Чехова.

«Кузнечик молодой

Коль сколько ты блажен.

Коль сколько для людей

Ты счастьем одарен...» – Павел с удовольствием вспомнил выученное еще в школе стихотворение гениального помора.

Подумаешь, Шекспир с Пушкиными... Горячим кавказцам и 60 лет жаркой советской власти хватило. Лихачи! А, может, так и надо? «Смелость города берет!», – говаривал, кажется, Суворов. Что – века? Когда впереди маячит великая цель – единый мусульманский мир! Чистота крови. Единство устремлений! И великие завоевания! Трепещите, неверные!

– Господи! – Павел не замечал, что по его щекам скользят слезы. – Сохрани меня от вчерашних проблем на сегодня. И, если сможешь, то и на завтра. По крайней мере, дай мне время об этом не думать....

... не думать о матерях, бредущих по жирному чернозему, нашпигованному современным железом, в поисках косточек своих незабвенных мальчишек. Сыночки-сыночки! Почему не откликаетесь на материнский зов? В какой сырой земельке вы лежите? Почему не аукаются ваши смерти приснопамятным высокосидящим дядькам? Своих сыновей они на поле брани не пускают! Их сынки недостижимы для воинского долга. Что горе матерей невозмутимым правителям? Других детей нарожают глупые бабы. Куда они денутся, если лекарства сделать дорогими, а медицину – платной? Что с того, что сопливые девчонки оставят своих первенцев в детских домах? Это мы уже проходили – «Спасибо партии родной за наше счастливое детство!».

Сильно занедужила страна, если у нее появились новые негоцианты – торговцы живым товаром. На очереди – открытие новых Америк, – чтобы было куда невольников свозить. Молятся матери, чтобы сгинувшие на необъявленной чеченской войне, родные их кровиночки, оказались в рабстве. Если не забьют их свирепые братья в папах, может, удастся выкупить. С собой отработать. Найдите их! Найдите сыновей! Похороните косточки.

Куда там! Нам отца-невольника русской революции – Николая II со свитою – сподручнее погребать. У народа денежки возьмем и ... в ямку закопаем. И путь он – народ болезный – молчит в тряпицу.

Эта Богом то ли избранная, то ли проклятая страна, ни за что не хочет нести ответственность! Ни за святых, ни за праведных, ни за замученных, ни за убиенных... И моей вины, – Павел закрипел зубами, – здесь больше, чем собственного веса. Ведь с моего молчаливого невмешательства в разные времена кучки зажавшихся нелюдей вершат судьбы миллионов.

Жить – не жить.

Сидеть – не сидеть.

Платить – не платить...

Каждый человек рождается свободным! И его тут же бросают в мясорубку идей, религий, законов и запретов. А потом то, что осталось, просеют через микроскопическое сито указов, инструкций и постановлений. И выпустят с памяткой о пользовании свободой.

После этого несчастный будет бродить неприкаянным и всякого встречного-поперечного слезно выпрашивать – свободен ли он? И станут они вместе кручиниться, что невразумительно написано все в той памятке. Да и зачем им эдакая невидальщина-небывальщина – свобода? Век ее не видали, и живы остались!

А невозмутимые наши поднебесные, сменив пятиконечную звезду на хищного орла о двух головах – обе бдят, как бы народ башки не поднял, – вслед за Пушкиным повторяют: «Нет правды на земле». А то, что «нет ее и выше», – мы и без них знаем.

Кончается XX век. Напоследок спустил он на нас всю тьму свою, опутал чертовщиной магической, закабалил кровью младенцев и невыносимой всеохватной ложью. Лицемерный, воинственный и жадный. Как мы торопили его – кончайся побыстрее! Свалил он от нас, отполз в лету. Новый век настал. И сразу – с места в карьер! Кровушкой плещет направо и налево, оружием бряцает в любом споре, жизнь человеческую вообще мечтает заморозить до полного клонирования по образцу идеального солдата.

А мы? Подумаешь грешным делом, что нет нам места после всего содеянного на этой благословенной земле. И пусть приходят на смену серые человечки. Пора уже. Очень уж бездарный мы эксперимент. Кто-то сильно погорячился, оставил этот вариант. Навалили столько – никаким потопом не смыть. Так и живем. Все время пытаемся построить другой мир. А чертежи-то старые. Поначалу, все получается новое. Будто бы и мы – новые. Только куда же от себя деться...

– Ты чего в сумерках носом хлюпаешь? – Павел не заметил, как подошла Ирина и сунула ему в руку бутерброд. – Заешь историю, а то потом несварение будет.

– Знаешь, Ирка, мне кажется, что я потихоньку ум теряю.

– Ты осторожнее. Ум – не трава, по весне не отрастает.

– А чего же мне делать тогда?

– Смотри вперед.

– А если глаза закрыты?

– Тогда смотри внутрь себя.

12 глава. Благолепие

Даша чуть не упала от боли. Как же ненавидела она детские каникулы! Для театра это было золотое время – два утренних и вечерний спектакль. Касса заполнялась сама собой. Детские садики, школы, сердобольные родители – все считали своим долгом приобщить детей к искусству. У самих детей никто, разумеется, не спрашивал, нужно ли им такое благодеяние? И потому они сопротивлялись, как могли. Малышня шуршала обертками от конфет. Те, что постарше, расстреливали безоружных артистов: кто был помилованнее – плевался из трубок жеваной бумагой или горохом, а воинственные – стреляли из рогаток скрепками или алюминиевыми обрезками. Такая пуля вполне могла причинить увечье. Даша скосила глаза на голый сгиб локтя, так и есть, – из ссадины тоненькой струйкой сочилась кровь.

Хорошо было только положительным героям. Даша, играя Бабу-ягу, с замиранием сердца, выходила на сцену всю неделю. За кулисами ей быстро приклеили пластырь, и мужики пообещали доиграть спектакль за 15 минут вместо положенных 40. Надо только звуковикам позвонить, чтобы отматывали пленку на финал. Обойдемся без превращений, заодно и монтировщикам меньше работы – лес, как стоял, так и стоять будет. Добро и так победит – чего лишний раз декорации таскать? А до следующего спектакля всем можно будет спокойно поспать часок.

– А помреж? – Подала голос загримированная под лешего Оленька.

– Ставьте бутылку – и обойдемся без докладной, – Михалыч в костюме медведя сам изнывал от «любви» к подрастающему поколению. – Побыстрее выкурим эти цветочки из нашего храма искусства!

– Не радуйся, Михалыч, вечером ягодки собирать, – артисты сдавленно засмеялся. – На «Ромео и Джульетте» иногда приходилось сверху – из будки звуковиков – поливать холодной водой сцепившиеся в любовном экстазе парочки подростков. Они, налакавшись всякой дряни перед спектаклем, испытывали в темном зале любовное томление под классический текст.

– Ольга, а ну, изобрази! – Семен Лукич – сейчас тощий Кощей, а в советские времена – Ленин в «датских» спектаклях, мечтательно подкатил глаза, вспоминая походку Оленьки-Джульетты.

– Оставайтесь на поклоны, так и быть – выдам вам посвящение.

– Побойся Бога, я погибаю в первом акте.

– А вы хотите и рыбку съесть, и косточкой не подавиться?

– Пошел занавес! – Михалыч дал отмашку ко второму действию.

Народ хмыкнул, потому что на поклоны Оленька выплывала особым манером, от которого у мужиков в первых рядах партера трещали пуговицы и расходились молнии на брюках. Оленька умудрялась так низко расстегивать блузки (а для костюмов в каждой пьесе, независимо от эпохи и автора, она заставляла для себя шить именно блузки) и так виляла бедрами, что с некоторыми особо впечатлительными зрителями бывали истерики.

На все замечания по поводу несовместимости роли и подобных поклонов Оленька неизменно отвечала, что в театре нет места голой правде и голой лжи. А чтобы ни у кого не возникало сомнений в ее правоте, подводила под «этот монастырь», как она называла театр, свою базу о том, что и ложь, и правда на сцене, прежде всего, должны быть театральны. Нет магии, нет тайны – нет и театра! Мертвой Джульетте все равно, а она в свои молодые годы должна иметь успех. И ведь имела! Когда в афише стояла ее фамилия, администрация могла быть спокойна – сбор будет! Ходили глухие слухи, что на Оленьку даже делаются ставки: вывалится грудь или нет? Во всяком случае, неизменные поклонники ее дарования всегда резервировали себе первые ряды партера. Театр от этого только выигрывал, взвинчивая цены на билеты вдвое.

Даша хмуро улыбнулась и полезла на свое место в избушке на курьей ножке. Попутно, как всегда, пропустила в потемках ступеньку на лестнице и больно ударилась пораненным локтем. Хорошо, что звучала песенка, и можно было громко ойкнуть, не сдерживая себя. Она приготовилась к реплике, после которой предстояло совершить кульбит и вывалиться прямо к ногам Иванушки-дурачка. Она вспомнила, что Катька всегда пугалась в этом месте. Потом дома она долго путалась, пытаясь объяснить, чего боялась больше: того, что Иванушка струсит, или того, что мама расшибется? Даша тут же запретила себе думать о Катьке, чтобы не зареветь и не размазать грим.

Она принялась размышлять о том, что, наверное, Оленька права в своем максимализме, говоря про особую театральную магию. Если у тех, кто делает спектакль, внутри не горит огонь – творческий огонь, питающийся страстью, страхом, упованием, мечтами, – не будет успеха. Правда, в той апатичной и растительной жизни, которую вела Даша, успех был не нужен. После всего случившегося, она схватилась за профессию, как за спасательный круг. И это сработало. Постепенно некоторые краски начали восстанавливаться в том числе, и в мастерстве. «Живым жить», – убеждал ее батюшка в храме, – не нам, грешным, требовать Бога к ответу, просто молись». Шло время, и жизнь, действительно, брала свое.

Театр Даша воспринимала теперь не как возможность для созидательной реализации, а как способ преодоления стылого одиночества. Ее спасало то, что она была неплохой актрисой, и играла на сцене на уровне рефлекса на провокацию: машинально меняла поведение и способ существования от смены драматургических обстоятельств, даже не замечая этого. Ее выручала многолетняя практика. То, что всегда заботило любого артиста, а именно цель – через текст выйти на понимание роли, – ее не занимало. Даже страх забыть слова исчез.

Случившаяся трагедия странным образом неожиданно переплавилась в то, что не имело объяснения, – в органику. Если бы Даша была в другом состоянии, то несомненно порадовалась бы за себя, – это было отличие хорошего актера от плохого. Так и в жизни. Есть органика – нет органики, есть обаяние – нет обаяния, есть ум – нет ума, есть совесть – ... На самом деле никакая совесть ее не волновала, главное – лишь бы не было срыва. Ей надо доиграть спектакль и постараться избежать истерики

Дома в лихорадочном, полубредовом состоянии она смотрела на экран телевизора – шла трансляция соревнований по фигурному катанию. Постепенно лавина музыки пригвоздила ее к креслу, даже шевельнуться не было сил. Это был шок, который выбил все только что бывшее и давившее своей тяжестью. Она даже задохнулась от этих звуков и мельканий и вдруг поняла, что находится в вакууме – исчезли заботы, мысли. Ею овладело странное взвешенное состояние, которое бывает, когда долго смотришь в одну точку. Экран, ударив по глазам и ушам, дал покой. Даша улыбнулась, страх перед истерикой теперь выглядел смешным и нелепым.

Вернулась способность мыслить. Вспомнился институтский педагог – вальяжный седой сибарит. Он любил печально рассказывать о тихих средневековых городах без орущих на все лады достижений цивилизации: магнитофонов, телевизоров, радиоприемников. С тоской говорил про то, как там жили несуетные и основательные жители.

– Я тоже не хочу суетиться, – Даша тяжело вздохнула, – хочешь-не хочешь, а за окном... гудят машины.

На экране высокий парень ловил партнершу после очередной подкрутки. Фигуристы закончили выступление и ждали оценок, а замедленной съемкой повторяли наиболее удавшиеся элементы программы. И Даша вдруг открыла для себя какие-то связи...

Вероятно, из мечты человека – продлить миг красоты – был придуман танец на льду: протяжный, плавный, с величавым и гордым скольжением и легкой раскованной пластикой. Потом этого показалось мало, захотелось большего, невозможного – задержать и растянуть во времени эту красоту. И тогда придумали рапид – замедленную съемку. С каким восторгом

смотрится не просто движение на сверкающей поверхности, а невесомое парение, недоступное физическим возможностям человека...

Неудержимо захотелось летать.

Летать, как раньше, в детских снах. Легко. Высоко. Беспрепятственно.

Лихо пикировать вниз, ракетой взмывать к облакам и мчаться навстречу солнцу, как когда-то взлетел Икар. Правда, Даша и теперь летала во сне. Но полеты эти не имели ничего общего с той раскованной свободой детских снов. Теперь она летала низко и медленно, все время натывалась на какие-то препятствия. И солнце светило не так ярко и призывно. Было сырое небо. А огромная черная сетка, словно кольчуга, не позволяла приближаться к облакам, а давила к земле. Из нынешних полетов ушло ощущение восторга. Но она была рада и таким – усеченным и неполноценным. И каждый раз, просыпаясь после такого сна, с волнением гадала: «А не в последний ли раз летала?» Теперь, со смертью дочки, полеты прекратились, но, может, они еще вернутся?

Перед глазами проявилось далекое детство: большой дом, сад, цветы и грядки зелени. Она – маленький двухлетний карапуз – перед огромным розовым деревом. Как-то так случилось, что она никак не могла вспомнить, что это было за дерево? А теперь ясно увидела – это большой куст чайной розы. И высоко в небе самолет чертил бархатную белую бороздку. Стало трудно дышать от нахлынувших запахов – розы, сирень... и цветущий виноград. Бог мой, цветущий виноград! Разве может сравниться что-нибудь с запахом цветущего винограда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.